ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Шумилин А.И.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА: фактор Д. Трампа

МОСКВА 2026

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

А.И. Шумилин

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА: ФАКТОР Д. ТРАМПА

**Доклады Института Европы
№ 427**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2026**

УДК 327(4:5-15)(091)
ББК 66,4(4),09(533)
Ш96

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Н.Б. Кондратьева (ответственный редактор серии),
О.В. Буторина, К.Н. Гусев, В.С. Изотов, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина, А.И. Шумилин, В.Е. Язькова

Научный редактор П.Е. Кандель

Рецензенты:
Трофимова Ольга Ефимовна, к.э.н., ИМЭМО РАН
Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., ИЕ РАН

Тема НИР FMZS-2024-0001
«Трансформация европейской системы безопасности. Отношения России с участниками европейской системы безопасности и евроатлантическими институтами (ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ) (2024-2026 гг.)»

Шумилин А.И. Ближневосточная политика Евросоюза: фактор Д. Трампа = EU Middles East policy: the D. Trump factor : [монография] / А.И. Шумилин. – М.: Ин-т Европы РАН, 2026. – 156 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 427). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-242-6. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22026_427. – EDN: ESIXGF.

В работе прослежены подходы руководства ЕС и ряда ведущих его стран-членов к главным проблемным узлам в регионе Ближнего Востока и Северной Африки к середине 2020-х гг. (Иран, Израиль, Палестина, Сирия, Йемен). Проведён анализ отношений ЕС с Турцией. Особое внимание уделено эволюции европейской политики под влиянием одностороннего и преимущественно силового подхода администрации Д. Трампа к сохраняющимся в регионе конфликтам. Изучено актуальное состояние отношений между мусульманскими общинами и государством в странах ЕС, усиление радикализма в суннитской и шиитской среде мусульман в Европе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22026_427

© ИЕ РАН, 2026

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.I. Shumilin

EU MIDDLE EAST POLICY: THE D. TRUMP FACTOR

Reports of the Institute of Europe
№ 427

Monograph

Moscow
IE RAS
2026

Аннотация

Подход к ближневосточным проблемам в целом – особый феномен во внешнеполитической деятельности Евросоюза и его стран-членов. Он часто диктуется ситуацией внутри самих этих стран, складывающейся под воздействием процессов, происходящих на пространстве Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). А сама порождённая таким «переплетением» политика не всегда совпадает с установками руководства ЕС. В данной монографии рассмотрены новые аспекты в подходах Брюсселя и стран-членов к изменившимся реалиям в соседнем регионе – после завершения «арабской весны». Один из них – попытка европейцев соблюсти свои интересы в регионе на фоне односторонних действий обеих администраций Д. Трампа. Сделан вывод, что это возможно только на пути форсированной реализации планов «стратегической автономии» ЕС. Особое внимание уделено рассмотрению нарастающей угрозы исламистского радикализма в мусульманских общинах Европы.

Annotation

The approach to the Middle East issues in general is a unique phenomenon in the foreign policy activities of the European Union and its member states. It is often dictated by the situation within these countries themselves, which is influenced by processes occurring in the Middle East and North Africa (MENA). The policy generated by this «intertwining» does not always coincide with the guidelines of the EU leadership. This monograph examines new aspects in the approaches of Brussels and member states to the changed realities in the neighboring region – following the end of the «Arab Spring». One of these is the attempt by Europeans to protect their interests in the region against the backdrop of the unilateral actions of both Trump administrations. It is concluded that this is only possible through accelerated implementation of the EU's «strategic autonomy» plans. Particular attention is paid to the consideration of the growing threat of Islamist radicalism in Muslim communities to the preservation of the principles of secularism in European countries.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..7

Глава 1. Европа в контексте «ближневосточной трансформации»……... 12
1.1. Эволюция понятия «ближневосточный конфликт»…… 13
1.2. От гражданской войны к региональному конфликту…..15
1.3. Геополитика в религиозном контексте……17
1.4. Сирия после Башара Асада: «религиозно-идеологический прагматизм»……. 24

Глава 2. Политика ЕС на Ближнем Востоке на фоне администраций США (Д. Трампа – Дж. Байдена – Д. Трампа)…….29
2.1. Первое президентство Д. Трампа: разногласия с ЕС нарастают……... 30
2.2. Администрация Дж. Байдена: США и ЕС укрепляют партнёрство …….. 36
2.3. Возвращение Д. Трампа: эволюция трансатлантизма…. 61

Глава 3. Исламизм как фактор внутренней политики в странах ЕС ……...……... 107
3.1. Мусульмане в Европе: умеренные versus радикалы…..108
3.2. «Братья-мусульмане»[1] (сунниты): исламисты-революционеры…….. 113
3.3. «Хезболла» (шииты) в Европе: флаг Ливана, орудие Ирана…….. 133
Заключение…… 144

Литература……149

Об авторе…… 153

[1] Деятельность организации признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

CONTENTS

Introduction……7

Chapter 1. Europe in the context of the «Middle Eastern transformation»…….. 12
1.1. The evolution of the concept of «Middle East conflict»…...13
1.2. From civil war to regional conflict …….. 15
1.3. Geopolitics in the religious context …… 17
1.4. Syria after Bashar al-Assad: «religious-ideological pragmatism»……...24

Chapter 2. EU Policy in the Middle East against the background of the US administrations (D. Trump – J. Biden – D. Trump)…… 29
2.1. D. Trump's first Presidency: differences with the EU are growing…….. 30
2.2. The J. Biden administration: The US and EU are strengthening their partnership……...36
2.3. The return of D. Trump: the evolution of Transatlanticism..61

Chapter 3. Islamism as a factor in domestic politics in the EU countries ……..107
3.1. Muslims in Europe: moderates versus radicals……..108
3.2. The Muslim Brotherhood (sunnis): islamist revolutionaries…… 113
3.3. Hezbollah (shiites) in Europe: the flag of Lebanon, a tool of Iran……133

Conclusion…….……...144

Literature…….…… 149

About the author…….…….……... 153

ВВЕДЕНИЕ

Ближний Восток живёт своей обыденной жизнью. Только обыденность эта своеобразная, заметно контрастирующая с другими регионами мира. С одной стороны, здесь фиксируются пики потоков мирового туризма (особенно в зимний сезон из стран Северного полушария) и паломников к святым местам ислама (Мекка и Медина в Саудовской Аравии), иудаизма и христианства (Израиль, Палестина). С другой стороны, столь же специфической и неотъемлемой характеристикой региона остаются боевые действия, во́йны различного масштаба – как «неожиданные» (для тех, кто не погружён основательно в происходящее там и узнаёт о новых потрясениях из новостей), так и «запрограммированные» десятки и сотни лет назад. В силу этого, а также с учётом повышенной значимости региона для мировой экономики, Ближний Восток был и остаётся в центре мировой политики со всеми вытекающими последствиями, в частности объектом неизбывного внимания со стороны крупнейших держав. Местным и иностранным стратегам время от времени удаётся предотвратить очередной надвигающийся военный взрыв в этом регионе, но ощущение того, что «курок взведён» и «висящее на стене ружьё» вот-вот выстрелит, редко покидает главным образом местных жителей.

И всё же даже при сохранении своих «обыденных» характеристик (туризм, паломничество на фоне войн), Ближний Восток сегодня во многом не тот, что был даже десяток лет назад. Более безопасен? Вряд ли. И это связано не только с положением дел в той или иной стране там. Многое зависит также от вовлечённых международных акторов: например, обвинения со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) в адрес Ирана (в связи с нарушениями договорённостей с этой организацией касательно инспекций ядерных объектов) в июне 2025 г. подтолкнули Израиль, а вслед за ним и США, к нанесению мощных ракетно-бомбовых ударов по иранским военным объектам, за которыми последовали ответные атаки Тегерана по целям в Израиле и американским базам в регионе. Или концентрация ранее невиданной военно-морской мощи США вблизи

Ирана в феврале 2026 г. с угрозой уничтожить всё, что связано с военной промышленностью Исламской Республики? Чьи нервы сдадут первыми – аятолл или обитателей Белого дома в Вашингтоне? Ответ был дан 28 февраля 2026 г.: первым, как и летом 2025 г., авиаудары по объектам в Иране нанёс Израиль, затем последовали волны авиационных и ракетных атак Пентагона. Пока «курок взведён» и арабские соседи Ирана, казалось бы, давно враждующие с ним, также не могут ощущать себя в безопасности: предугадать масштабы регионального «пожара» заранее невозможно. На сей раз пожар – в прямом и переносном смыслах – не пожалел практически ни одну арабскую страну в районе Персидского залива.

Сегодня регион в военно-политическом плане иначе скроен, чем в XX столетии. Это связано в первую очередь с трансформацией самой сути и понятия «ближневосточный конфликт». До 1990-х гг. этот термин расшифровывался в основном как «противостояние между арабскими странами и Израилем». Теперь такая трактовка не только неактуальна, но и неверна, поскольку упомянутые страны из врагов всё очевиднее становятся партнёрами в их совместном противоборстве с Ираном и подпитываемыми аятоллами радикальными группировками – ХАМАС в секторе Газа, «Хезболлой» в Ливане, хуситскими формированиями в Йемене. В Тегеране эти группировки именуются «осью сопротивления». Сопротивления кому? В первую очередь, конечно, Израилю, но, заметим, не только ему, а также и арабским монархиям Персидского залива (кроме разве что Катара), которых аятоллы после исламской революции 1979 г. неизменно клеймят как «продажных клиентов Запада». С первого срока Дональда Трампа крупнейшие монархии, а также несколько других арабских стран связывают с Израилем «Авраамические соглашения», создавшие платформу для координации их усилий в первую очередь в противостоянии Тегерану и его «ядерной программе». Но и, конечно же, для превращения всего Ближнего Востока в «оазис процветания».

В центре данного исследования ближневосточная политика Европейского союза и его стран-членов. Автор предпочитает именно такую формулировку, поскольку даже крупнейшие стра-

ны ЕС, хоть и в равной степени озабочены положением дел в регионе, оценивают развитие событий там порой по-разному. Так, например, Париж и Рим расходятся в оценке происходящего в Ливии, а Рим и Берлин воспринимают военные действия в секторе Газа и трактуют проблему «признания независимого палестинского государства» иначе, чем Париж и Мадрид. А что остаётся делать руководству ЕС? В основном ограничиваться констатацией точек пересечения стран-членов, отражая их в соответствующих декларациях. А там, где не наблюдается сближения их позиций, Брюссель сводит свою реакцию к декларированию собственных принципов в подходе к той или иной проблеме. Как правило, эта «политика деклараций» ведётся в духе призывов к гуманизму, отказу от насилия, оказанию гуманитарной помощи населению и соблюдению международных норм и прав человека. ЕС всячески старается сохранить элемент «мягкой силы» в подходе к большинству проблем на Ближнем Востоке, трактуя её как важный и порой более выигрышный ресурс в сравнении с американским силовым инструментарием.

Неудивительно, что при таком раскладе бюрократия ЕС в принятии решений ощущала себя достаточно комфортно при всех американских администрациях, с которыми пребывала в состоянии взаимопонимания и сотрудничества в регионе. Но только до первого и второго приходов в Белый дом Д. Трампа, который предпочёл перекроить Ближний Восток на свой лад, отодвигая европейцев, а вместе с ними и «демократические ценности» на задний план. Это отчётливо и вполне зримо проявилось, в частности, в ходе саммита в египетском Шарм-эль-Шейхе 13 октября 2025 г., когда документ по мирному урегулированию в Газе подписывали арабские и турецкий лидеры, а Эммануэль Макрон, Педро Санчес и Кир Стармер, которые также изъявили желание стать гарантами данного процесса, были обречены стоять в стороне, наблюдая за церемонией. Такой сценарий прописал Трамп. Вскоре после этого европейские лидеры сделали свой ход в отношении американского визави: они в подавляющем большинстве отказались принять приглашение войти в состав «Совета мира» под управлением 47-го президента США. Исключением стали премьер-министры Венгрии и Болгарии –

Виктор Орбан и Росен Желязков. В целом же односторонний подход Трампа к ближневосточным делам, его стремление оттеснить европейцев, уменьшить их роль в этом регионе – всё это делает безальтернативной ставку ЕС на «стратегическую автономию», опору на собственные силы и ресурсы.

Заметнее других европейских политиков вызов Трампу на ближневосточном направлении объективно бросает французский президент Э. Макрон, который, по мнению многих аналитиков, отчасти возрождает на ближневосточном направлении пресловутую «арабскую политику» времён генерала де Голля. В современном исполнении она выглядит уже не как заметный деголлевский «крен в пользу арабов», а как попытка удерживать баланс в подходе к отношениям между арабскими странами и Израилем, но с подчёркнутым призывом учитывать «законные требования арабов» касательно статуса палестинского образования (автономии или государства?) и происходящего в секторе Газа. Ближневосточная стратегия Макрона становится понятнее, если рассматривать её на фоне требований всё расширяющейся мусульманской общины во Франции, укрепления внутри неё радикальных элементов и группировок, в частности, связанных с ассоциацией «Братья-мусульмане» (БМ)[2].

По мере снижения ближневосточного миграционного давления на политикум в Европе «угроза с юга» всё основательнее и системнее проявляется для ЕС изнутри его стран-членов – в виде усиления исламистов, подталкивающих большинство мусульманских общин, исповедующих вполне умеренные взгляды, перейти на позиции радикалов. Последние навязывают мусульманам, в своём большинстве стремящимся быть добропорядочными и равноправными гражданами в странах проживания, идею

[2] Международная религиозно-политическая ассоциация, основанная в марте 1928 г. египетским учителем, теологом и проповедником Хасаном аль-Банной (1906–1949) в Исмаилии (Египет). С 1933 г. штаб-квартира организации расположена в Каире. Х. аль-Банна характеризовал движение так: «салафитское, ортодоксальный путь, суфийская реальность, политическая организация, спортивная группа, научное и культурное общество, хозяйственная компания и социальная идея». В 1950 г. после смерти Х. аль-Банны (в 1949 г.) одним из главных идеологов движения стал литератор Саид аль-Кутб, который был казнён в 1966 г. Ассоциация имеет своих приверженцев во многих странах мира. Они исчисляются миллионами.

необходимости политизации исламской религии для превращения её в инструмент борьбы со светской властью. Их лозунг – «Ислам превыше конституции и светских законов», «Ислам – вот решение всех проблем общества». Всё это в контексте с провозглашённой конечной целью создания пресловутого «всемирного халифата».

Сегодня – в отличие от того, что было ещё лет пять назад – всё больше европейских политиков перестают проводить различие между группировками «братьев», воспринимавшимися ранее как «мягкие» или «умеренные» исламисты, и экстремистами из запрещённых в России организаций «Исламское государство» (ИГ) и «Аль-Каида». В данной работе достаточно подробно рассматриваются структура тайной организации и методы практически подпольной деятельности «братьев» с целью проникновения в общественные и государственные органы европейских стран. В фокусе внимания автора и другое относительно новое явление: мусульманские общины Европы всё заметнее превращаются в пространство противостояния между основными ближневосточными государствами-антагонистами, население которых исповедует ислам суннитского толка. Это главным образом Саудовская Аравия и ОАЭ, с одной стороны, и Турция с Катаром, с другой. Их соперничество за влияние на мусульманские общины и через них на государственную систему той или иной европейской страны нарастает с каждым годом. Вполне уместно уже говорить о переносе противостояния между упомянутыми государствами с ближневосточной почвы на европейскую.

В силу своей значимости «мусульманский фактор» начинает играть всё более заметную роль во внутренней политике большинства стран Евросоюза. На противодействии ему (в т.ч. через запугивание коренного населения якобы грядущей исламизацией) набирают электоральные очки правые и даже крайне правые силы. Политическому центру пока удаётся удерживать доминирующие позиции, но обозначившиеся тенденции не добавляют центристам оптимизма. На фоне электоральных успехов правых сил, эксплуатирующих тему ближневосточной миграции, большинство мусульман – как умеренных, так и радикалов – пыта-

ются наладить избирательные альянсы с левыми партиями и организациями, включая и крайне левых (типа Меланшона во Франции). Вероятные успехи этих альянсов чреваты уже разрушением традиционных государственных структур, да и всей политической системы в ряде стран Евросоюза.

Вот так ближневосточная проблематика, сохраняя воздействие на страны Европы извне, сегодня всё заметнее «прорастает» и изнутри на европейской почве. Задачи нейтрализации этих угроз определяют формирование как внешнеполитических стратегий стран ЕС на ближневосточном направлении, так и планы действий по борьбе с радикализмом на внутреннем поле острых столкновений. Об этом данная монография.

ГЛАВА 1. ЕВРОПА В КОНТЕКСТЕ «БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ»

Отслеживая эволюцию геополитической ситуации в ближневосточном регионе к началу 2026 г., есть достаточно оснований полагать, что разразившиеся там в 2011 г. процессы социально-политических потрясений не просто стихают, но и практически завершены. Происходит постепенная, порой болезненная стабилизация в странах, ещё недавно охваченных «арабской весной». Зримыми вехами стали такие события, как смена режима в Сирии и существенное сокращение «резистентного» (или попросту «боевого») потенциала Ирана и его региональных союзников в виде религиозно-политических группировок – ХАМАС в Газе, «Хезболла» в Ливане, хуситские формирования в Йемене и «Народная мобилизация» в Ираке. Последние ещё не разгромлены окончательно Израилем, арабскими монархиями при содействии США и Евросоюза, но заметно ослаблены. За исключением, пожалуй, Йемена они не являются уже главными военно-политическими акторами в обозначенных районах своей активности, каковыми они фактически были ещё недавно. В политической иерархии и государственных органах там закрепляются умеренные силы, всё заметнее наращивающие мускулы для противодействия упомянутым радикальным и экстремистским группировкам, которые получают поддержку уставшего от войн

и разрухи населения. Соответственно, ослабевает давление на Европу со стороны потоков мигрантов из арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). В арабских и европейских столицах активно прорабатываются вопросы, связанные с возвращением на родину беженцев из стран Старого Света.

1.1. Эволюция понятия «ближневосточный конфликт»

Прочно войдя в политический лексикон после 1948 г., этот термин сохраняется и используется сегодня, но в подавляющем числе случаев – не в том смысле, как он употреблялся на протяжении второй половины XX в. В годы холодной войны словосочетанием «ближневосточный конфликт» чаще всего описывалось *противостояние между Израилем и арабскими (иногда шире – мусульманскими) странами*. Напряжённость, время от времени приводившая к вооружённому столкновению между самими арабскими государствами, чаще всего воспринималась в мире как событие периферийное и, следовательно, второстепенное[3]. Такое видение политического ландшафта БВСА культивировалось не только в СССР, но встречалось с пониманием в экспертных и политических кругах стран Запада. Это объяснялось тем, что противостояние между арабскими странами и Израилем оставалось главной линией напряжения в регионе, который, в свою очередь, воспринимался как пространство постоянно «подогревавшегося» военно-политического соперничества между СССР и США (в отличие от фактически «замороженного» противостояния вооружённых сил НАТО и Варшавского пакта в Европе). Именно арабо-израильская линия напряжения оказывала наибольшее влияние на стратегическое планирование подходов Москвы и Вашингтона к Ближнему Востоку в целом.

Ситуация начала постепенно меняться в результате свержения шахского режима в Иране в 1979 г. и утверждения там теократического правления шиитского духовенства. Это резко повысило накал противоречий между Исламской Республикой

[3] Например, «Песчаная война» между Алжиром и Марокко (1963 г.), война между Египтом, Йеменом и Саудовской Аравией (1962–1967 гг.), столкновения между Египтом и Ливией (1977 г.). Агрессия же С. Хусейна против Кувейта (1990 г.) стала поворотной вехой в истории ближневосточного региона, поскольку в составе международной антииракской коалиции воевали подразделения нескольких арабских стран.

Иран (ИРИ) и её арабскими (суннитскими) соседями (нефтяными монархиями Персидского залива во главе с Саудовской Аравией, а также с Ираком при Саддаме Хусейне). Тем самым был спровоцирован взрывной скачок в многовековом соперничестве между суннитами и шиитами, находившемся к тому времени в латентном состоянии. В начавшейся в 1980 г. войне между Ираком и Ираном Москва и Вашингтон де-факто поддерживали одну сторону – С. Хусейна, которому, однако, так и не удалось разгромить режим шиитских аятолл в Иране. А после вторжения саддамовского Ирака в Кувейт в августе 1990 г. СССР и США начали координировать свои действия в отношении конфликтов в регионе: в частности, они совместно выступили в Совбезе ООН с осуждением иракской агрессии, что в конечном счёте привело к военной операции международной коалиции по освобождению Кувейта («Буря в пустыне», январь – март 1991 г.). Это взаимодействие Москвы и Вашингтона стало одним из ярких проявлений окончания холодной войны.

Боевые действия между Ираном и Ираком (1980–1988 гг.) на фоне резкого обострения суннитско-шиитского противостояния, а также вторжение С. Хусейна в Кувейт (август 1990 г.) отчётливо продемонстрировали существование в регионе иных – кроме арабо-израильского – источников опасной напряжённости, что само по себе логически расширило рамки понятия «ближневосточный конфликт»: оно уже включало в себя и локальные межарабские столкновения, и существенно активизировавшуюся ось суннитско-шиитского противоборства. Серия же мирных соглашений, заключённых Израилем на протяжении 1990-х гг. (при содействии России и США) с его соседями – палестинцами (процесс Осло), Иорданией (с Египтом мирный договор был подписан ещё в 1979 г.), а также вывод израильских войск из южных районов Ливана и, наконец, арабская мирная инициатива 2000 года[4] – во многом лишили прежнего смысла также и словосочетание «арабо-израильский конфликт»: оно фактически было сведено к понятию «палестино-израильский

[4] Инициатива была выдвинута наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой. В 2002 г. она была одобрена на саммите Лиги арабских государств в Бейруте, а в 2007 г. ЛАГ вновь подтвердила её на саммите в Эр-Рияде.

конфликт/противостояние». Политика же Ирана в регионе, воспринимавшаяся суннитскими монархиями и Израилем как экспансионистская, вкупе с их опасениями неоднозначной ядерной программы Тегерана, неуклонно подталкивала монархии и еврейское государство к сближению перед лицом «общей угрозы». Акцент на необходимости противодействия Тегерану стал центральным элементом ближневосточной политики ещё первой администрации Д. Трампа, что, по её расчётам, могло бы облегчить решение такой стратегической задачи, как налаживание открытых (а не тайных, как было в 1990-е и последующие годы) партнёрских отношений между союзниками США в регионе – суннитскими монархиями и Израилем. Евросоюз же предлагал альтернативный подход к Тегерану, основанный на политико-стратегическом компромиссе и с акцентом на развитие торгово-экономических отношений.

1.2. От гражданской войны к региональному конфликту

Самым драматичным и затяжным внутренним вооружённым конфликтом за последние десятилетия в регионе Ближнего Востока и Северной Африки остаётся гражданская война в Алжире (1991–2002 гг.). Она, однако, не превратилась в региональный конфликт, поскольку власти этой страны смогли воспрепятствовать прямому вмешательству других государств. Принципиально важным стал и тот факт, что против властей и армии в Алжире выступили вооружённые группировки, объединившиеся под лозунгами радикального ислама, объявив *джихад* правительству страны и провозгласив *халифат* на контролировавшихся территориях. Это отвратило от них партии и силы демократической ориентации (светской, модернизаторской направленности), хотя они и выступали с критикой правительства до и после начала гражданской войны. В попытке расширить свою базу поддержки исламисты часто прибегали к террору местных жителей. Эффект оказался противоположным: подавляющая часть населения страны поддержала действия властей и армии, которые сохранили сплочённость перед лицом террористической угрозы, избежав раскола в своих рядах. Нередко эти события в Алжире интерпретировались в регионе и в мире не как «гражданская война», а как «борьба правительства с терроризмом». Пра-

вомерны, на наш взгляд, оба определения, поскольку, в отличие от «Исламского государства» в Сирии и Ираке в 2014–2018 гг., боевые отряды исламистов в Алжире были в основном укомплектованы гражданами этой страны.

С началом «арабской весны» (2011 г.) в Сирии, Ливии и Йемене нарастали массовые протестные движения, которые вылились в полноценные гражданские войны, в ходе которых различные слои населения противостояли правительствам как под лозунгами светскими (демократическими), так и религиозными[5]. В случае с Йеменом был активно задействован и племенной компонент. Переход мирных протестов в стадию вооружённого противостояния во всех трёх странах был вызван применением властями силовых (военных) средств для подавления беспорядков. Общим стал и феномен раскола во властных структурах и армии там как следствие применения силы против мирных граждан. В этих условиях противоборствующие стороны начали искать поддержки у своих идейно-политических союзников в регионе, что обусловило трансформацию внутреннего конфликта в региональный.

В случае Сирии и Йемена речь шла о проекции на внутреннюю ситуацию регионального соперничества шиитского Ирана и суннитских монархий (прежде всего Саудовской Аравии, а в Сирии ещё и Турции). Все они оказывали прямую или опосредованную поддержку одной из конфликтующих сторон без особого риска непосредственного столкновения друг с другом, чем подогревали внутреннее противоборство в упомянутых странах.

Избегать прямого столкновения Саудовской Аравии и Ирана в Сирии и Йемене позволяла асимметрия их присутствия там: в обоих случаях было прямое (открытое) вооружённое вмешательство одного из грандов и косвенное (негласное) другого (через прокси-формирования). Так, в Йемене на стороне международно-признанного правительства Абд-Рабу Мансура Хади воевала арабская коалиция во главе с Саудовским королевством, а Иран негласно поставлял оружие и необходимые средст-

[5] Массовые протесты охватили и Египет, но они не вылились в гражданскую войну: после отставки президента Хосни Мубарака угроза гражданского противостояния миновала – протесты были направлены в политическое русло.

ва их противникам – хуситам (шиитам); в Сирии наоборот – на стороне Башара Асада воевали подразделения «Аль-Кудс» иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР), а также созданные иранцами прокси-формирования и ливанская шиитская группировка «Хезболла», а противникам Асада помощь вооружением и финансами оказывали суннитские монархии и Турция. При этом Анкара совместно с антиасадовскими силами регулярно проводила военные операции на севере и северо-востоке Сирии с целью не только покончить с террористической организацией «Исламское государство», но и с группировками, связанными с Курдской рабочей партией. В феврале 2020 г. вооружённые силы Турции совместно с отрядами сирийской оппозиции вступили в прямое боестолкновение с армией Асада с целью не допустить её продвижения вглубь провинции Идлиб, за положение в которой Анкара несёт ответственность как гарант данной зоны деэскалации (согласно условиям астанинских договорённостей и соглашения между Владимиром Путиным и Реджепом Тайипом Эрдоганом от сентября 2018 г.).

В Ливии события развивались иначе, поскольку суннитско-шиитское противоборство практически не проецировалось на конфликт в этой стране. Там проблема сводилась к соперничеству внутри суннитского блока, выраженному в приверженности руководства арабских монархий, в частности, Саудовской Аравии (СА), с одной стороны, и Турции – с другой, различным религиозным концепциям внутри суннитского направления ислама. Турецкая верхушка пыталась утвердить своё влияние в регионе через поддержку движения «Братья-мусульмане», представляющего собой одну из форм политизации (т.е. использования религии в политических целях) и одновременно ограниченной модернизации ислама суннитского толка. Руководство же монархий осуждает движение, видя в нём потенциальную угрозу для статус-кво в БВСА и прежде всего для укоренившихся в монархиях авторитарных форм правления[6] и предпочитает делать ставку на менее активистское и практически деполитизи-

[6] Царегородцева И.А. «Политико-правовые концепции идеологов египетского движения «Братья-мусульмане» // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. С. 98–110.

рованное направление в рамках религиозной концепции салафизма («пуризм»).

Учёт этого религиозного фактора открыл перед ассоциированной с «Братьями-мусульманами» партией Р. Т. Эрдогана возможность реализовывать свои стратегические установки не только в Ливии, но и в регионе Средиземноморья в партнёрстве с признанным США и Евросоюзом Правительством национального согласия Фаеза Мустафы Сарраджа, который в марте 2021 г. передал свои обязанности новому премьер-министру Абделю Хамиду ад-Дбейбе. Широкая коалиционная база последнего включает в себя и представителей «умеренных исламистов» в лице «братьев»[7]. Главный же оппонент Ф. М. Сарраджа фельдмаршал Халифа Белькасем Хафтар, командующий военной группировкой под названием Ливийская национальная армия (ЛНА), пользуется поддержкой Абу-Даби, Эр-Рияда и России[8]. ЛНА контролирует восточную часть Ливии. Территории под контролем Триполи управляются ПНС А. Х. ад-Дбейбы. Саудовцы, в свою очередь, пытаются утвердиться в Ливии в т.ч. и с помощью местных племён, исповедующих такую салафитскую версию ислама, как мадхализм (по имени саудовского проповедника Раби аль-Мадхали, тесно связанного с королевской семьёй в Эр-Рияде)[9].

1.3. Геополитика в религиозном контексте

Во всех трёх региональных конфликтах – в Сирии, Ливии, Йемене – роль сторонних акторов чрезвычайно высока. Именно они своим прямым или косвенным вмешательством предопределяли трансформацию внутреннего противостояния в той или

---

[7] Al-Sarraj: Muslim Brotherhood is part of political scene // Libya Prospect. 7 Sep. 2016. URL: https://libyaprospect.com/2016/09/al-sarraj-muslim-brotherhood-is-part-of-political-scene/ (дата обращения: 10.10.2025).

[8] 10 мая 2025 г. В. Путин принял в Кремле главнокомандующего ЛНА маршала Х. Б. Хафтара, который также посетил парад Победы. На его встречах с представителями руководства РФ была обсуждена ситуация в сфере безопасности в Ливии, а также в Северной Африке и Сахаро-Сахельском регионе. Стороны подчеркнули «приверженность процессу политического урегулирования в Ливии, а также важность поддержки международных усилий, направленных на разрешение конфликтов на Африканском континенте и борьбу с терроризмом».

[9] Oztas T. Analysis – Libya and the Salafi pawns in the game // Anadolu Agency. 09.01.2020. URL: https://www.aa.com.tr/en/africa/analysis-libya-and-the-salafi-pawns-in-the-game/1697641 (дата обращения: 10.10.2025).

иной стране в региональное, в отдельных случаях даже изменяя его природу и структуру. Это особенно отчётливо проявляется на примерах Сирии и Йемена. В случае с Сирией противоборство правительства Асада с оппозицией переросло в его противостояние с Турцией. В Йемене главной силой против хуситов стали группировки стран арабской коалиции, а в конечном счёте – Саудовской Аравии. В Ливии ядро правительственной армии (действующей против Хафтара) составили подготовленные Анкарой ополчения и группы наёмников, перебрасывавшиеся из северных районов Сирии.

Иными словами, внутренние конфликты, начавшиеся как гражданские войны между двумя основными оппонентами, трансформировались в ситуации, когда одному из двух протагонистов уже противостоят формирования иностранного государства (в Сирии – оппозиция воевала против группировок России и Ирана; в Йемене – хуситы воюют с Саудовской Аравией и остатками арабской коалиции; в Ливии – ЛНА Хафтара сталкивается с протурецкими силами). Тем самым изначально внутренние конфликты довольно быстро обретают характеристики региональных столкновений. В результате гражданские войны в арабских странах постепенно разрастаются в противостояние между государствами БВСА и даже с участием внерегиональных государств (как в случае с Сирией).

Вместе с тем сегодня можно говорить об эволюции основной стратегической парадигмы региональных акторов – политико-религиозной (секторальной). При сохранении доминирующего влияния основного секторального «разлома» – между суннитами и шиитами (на государственном уровне – между большинством арабских стран и Ираном) – заметно нарастает и «разлом» внутри суннитской ветви ислама. Главным водоразделом следует в данном случае считать отношение элит суннитских государств к религиозно-политической ассоциации (исламистскому движению) «Братья-мусульмане». Их базовая доктрина нацелена на построение государства на основе таких фундаментальных норм ислама, как «равенство всех правоверных перед Аллахом», из чего вытекает право каждого претендовать на участие во власти, контроль власти со стороны общин, введе-

ние норм шариата. В современных условиях это предполагает участие мусульманских организаций в политической и общественной жизни стран проживания («мягкий исламизм», способный сосуществовать с другими религиозными общинами). Соответственно, неконтролируемые общиной правители, согласно доктрине «Братьев-мусульман», «противны Аллаху»[10].

Это мировоззрение прямо противоположно нормам и традициям арабских монархий, где власть передаётся по наследству, а религиозная сфера формально отделена от государства и чаще всего жёстко контролируется властями. В мусульманском клире монархи рассчитывают видеть хранителей религиозных норм и традиций, моральных проповедников, но никак не претендентов на правление «под знаменем ислама». Именно поэтому они делают ставку на формально «деполитизированные» («пуристские»), а на деле поддерживающие авторитарность властных структур трактовки Корана[11] в стиле салафитов и ваххабитов. Одновременно они стараются повысить свою «исламскую легитимность»[12]. «Арабская весна» открыла возможности для вовлечения сторонников «Братьев-мусульман» в политическую жизнь Туниса, Ливии, Египта, Йемена. Монархии Персидского залива во главе с Саудовской Аравией мобилизовали все возможные средства для предотвращения электоральных успехов «Братьев-мусульман» во всех перечисленных странах (например, отстранение от власти в Египте президента-исламиста Мухаммеда Мурси в июле 2013 г.). Теперь же они видят задачу в том, чтобы воспрепятствовать преобладанию в ходе гражданских войн как проиранских группировок (например, алавитов в Си-

[10] Можно также отметить следующие доктринальные положения одного из основоположников движения «Братья-мусульмане» Х. аль-Банны: задача правителя общины ограничивается «надзором за исполнением законов шариата»; «несоблюдение общественных интересов (*масалих ‘амма*) и принципов шариата чревато для политического лидера наказанием»; «построение исламского государства требует обязательного воссоединения политики с религией»; «активное сопротивление несправедливой власти – высшая форма следования пути Аллаха». Цит. по: Царегородцева И.А. Указ. соч.

[11] Gauvain R. Salafi ritual purity: in the sresence of God // New York: Routledge. 2013. P. 41.

[12] С 1986 г. саудовский монарх носит титул «Хранитель двух святынь», введённый королём Фахдом вместо титула «Его величество». Так именовали себя правители Арабского халифата.

рии и хуситов в Йемене), так и группировок, связанных с «Братьями-мусульманами» (в Ливии и Йемене).

Касаясь роли религиозной доктрины во внешней политике Ирана, с одной стороны, и Саудовской Аравии, с другой, следует подчеркнуть два важных момента. *Первый* – исламская революция была провозглашена в Тегеране как модель для всех мусульманских стран, а её экспорт – официальной установкой властей ИРИ; следовательно, суннитские монархии действуют фактически «в режиме обороны» от шиитской экспансии. *Второй* – в том, что касается государственного строительства («исламской республики»), между доктриной ИРИ и религиозно-политической концепцией «Братьев-мусульман» гораздо больше общего, чем различий. Этим, в частности, объясняется отсутствие глубокого антагонизма между политико-религиозными элитами таких государств, как Турция и Катар, с одной стороны, и Ираном, с другой, их способность к общению. Ярким примером в этом плане можно считать практику взаимодействия палестинской группировки ХАМАС в секторе Газа, ассоциированной с «Братьями-мусульманами», с Катаром, Ираном и Турцией. Политико-идеологические расхождения с религиозным подтекстом стали причиной т.н. «дипломатического кризиса» вокруг Катара в 2017 г., когда арабские монархии, а также ряд других влиятельных арабских государств, установили де-факто блокаду этого эмирата. На помощь Дохе тогда пришли Анкара и Тегеран[13].

Геополитические расчёты в региональной стратегии Эр-Рияда, Каира, Анкары и Тегерана тесно связаны с секторальными (религиозными). Для аравийских монархий (прежде всего Саудовской Аравии и ОАЭ) главной геополитической задачей остаётся сохранение всего арабоязычного пространства в нынешнем состоянии, недопущение расширения в нём территориальных сегментов, попадающих под контроль Ирана (как это происходило в Сирии до декабря 2024 г., остаётся в Йемене и частично в Ираке, а также в Ливане из-за сохранения политического статус-кво шиитской и проиранской «Хезболлы», несмотря на начатый в 2025 г. процесс её разоружения). В последние годы, од-

[13] Конфликты Катара со странами Ближнего Востока. Досье // ТАСС. 05.06.2017. URL: https://tass.ru/info/4314685 (дата обращения: 05.10.2025).

нако, для них столь же приоритетным становится противостояние нарастающему влиянию Турции в арабском пространстве – в Сирии, Ираке, Ливии. Наиболее активное противодействие Анкаре демонстрируют монархии Залива и Египет на ливийском плацдарме, оказывая все возможные виды помощи армии Хафтара. Оно (вкупе с борьбой с «Братьями-мусульманами») становится для них, судя по всему, задачей не менее значимой, чем противостояние с Ираном. Резкая активизация Эр-Рияда на этом направлении проявилась в ответ на размещение турецких войск в Триполи в начале 2020 г.[14] – точно так же, подчеркнём, как это происходило на фоне турецкого вторжения в Сирию осенью 2019 – зимой 2020 г. (обозначилось ускорение темпов нормализации отношений с правительством Асада).

Геополитические установки Турции, Катара и Ирана можно сформулировать в рамках одной модели – расширение их влияния в арабских странах через ставку на «Братьев-мусульман» (Анкара и Доха) и на шиитские общины там (Иран). По сути, речь идёт об их опоре на соответствующую религиозную общину в ряде арабских стран, усиление которой чревато там политическим расколом, за которым может последовать и территориальный. Признаки этого проявлялись в последние годы в Сирии и Йемене; к стадии территориального раскола приближается и Ливия. Что касается Ирака, то там иранское руководство, судя по всему, рассчитывает добиться признания и оформления новой реальности, а именно – фактического политического преобладания шиитской части населения над суннитской в рамках существующего государства. Именно этого стремятся не допустить аравийские монархии. Насколько работоспособной окажется в Ираке конфессиональная модель структуры власти – аналогичная той, которая действует с 1940-х гг. в Ливане, – покажет время: если в Стране кедра шииты остаются меньшинством, то в Ираке они составляют большинство. Это означает, что целью уже давно обозначившегося вмешательства Ирана во внутренние дела Ирака могут стать попытки зафиксировать преиму-

[14] Ramani S. Saudi Arabia Steps up Role in Libya // Al-Monitor. 24.02.2020. URL: https://www.al-monitor.com/originals/2020/02/saudi-arabia-role-liyba-gna-hifter.html (дата обращения: 10.10.2025).

щественный статус шиитов в этой стране в целом (и соответствующего его конституционного оформления), не прибегая к усилиям для достижения её территориального раскола.

Углубление фрагментации политического ландшафта Ближнего Востока происходит в результате усиления соперничества и конфронтации между основными носителями трёх преобладающих религиозных идентификаций – внутри сторонников суннитской ветви ислама (салафитов и «Братьев-мусульман») и шиитского направления этой религии. Стратегии основных региональных акторов выстраиваются с учётом данного фактора и становятся, в свою очередь, причиной эскалации внутренних конфликтов в отдельных странах Ближневосточного региона.

Известный британский учёный Раймонд Хиннебуш называет практику использования религиозного фактора элитами мусульманских стран БВСА во внутренней и внешней политике *Instrumentalized Sectarianism*, определяя это явление как «политизацию религиозных различий в инструментальных целях, в частности, для мобилизации последователей какого-либо религиозного направления в условиях соперничества между государствами, а также отдельными акторами (политиками и бизнесменами – А.Ш.) с целью расширения базы политической и деловой поддержки»[15]. Обращение же арабских монархий вслед за Ираном к «инструментализации религиозного фактора» становится главной видимой характеристикой нового расклада сил в регионе, углубления его раскола в начале XXI в. на два лагеря по традиционной для ислама линии размежевания – сунниты *versus* шииты. Речь идёт о появлении суннитского (прозападного) «умеренного блока» (Саудовская Аравия / арабские монархии Залива, Иордания, Египет) и т.н. прошиитской «оси сопротивления» (Иран, Сирия при Б. Асаде, «Хезболла», ХАМАС)[16]. Хиннебуш описывает сложившуюся ситуацию термином «новая арабская холодная война». Она выражалась главным обра-

[15] Hinnebusch R. The sectarian revolution in the Middle East // Revolutions: global trends & regional issues. 2016. Vol. 4. No. 1. P. 120–152. URL: http://revjournal.org/wpcontent/uploads/REV4/08_rev4_hinnebusch.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

[16] Многие аналитики относили к шиитской «оси» ещё и суннитскую группировку ХАМАС, поскольку та в 2000-е гг. находилась на содержании Ирана.

зом в соперничестве протагонистов средствами «мягкой силы». «Умеренный блок обозначал проблему как вмешательство шиитского Ирана в дела арабских стран против интересов суннитов, а участники “оси” представляли себя оплотом борьбы против угроз со стороны Израиля и США, изображая суннитские режимы коллаборантами противников арабов. И в этой схватке “ось”, похоже, набирала больше очков на арабской улице за счёт успешного навязывания нарратива сопротивления», – констатирует Р. Хиннебуш[17].

1.4. Сирия после Башара Асада: «религиозно-идеологический прагматизм»

Наиболее ярким примером триумфа политико-религиозного фактора стало свержение режима Б. Асада в Сирии в декабре 2024 г. В результате страна («сирийское звено») выпала из «оси сопротивления». К власти в Дамаске пришли суннитские группировки, связанные с «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)[18], наиболее боеспособной и долгое время считавшейся джихадистской и даже террористической. Крупные региональные и внешние акторы, прямо или косвенно вовлеченные в сирийский конфликт, отнеслись к произошедшему с повышенной настороженностью: казалось, что навязывавшаяся иранской пропагандой дихотомия в виде выбора «между Асадом и вероятной победой джихадистов-террористов» реализуется вполне наглядно. Но этот пропагандистский тезис соответствовал реальности только частично, поскольку существовавшие в первые годы гражданской войны в Сирии перспективы потенциального преобладания коалиции из светских и умеренно исламистских сил над режимом Б. Асада оказались сведёнными на нет во многом в результате событий ещё осени 2013 г. Тогда одной из важных причин ослабления светских формирований стали колебания администрации Барака Обамы, пошедшей на «химическую сделку» с правительством Б. Асада, что обеспечило как выживаемость режима в Дамаске, так и условия для его мобилизации и постепенного перехода в наступление на различных фронтах[19]. Тогда, теряя свои

[17] Hinnebusch R. Op. cit.

[18] Деятельность организации признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

[19] После подтверждённого международными экспертами факта очередного

позиции, светские группировки в своём большинстве вынужденно перешли к взаимодействию и даже слиянию с религиозно мотивированными формированиями, включая фундаменталистски настроенные. Последние стали практически доминировать в лагере сирийской оппозиции, поскольку им оказывали помощь финансами и оружием как арабские монархии Персидского залива, так и Турция.

Одной из таких группировок была ХТШ. На протяжении нескольких лет её руководство идеологически эволюционировало от опоры на радикальный ислам к более умеренным его интерпретациям, но при этом сохранило связи с обоими соперничавшими между собой региональными грандами – Саудовской Аравией и Турцией. Теперь новая сирийская власть демонстрирует склонность к сочетанию различных концептуальных догматов ислама (в основном салафизма и «Братьев-мусульман»), исключая их радикальные и экстремистские версии (например, ваххабизм). Заметим, что сам нынешний сирийский лидер Ахмед Хусейн аль-Шараа в начале своей политической деятельности был известен как сторонник радикальных течений в исламе, на которых основаны запрещённые в России организации «Аль-Каида» и «Исламское государство». Сражавшийся последовательно в рядах каждой из них против режима Б. Асада, он в конечном счёте стал их оппонентом и противником. Наиболее адекватные, на наш взгляд, характеристики А. Шараа на момент прихода к власти в Сирии такие: прагматик, умеренный «исламист-националист» (выступает против идей «всемирного халифата» и транснационального джихада), привержен «этно-религиозному многообразию» Сирии и защите нацменьшинств, а также по факту минимальной дискриминации прав женщин (например, признаёт их права на образование и общественную деятельность). Идеологически новая власть в Сирии ближе к нынешнему омоложённому руководству Саудовской Аравии и ОАЭ, а институционально – к Турции (поскольку исключает передачу своих полномочий по наследству, признавая избирательный процесс

применения войсками Асада химического оружия в сентябре 2013 г. Б. Обама пообещал нанести сокрушительные удары по военным объектам сирийского режима. Но под влиянием В. Путина отказался от своих намерений и согласился на процесс «химического разоружения» Сирии.

с возможностью выдвижения альтернативных кандидатов).

С учётом того, что созданная и возглавлявшаяся Шараа организация «Хайят Тахрир аш-Шам» изначально поддерживалась в наибольшей степени Турцией и в меньшей – Саудовской Аравией, то именно Анкару в первую очередь справедливо признать «геополитическим бенефициаром» в многолетнем противостоянии региональных акторов вокруг Сирии. Одновременно Дамаск укрепляет свои позиции в «арабской семье» – в составе Лиги арабских государств. «Проигравшими» в этой ситуации оправданно считать Иран и его региональных партнёров. К числу таковых, подчеркнём, нельзя относить Россию, с которой новые власти Сирии намерены выстраивать взаимовыгодные отношения, во многом «перевернув страницу» недавнего прошлого. Об этом, в частности, свидетельствует и поездка в Москву главы МИД Сирии Асаада аль-Шибани 31 июля 2025 г.[20], а также визит самого А. Шараа в середине октября 2025 г. во главе сирийской делегации, участвовавшей в первом Российско-арабском саммите.

Что же касается США и Евросоюза, то они с первых дней после захвата Дамаска повстанцами приступили к налаживанию связей с ними. Существовавшие политико-идеологические препятствия, связанные с ещё не забытым статусом ХТШ как террористической организации, спешно преодолевались Брюсселем и Вашингтоном ввиду приоритета расчётов геополитических. В конце декабря 2024 г. Дамаск посетили представитель администрации Д. Трампа, а в начале января 2025 г. – главы МИД Германии и Франции, которые встретились с А. Шараа[21]. Другими показателями международного признания новой власти в Дамаске стали визит сирийского президента в Нью-Йорк для выступления в ООН в конце сентября 2025 г., а также его встреча с президентом США в Белом доме 10 ноября 2025 г. Накануне этой встречи – 6 ноября – Совет Безопасности ООН 14

[20] Визит главы МИД Сирии в Москву указывает на многовекторную политику Дамаска // РИА Новости. 31.07.2025. URL: https://ria.ru/20250731/siriya-2032697154.html (дата обращения: 15.10.2025).

[21] «Хайят Тахрир аш-Шам» заблюрила Бербок на фото со встречи в Дамаске // РБК. 05.01.2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/05/01/2025/677a961a9a794757cd6c4a58 (дата обращения: 15.10.2025).

голосами из 15 (Китай воздержался) снял санкции, ранее наложенные на А. Шараа как лидера ХТШ[22].

Смена режима в Дамаске открыла «окно возможностей» для восстановления отношений между Евросоюзом и Сирией, которые были свернуты по инициативе Брюсселя вскоре после разразившегося в этой арабской стране кризиса в 2011 г. Тогда миссия ЕС была срочно переведена из Дамаска в Бейрут, а на режим Асада были наложены всеобъемлющие санкции, включая замораживание его активов и запрет на въезд в страны Евросоюза видных представителей сирийских властей. На протяжении же 2025 г. Брюссель существенно наращивал связи с новой властью в Дамаске, расширяя предоставление в первую очередь гуманитарной помощи. 17 марта 2025 г. лидеры ЕС провели международную конференцию под лозунгом: «Вместе с Сирией: обеспечивая успешные преобразования»[23]. По результатам форума для первостепенных нужд новой сирийской власти на 2025–2026 гг. ЕС аккумулировал 5,8 млрд евро (из них собственные средства Евросоюза составили 3,37 млрд)[24].

Важным этапом в восстановлении отношений между Дамаском и Брюсселем стал визит в сирийскую столицу 9 января 2026 г. двух руководителей Евросоюза – Урсулы фон дер Ляйен и Антонио Кошты. В беседах с А. Шараа они продвигали три главных тезиса:

1. Новое политическое партнёрство направлено на обеспечение мирного и инклюзивного перехода, гражданского примирения в Сирии, а также на включение этой страны в систему региональных отношений.

2. Наращивание торгового и экономического сотрудничества, включая приобщение Сирии к инициативам в рамках Пакта для Средиземноморья. ЕС выделяет существенную финансовую помощь на 2026–2027 гг. для обеспечения процесса восстанов-

[22] Совет Безопасности ООН снял санкции с президента Сирии // РБК. 06.11. 2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/06/11/2025/690d040e9a794702378c02e6 (дата обращения: 16.11. 2025).

[23] Англ. *Standing with Syria: meeting the needs for a successful transition.*

[24] The European Union and Syria // EEAS / Delegation of the European Union to Syria. 20.12.2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/syria/european-union-and-syria_en?s=209 (дата обращения: 18.11.2025).

ления страны и создания условий для частного инвестирования.

3. Финансовый пакет помощи в 620 млн евро на 2026 и 2027 гг. для гуманитарных целей и развития двусторонних отношений.

У. фон дер Ляйен прокомментировала встречу следующими словами: «Более года назад десятилетия страха, молчания и государственного насилия наконец-то начали уступать место надежде, возможностям и перспективе обновления. Мы знаем, что путь к примирению и восстановлению сложен. Потому что исцеление, восстановление жизней и создание доверия к институциям требуют времени. Сегодня мы здесь, чтобы работать на благо Сирии и всех сирийцев. Чтобы достичь цели создания новой мирной, инклюзивной и безопасной Сирии»[25].

Примечательно, что в 2025 г. Еврокомиссия отменила все санкции, ранее введённые против режима Б. Асада, а 15 ноября 2025 г. провела в Дамаске «День диалога» в тесном сотрудничестве с представителями гражданского общества и переходным правительством Сирии. Политтехнологи в Брюсселе рассматривают это мероприятие как «ключевую платформу для сирийских организаций гражданского общества с целью обмена мнениями, опытом и содействия формированию политики, определяющей международную поддержку»[26].

Из анализа повестки дня общения нового сирийского лидера с руководством США и ЕС можно сделать следующий вывод: с американской стороной основное внимание уделялось вопросам обеспечения безопасности в самой Сирии и в регионе (Дамаск официально вступил в «Международную коалицию по борьбе с ИГИЛ»), в т.ч. и перспективе нормализации отношений с Израилем; с европейской стороной – аспектам, связанным с обеспечением гражданского мира в стране, соблюдению прав граждан, развитию институтов гражданского общества, межрелигиозному и межэтническому примирению, ускоренно-

[25] EU opens new chapter in its relations with Syria // European Commission. 09.01.2026. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_26_61 (дата обращения: 10.01.2026).

[26] Day of Dialogue in Damascus // European Commission. 15.11.2025. URL: https://north-africa-middle-east-gulf.ec.europa.eu/day-dialogue-damascus-2025-11-15_en (дата обращения: 20.11.2025).

му восстановлению социальной и экономической инфраструктуры. Совершенно очевидно, что Вашингтон и Брюссель стремятся создать чёткие рамки, которые удерживали бы новое сирийское руководство от сохранения и реанимирования политических инстинктов, способствующих возрождению теории и практики радикального ислама.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИКА ЕС НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА ФОНЕ АДМИНИСТРАЦИЙ США (Д. ТРАМПА – ДЖ. БАЙДЕНА – Д. ТРАМПА)

Достаточно скоординированный подход Брюсселя и Вашингтона к проблемам Ближнего Востока при президенте Б. Обаме (2008–2016 гг.) подвергся испытаниям с приходом в Белый дом Д. Трампа. Постепенно политика его администрации приобретала чёткую нацеленность на приоритетные отношения с Израилем, укрепление партнёрства с Саудовской Аравией и другими арабскими монархиями Персидского залива на фоне возраставшей враждебности Вашингтона к Тегерану. Между США и Евросоюзом в целом сохранилось взаимопонимание и взаимодействие по сирийскому кризису, однако на палестино-израильском направлении появлялась устойчивая напряжённость, а в отношении подхода к проблеме Ирана разногласия между трансатлантистами было невозможно скрыть после выхода Вашингтона в 2018 г. из «ядерной сделки» от 2015 г. (Совместный всеобъемлющий план действий – СВПД). Подписантами последней со стороны ООН и мирового сообщества стали пять постоянных членов Совбеза ООН и Германия. Эти разногласия были нивелированы политикой администрации Джо Байдена (2021–2025 гг.). Вопреки многим предсказаниям, на момент возвращения Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. они не возродились вновь с прежней остротой, а позиции Вашингтона и Брюсселя по иранской проблеме в целом заметно сблизились. Этому способствовало то обстоятельство, что в Брюсселе всё чаще обвиняли иранское руководство в нарушениях условий СВПД и договорённостей с МАГАТЭ. Менявшаяся позиция Брюсселя отчётливо просматривалась в его реакции на авиационные и ракетные удары

США и Израиля по военным объектам в Иране в июне 2025 г. («Двенадцатидневная война»): она не выходила за рамки «мягкой критики». Начавшаяся же 28 февраля 2026 г. более масштабная и продолжительная операция США и Израиля обнажила глубину расхождений в данном вопросе как между государствами-членами, так и в самом руководстве Евросоюза. Официальная реакция Брюсселя выглядела как компромисс между крайними позициями членов блока в виде привычной формулы – сочетание призывов к участникам конфликта проявлять «сдержанность» и констатации «недопустимости получения Ираном доступа к ядерному оружию».

2.1. Первое президентство Д. Трампа: разногласия с ЕС нарастают

Подписание СВПД в 2015 г. правительствами вышеуказанных стран было изначально неоднозначно воспринято на Капитолийском холме в Вашингтоне. Особенно острая критика этого документа исходила от сторонников Республиканской партии. Неудивительно, что в ходе своей президентской кампании 2016 г. Трамп неоднократно повторял обещание выйти из этой договорённости. Реакция его электората на эти заявления в основном была одобрительной, поскольку она соответствовала настроениям, преобладавшим в политическом истеблишменте и экспертном сообществе. Будущий же 45-й президент США превратил «ядерную сделку» с Ираном в один из наиболее весомых аргументов критики своего предшественника Б. Обамы и Демократической партии в целом[27]. Солидаризируясь с Трампом, известный американский эксперт по Ближнему Востоку Роберт Сэтлофф так сформулировал суть СВПД: «Этот документ отражает стратегию становления Ирана в качестве региональной державы при полном благословении – и даже поддержке – со стороны США и международного сообщества»[28].

[27] Суть обвинений сводилась к тому, что сделка якобы оказалась выгодной Ирану и проигрышной для США. А самому Обаме она понадобилась, мол, для того чтобы прослыть миротворцем и тем самым «отработать» присуждённую ему авансом в 2009 г. Нобелевскую премию мира.

[28] Satloff R. What's really wrong with the Iran nuclear deal: crafted after major concessions, the Agreement still has huge and potentially dangerous gaps // New York Daily News. 14.07.2015. URL: https://www.nydailynews.com/opinion/robert-

К весне 2018 г. стало ясно, что вȉдение Трампом иранской проблемы не сводится только к конкретному политическому шагу – выходу США из СВПД. Это действие призвано определить решимость Вашингтона *противостоять* Тегерану как главный стержень ближневосточной стратегии Белого дома. Речь шла о стремлении администрации максимально продвинуть процесс сближения между арабскими партнёрами США в регионе, прежде всего суннитскими монархиями Персидского залива, и Израилем[29]. Их общее неприятие Ирана усиливало уже обозначившуюся к тому времени тенденцию к сближению между этими враждовавшими десятилетиями странами. Потому и заключение «ядерной сделки» было воспринято элитами монархий и руководством Израиля достаточно негативно. Своё неприятие СВПД правительство Беньямина Нетаньяху выражало открыто, в т.ч. и с трибуны генассамблеи ООН, в то время как арабские элиты делали это чаще всего непублично. Такую линию поведения арабов объяснить нетрудно: открытая критика «сделки» создавала бы для них серьёзные риски – например, она могла повысить напряжённость в отношениях со странами Евросоюза и США (при Б. Обаме). К тому же она могла быть представлена иранской пропагандой как свидетельство «воинственности и непримиримости» арабов с тем, чтобы обвинить их в провоцировании кризисов в регионе. В этом контексте следует воспринимать формальное согласие суннитских монархий с этим документом, выраженное в принятой на саммите США – Совет сотрудничества арабских стран Персидского залива в апреле 2016 г. резолюции с одобрением СВПД[30].

Вот как описывали реальное отношение арабских элит к СВПД в 2016 г. известные американские эксперты Роберт Эйнхорн и Ричард Невью: «Во многом основываясь на подозрениях и неверных толкованиях событий, некоторые суннитские прави-

---

satloff-wrong-iran-nuclear-deal-article-1.2292264 (дата обращения: 02.10. 2025).

[29] Шумилин А.И. США–ИРАН: между «максимальным давлением» и «героической гибкостью» // МЭиМО. 2020. Т. 64, № 7. С. 69–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-69-79

[30] Gulf Cooperation Council-United States Second Summit Leaders Communique // Saudi Press Agency. 21.04.2016. URL: https://www.spa.gov.sa/1492588 (дата обращения: 25.11.2025).

тельства воспринимают СВПД как свидетельство постепенного ухода США из региона или как минимум сокращения их военного присутствия там. Арабы опасаются, что США могут согласиться с особой или даже центральной ролью Ирана и переформатировать свои альянсы с исключительного фокусирования на традиционных арабских партнёрах к балансированию между ними и Ираном. Причём Иран в этом раскладе может стать ведущим партнёром США в установлении стабильности и разрешении конфликтов в регионе. И хотя администрация Обамы сделала многое, чтобы развеять эти опасения, в арабских элитах сохраняется подобное восприятие происходящего»[31].

Важно подчеркнуть, что отношение Д. Трампа к проблеме Ирана и СВПД формировалось под воздействием следующих факторов:

– тотальная критика политики Б. Обамы: стремление очернить «достижения» предшественника в Белом доме во внутренней и внешней политике, называя их не иначе как «провалами»;

– ориентация на опорные, в частности, идеологизированные группы трамповского электората: на консерваторов-евангелистов, американо-еврейские организации, общины выходцев из арабских стран и Ирана (во многих из них преобладало недовольство примирительным подходом Б. Обамы к Ирану)[32];

– возможность интерпретировать содержательные недоработки и слабые (с точки зрения критиков) места СВПД как сохранение «источника угроз национальной безопасности США» со стороны Ирана;

– стратегический расчёт обеспечить сближение Израиля с арабскими монархиями Залива на антииранской основе, что, в свою очередь, может оказать положительное воздействие на процесс урегулирования палестино-израильских противоречий, в частности, в контексте готовившегося администрацией Трампа

[31] Einhorn R., Nephew R. The Iran Nuclear deal: prelude to proliferation in the Middle East? Foreign Policy at Brookings. The Brookings Institution. Arms control and non-proliferation series. Paper 11. May 2016. 74 p. URL: https://sciarium.com/file/249767/ (дата обращения: 20.02.2026).

[32] Шумилина И.В. Антииранская стратегия Д. Трампа: внутриполитический фундамент // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 9. С. 79–91.

плана т.н. «Большой сделки» (представленный в конце 2020 г., он сводился к обмену частями территорий между Израилем и Палестинской автономией и в конечном счёте был фактически отвергнут обеими сторонами)[33].

В качестве президента Трамп сделал задачу противостояния Ирану центральной не только на ближневосточном направлении, но и одной из важнейших во внешней политике своей администрации в целом. Такая оценка подтверждается тем, что планировавшееся им разрушение СВПД – действие более масштабное, выходящее за рамки проблемы Ирана, неизбежно затрагивающее отношения США с ЕС, Россией и Китаем, которые твёрдо стоят на позиции необходимости сохранения соглашения. Да и в американском конгрессе большинство критиков СВПД – республиканцев и демократов – также склонялись к целесообразности сохранить этот документ, дополнив его положениями, обязывающими Иран отказаться от поддержки террористических группировок, экспансионистской политики в регионе, но в первую очередь – от осуществления программы создания баллистических ракет, способных достигать территории не только Израиля, но и стран Европы[34].

Выход США из соглашения был анонсирован главой Белого дома только 8 мая 2018 г. В своём заявлении 45-й президент США назвал СВПД «одной из худших и предельно односторонних договорённостей, в которые когда-либо вступали Соединённые Штаты». Он заявил, что СВПД не только не соответствует интересам национальной безопасности Америки, но и обеспечивает иранское руководство финансовыми средствами для поддержки террористических группировок и проведения экспансионистской политики в регионе. Администрация незамедлительно приступает к восстановлению санкций против Ирана, снятых по условиям СВПД с начала 2016 г.

Ровно год спустя – 8 мая 2019 г. – Трамп выступил с заявле-

---

[33] Cook S.A. Trump's Middle East Legacy is Failure // CFR. 28.10.2020. URL: https://www.cfr.org/articles/trumps-middle-east-legacy-failure (дата обращения 20.11.2025).

[34] Iran Nuclear Deal garners some bipartisan congressional support // MME. 12.10. 2017. URL: https://www.middleeasteye.net/news/iran-nuclear-deal-garners-some-bipartisan-congressional-support (дата обращения: 05.10.2025).

нием об ужесточении политики его администрации в отношении Ирана, которая получила название «кампания максимального давления»[35]. Концептуальное оформление более жёсткой линии Вашингтона в отношении Тегерана справедливо связывать с появлением в команде Трампа нового советника по национальной безопасности Джона Болтона (проработал в этом качестве с 9 апреля 2018 по 10 сентября 2019 г.). Эта линия Болтона – Трампа была нацелена на подрыв экономики ИРИ с помощью т.н. «удушающих санкций». Они включали в себя полное восстановление ранее ослабленных ограничений в отношении экспорта иранской нефти (вплоть до его полной приостановки), в сферах энергетики и финансов, судоходства и т.д. Одновременно ужесточались и вторичные санкции, налагавшиеся на компании и физические лица третьих стран, которые взаимодействовали с иранскими партнёрами в нарушение введённого администрацией Трампа ограничительного режима в отношении Ирана. При этом Болтон предлагал подкрепить экономические шаги против Ирана силовыми мерами: в частности, направить на Ближний Восток группировку в 120 тыс. военнослужащих для оказания (военного) давления на Иран и отражения возможных силовых акций с его стороны[36]. Заметим, что в ответ на комплексное давление со стороны США Иран действительно предпринял несколько силовых акций, но не открытых, а гибридного характера: уже в июне 2019 г. были совершены нападения на несколько иностранных танкеров в портах ОАЭ и Ормузском проливе, сбит американский разведывательный дрон.

Как и ожидалось, выход США из СВПД стал «политическим землетрясением» прежде всего для европейских союзников Вашингтона, которые с начала 2016 г. сумели восстановить внушительные объёмы товарооборота с Ираном. В результате меж-

[35] President Donald J. Trump is cutting off funds the Iranian regime uses to support its destructive activities around the world // The White House. 08.05.2019. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-cutting-off-funds-iranian-regime-uses-support-destructive-activities-around-world/ (дата обращения: 20.11.2025).

[36] Schmitt E., Barnes J. White House Reviews Military Plans against Iran, in echoes of Iraq's war // The New York Times. 13.05.2019. URL: https://www. nytimes.com/2019/05/13/world/middleeast/us-military-plans-iran.html (дата обращения: 07.09.2025).

ду трансатлантическими партнёрами проявились противоречия в подходе к Ирану и судьбе СВПД, которые сохранялись вплоть до начала 2020 г.[37] Однако острота этих противоречий постепенно ослабевала – во многом из-за действий Тегерана, который сам начал предпринимать шаги по фактическому свёртыванию своего участия в СВПД[38]. На подобные действия Тегерана ЕС реагировал жёстко, прибегая к угрозам возобновления санкций, как на том настаивал Трамп[39]. К тому же в контексте крайней напряжённости между США и Ираном, приведшей к обмену ракетными ударами в январе 2020 г., некоторые европейские политики (при всех оговорках и призывах обеих сторон к сдержанности), по сути, выразили осторожную солидарность с администрацией Трампа, которая, можно предположить, была интерпретирована в Вашингтоне как «зелёный свет» для ликвидации 3 января 2020 г. Касема Сулеймани, командующего группировкой «Аль-Кудс» в составе КСИР, которая действовала в регионе за пределами ИРИ[40]. Компетентные аналитики высказывают мнение, что одной из задач инициаторов ликвидации иранского генерала было ослабить позиции Евросоюза в диалоге с Тегераном, тем самым переключив Иран на более широкий формат диалога с участием США как более влиятельной силой, чем ЕС[41]. Забегая вперёд, заметим, что отчасти это предположение аналитиков подтвердилось действиями второй администрации Д. Трампа: в апреле 2025 г. Вашингтон начал раунд двусторонних переговоров с Тегераном в султанате Оман без участия Ев-

[37] Шумилин А.И. США–Иран: битва за Европу // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3. С. 135–141.

[38] Iran Nuclear Deal: Government Announces Enrichment Breach // BBC News. 07.07.2019. URL: https://www.bbc.com/news/world-middle-east-48899243 (дата обращения: 12.10.2025).

[39] EU urges Iran to comply with nuclear accord or face action // Middle East Affairs. 12.11.2019. URL: https://middleeastaffairs.net/2019/11/12/eu-urges-iran-to-comply-with-nuclear-accord-or-face-action/ (дата обращения: 10.12.2025).

[40] Kartal A.G. Soleimani posed threat to our interest: UK's Johnson // Anadolu Agency. 06.01.2010. URL: https://www.aa.com.tr/en/europe/soleimani-posed-threat-to-our-interests-uks-johnson/1693403 (дата обращения: 11.10.2025).

[41] Kampeas R. Trump says Iran is standing down and calls for new deal between Iran and the International Community // JTA. 08.01.2020. URL: https://www.jta.org/2020/01/08/united-states/trump-says-iran-is-standing-down-andcalls-for-new-deal-between-iran-and-the-international-community (дата обращения: 11.10. 2025).

росоюза и его представителей.

В самих США реакция на ликвидацию Сулеймани в полной мере отразила устоявшийся политический расклад в отношении Ирана: по результатам опроса *HuffPost/YouGov*, 84% республиканцев и сочувствующих им поддержали действия Трампа, в то время как 71% демократов и сочувствующих им осудили эту акцию[42]. Иными словами, республиканцы по-прежнему выступали за ужесточение давления на Иран, а демократы – за более мягкие средства воздействия, что во многом совпадало с подходом ведущих европейских государств. Администрация Трампа на этом фоне предпочла снизить накал противостояния и перевести его из силовой сферы в политико-дипломатическую.

2.2. Администрация Дж. Байдена: США и ЕС укрепляют партнёрство

Подход Белого дома к ряду международных проблем в период первого президентства Д. Трампа заметно расходился с позицией Евросоюза. В результате в Брюсселе ширились дискуссии о «стратегической автономии», т.е. об усилении самостоятельной роли блока в международных делах. Занявшая в декабре 2019 г. пост председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен остаётся символом стремления ЕС трансформироваться в мощного глобального игрока на международной арене, воплощением тенденции к наращиванию силовых компонентов во внешней политике блока. «Сегодня нам, как никогда ранее, необходим сильный Европейский союз. Этого заслуживают наши граждане, этого ожидает мировое сообщество. Наш европейский проект, принёсший с собой беспрецедентный мир, процветание и демократию, ставится под сомнение. К востоку от наших границ была нарушена европейская система безопасности (речь о событиях на территории Восточной Украины и в Крыму – А.Ш.), в то время как страны Северной Африки, Ближнего Востока и сама Европа сталкиваются с проблемой терроризма и насилия. И всё же это также время необычайных возможностей. Глобальный рост, мобильность и технический прогресс, наряду с наши-

[42] Edwards-Levy A. Here's what Americans think about Trump's Iran policy // HuffPost. 06.01.2020. URL: https://www.huffpost.com/entry/iran-soleimani-airstrike-poll_n_5e12c040e4b0b2520d23f372 (дата обращения: 02.11.2025).

ми укрепляющимися партнёрскими отношениями, обеспечивают условия для процветания и позволяют всё большему числу людей избежать бедности, жить дольше и свободнее», – подчёркивается в обновлённом тексте базового внешнеполитического документа ЕС под названием «Глобальная стратегия» (ГС)[43].

2.2.1. ЕС: «стратегическая автономия» как неизбежность

Применительно к ближневосточной политике ЕС этот курс формировался как естественный и во многом безальтернативный со времени президентства Б. Обамы (с 2008 г.), который начал сворачивать американское присутствие на Ближнем Востоке, попутно демонстрируя падение интереса Вашингтона к данному региону в целом. Администрация Д. Трампа (с 2017 г.) частично «скорректировала» линию предшественника: продолжая в целом сокращать там военное присутствие США[44], она подтвердила свои партнёрские обязательства, прежде всего в сфере безопасности перед основными союзниками (Израилем и Саудовской Аравией), провозгласив, по сути, главной линией политики Вашингтона «максимальное давление» на Тегеран. Выход США в 2018 г. из СВПД вынудил Брюссель проводить альтернативную Вашингтону линию на сохранение «ядерной сделки» с Ираном. Воспользовавшись хаосом в странах Северной Африки, Белый дом при Д. Трампе приступил к укреплению собственных позиций в этих странах без оглядки на приоритетность и жизненную важность данного региона для его европейских союзников (в основном посредством поставок американских вооружений). Примечателен прогноз, который давали эксперты проатлантического Европейского совета по международным де-

[43] Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности // The Diplomatic Service of the European Union. 15.12.2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/глобальная-стратегия-европейского-союза-по-внешней-политике-и-политике-безопасности_ru (дата обращения: 15.10.2025).

[44] На 01 января 2017 г. (начало каденции Д. Трампа 21 января 2017 г.) в странах Ближнего Востока было размещено 40 774 американских военнослужащих, а на 01 января 2021 г. (в конце его президентства) осталось 12 420. См.: Barnes-Dacey J., Lovatt H. Principled pragmatism: Europe's place in a multipolar Middle East // European Council on Foreign Relations (ECFR). 28.04.2022. URL: https://ecfr.eu/publication/principled-pragmatism-europes-place-in-a-multipolar-middle-east/ (дата обращения: 12.10.2025).

лам (ЕСМД) в отношении политики США и ЕС на Ближнем Востоке: «В то время как США и Европа будут сохранять общие интересы, их приоритеты продолжат расходиться. Это уже проявляется применительно к Северной Африке и району Леванта (Ливан, Сирия, Палестинская автономия – А.Ш.), а также в аспекте потребностей широкой стабилизации в регионе, которые США продолжают рассматривать как менее критичные для их собственной безопасности – в отличие от Европы»[45].

При администрации Дж. Байдена накал разногласий между Вашингтоном и Брюсселем по проблемам Ближнего Востока заметно снизился. Помимо естественного сближения изначально декларированных целей её ближневосточной политики с европейскими (в частности, в отношении Ирана, Израиля, Палестины и района Персидского залива), преодолению прежних разногласий во многом способствовали, как происходящее вокруг Украины, так и ряд событий, сдвинувших фокус мировой политики с западной части ближневосточного региона на его восточную часть. Если «украинский фактор» породил «новую сплочённость» трансатлантистов в рамках НАТО против Москвы в поддержку Киева, то террористическая атака ХАМАС против Израиля 7 октября 2023 г. сделала практически неразличимыми подходы Вашингтона и Брюсселя к проблеме палестино-израильского противостояния (в частности, в том, что касается права Израиля на самооборону). Из обеих западных столиц раздавались одинаковые призывы к израильскому руководству избегать жертв среди мирного населения в ходе боевых действий в секторе Газа. Однако следует подчеркнуть, что расхождения сохраняются не только между США и рядом европейских государств, но и внутри европейского сообщества – касательно темпов, формы и времени признания т.н. «независимого палестинского государства».

Другое региональное событие – совместные действия дислоцировавшихся на Ближнем Востоке военных подразделений США и Евросоюза по отражению массированной воздушной атаки Ирана против Израиля 18 апреля 2024 г. Ведущие страны ЕС и Великобритания предоставили свои военные возможно-

[45] Barnes-Dacey J., Lovatt H. Op. cit.

сти в регионе для поддержки Соединённых Штатов, подвергнув жёсткой критике ХАМАС и стоящий за ним Тегеран. Брюссель занял такую позицию, несмотря на то, что ранее предлагал вступить в переговоры с ними.

Заметим, что «украинский фактор» подтолкнул Вашингтон и Брюссель к встречному движению в их ближневосточной политике, а также и в более широком международном контексте. Практически все арабские государства и Израиль отказались присоединиться к западным санкциям против России, а на площадке ООН они в большинстве случаев воздерживались от голосования за резолюции с критикой действий Москвы. При том что в арабских столицах и в Западном Иерусалиме по-разному оценивают причины и суть происходящего вокруг Украины, их объединяет нежелание ссориться как со странами Запада, так и с Россией. По факту официальная позиция политических элит в арабских странах сводится к тезису о том, что «эта война – чисто европейская, не имеющая отношения к арабскому миру». В результате бóльшая часть арабских стран солидаризировалась с процессом формирования «Глобального Юга».

Примечательны и расхождения внутри арабского сообщества по противостоянию Москвы и Киева: в то время как экспортёры углеводородов успешно пользуются освобождающимися от России нишами на европейском рынке и ростом цен на энергоносители, другие страны, лишённые такой возможности, на-ходятся под угрозой серьёзных продовольственных проблем, связанных с перебоями в поставках им зерна из России и Украины, что может вновь генерировать там недовольство населения (главным образом в Северной Африке), как произошло в 2011 г. На этом фоне в попытках утвердить свою власть представители авторитарных режимов нередко характеризуют поддержку Западом Украины как проявление «двойных стандартов в духе неоколониализма». В частности, они упрекают западных политиков в том, что те намного больше заботятся об украинских беженцах, чем о беженцах из арабских и других развивающихся стран. Иными словами, всё отчётливее вырисовывается линия размежевания между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом».

При этом новой расстановке сил на мировой арене заявле-

ния и действия европейских политиков подтверждают их приверженность «Глобальной стратегии» и выстраиванию ближневосточной политики на её основе. Важной составляющей ГС является наращивание силового компонента, наряду с дипломатией и «мягкой силой», а также расширение географии европейского присутствия в ближневосточном регионе (речь идёт о необходимости усилить роль ЕС в районе Персидского залива). Однако основой ближневосточной политики ЕС по-прежнему остаётся приоритетность Северной Африки и Средиземноморья.

Европейские политики и стратеги неизменно воспринимают Средиземноморье и особенно Северную Африку не только как пространство своего традиционного присутствия и влияния, но и как жизненно важное для Старого Света. Кризисы и войны, потрясшие эти два региона за последние полтора десятка лет, создали во многом новую реальность, когда вопреки финансовым, экономическим и политическим усилиям Брюсселя они всё менее ассоциируют себя и своё будущее с Евросоюзом. Более того, эти территории становятся источниками возрастающих угроз для европейцев. Такими оказались последствия пронёсшейся по большинству стран этих регионов «арабской весны». В Брюсселе призна*ют*, что осуществлявшиеся на протяжении десятилетий стратегии ЕС (Европейская политика соседства и Союз для Средиземноморья) оказались неэффективными[46]. Это произошло по объективным и мало зависящим от самого Евросоюза причинам: на «весенней» волне, спровоцировавшей политическую и социальную дестабилизацию в большинстве стран Средиземноморья, практически все они стали объектами геополитических интересов внерегиональных держав и влиятельных групп государств (например, монархий Персидского залива). Заинтересованные в укреплении собственной власти в своём большинстве авторитарные правители получили там спектр возможностей для выбора как финансовых источников, так и партнёров. Во многих случаях ЕС оказался вытесненным из списка приоритетов новых властей, несмотря на то что ценностно-идео-

[46] Шумилин А. И. Ближневосточная политика Евросоюза: в поисках эффективной стратегии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 2. С. 7–14. DOI: 10.15211/vestnikieran22024714

логическая составляющая в концепциях взаимодействия ЕС с этими странами была отодвинута Брюсселем на второй план, уступив место политике «прагматизма, основанного на принципах»[47] и, добавим, подкреплённого силовыми механизмами. Одновременно становится очевидным, что, казалось бы, объективно востребованная единая стратегия ЕС для Ближнего Востока ещё какое-то время будет оставаться в стадии подготовки и проработки из-за сохраняющихся разногласий между странами-членами по ряду важных проблем этого региона. Она продолжает формироваться в рамках общей концепции «стратегической автономии» ЕС.

2.2.2. Военно-морские миссии ЕС

Знаковым событием для ближневосточной политики Вашингтона и Брюсселя стало развёртывание в январе 2024 г. военной миссии Евросоюза под названием «Аспидес» в Красном море и частично в Персидском заливе[48]. Обозначены следующие цели операции: защита гражданских судов от продолжающихся атак хуситов; сопровождение судов; мониторинг происходящего в данной акватории, оценка угроз для свободы мореплавания. В сообщении о её начале отмечается, что она носит сугубо оборонительный характер, призвана защищать корабли в случае атак на них с моря или с воздуха, а её участники не будут наносить удары по наземным целям[49].

Говоря об «Операции Аспидес», высокопоставленные представители ЕС подчёркивают, что она проводится отдельно от американо-британской миссии в том же районе под названием «Страж процветания». Эта принципиальная установка продиктована не только документами «Глобальной стратегии», предполагающей повышение удельного веса ЕС в мировой геополитике. Определённую роль сыграл и тот факт, что после обстрела американскими и британскими ракетами позиций хуситов на территории Йемена (в январе – феврале 2024 г.) те начали на-

---

[47] Barnes-Dacey J., Lovatt H. Op. cit.

[48] Шумилин А.И. Красноморская миссия Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 1. С. 17–24. DOI: 10.15211/vestnikieran120241724

[49] Eunavfor operation aspides // EEAS. February 2024. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2024/EUNAVFOR%20OPERATION%20ASPIDES_2024_0.pdf (дата обращения: 07.12.2025).

носить ответные удары по кораблям США и Великобритании. Формально дистанцируясь от военно-морской операции «Страж процветания», европейцы, судя по всему, хотели бы понизить уровень угроз своим судам.

В обосновании целей «Аспидес» упоминается, что миссия осуществляется в тесной координации с операцией «Аталанта». Речь идёт о начатой Евросоюзом ещё в 2008 г. операции ВМС с целью борьбы с морским пиратством у Африканского Рога и в западной части Индийского океана. Именно она считается первой военно-морской миссией ЕС в этом районе, предпринятой на базе резолюций 1814, 1816, 1838 и 1846, одобренных в 2008 г. Совбезом ООН. В январе 2023 г. мандат «Аталанты» был продлён Евросоюзом до декабря 2024 г. С 29 марта 2019 г. оперативный штаб миссии расположен на военно-морской базе Рота в Испании (до того он находился в Лондоне). Участники «Аталанты» были нацелены на борьбу с острыми на тот момент угрозами – на противодействие пиратству и переправке наркотиков, на обеспечение защиты судоходства и соблюдение эмбарго ООН на поставки оружия повстанческим организациям в районе Африканского Рога (тогда речь шла о сомалийской исламистской группировке «Аш-Шабаб»).

Кроме оперативного управления военными кораблями в рамках операции «Аталанта», миссия «Аспидес» была призвана координировать действия и с другой военно-морской операцией Евросоюза – размещённой в 2020 г. Европейской группировкой по мониторингу в Ормузском проливе (ЕГМОП)[50]. Её особенность в том, что эта миссия не обладает мандатом ЕС, она учреждена по инициативе Франции в феврале 2020 г. Перед ней стоит задача по наблюдению за обстановкой, отслеживанию уровня напряжённости и повышению морской безопасности в этом экономически важном регионе. Помимо Франции и Дании, в ней также участвуют Нидерланды, Бельгия, Германия, Греция, Италия и Португалия. Штаб-квартира расположена на территории французской военно-морской базы в Абу-Даби.

Другая особенность ЕГМОП в том, что изначально её работа проводилась по двум направлениям: дипломатическому и во-

[50] Англ. *European-led Maritime Awareness in the Strait of Hormuz, EMASoH.*

енному. Последнее обозначено в базовых документах как операция «Аженор»[51], в её рамках военная сила может быть применена только для обеспечения безопасности прохода коммерческих судов. Информация о нарушениях свободы навигации и различных инцидентах с судами в обозначенной акватории собирается в базе данных ЕГМОП в рамках т.н. «Схемы добровольного уведомления»[52], которая предполагает направление командирами судов в эту базу данных координат своего местонахождения в пределах т.н. «Района добровольного уведомления»[53]. Последний распространяется на весь Персидский залив, Ормузский пролив и часть Аравийского моря. В случае предварительного добровольного уведомления данное судно получает приоритет при проведении спасательных операций со стороны кораблей и авиации европейской группы мониторинга.

Информационные системы ЕГМОП фиксируют следующие среднестатистические показатели активности в зоне своей ответственности. На каждый конкретный момент запроса в обозначенных акваториях находятся 4–5 тыс. коммерческих судов (это число не включает мелкие индивидуальные лодки «дау» и малые рыболовецкие суда). Только 10% из обозначенного числа ходят под флагами стран ЕГМОП либо осуществляют перевозки в интересах этих стран. В сутки через Ормузский пролив проходят 25–30 таких судов[54].

«Операция Аспидес» стала первой масштабной миссией ВМС, организованной на основе новой «Европейской стратегии морской безопасности 2023 г.»[55]. Этот основополагающий документ был принят Советом Евросоюза 24 октября 2023 г. Как и предыдущая Стратегия (2014 г.) он состоит из текста с изложе-

---

[51] *Operation AGENOR.*
[52] *Voluntary Reporting Scheme.*
[53] *Voluntary Reporting Area, VRA.*
[54] Information Bulletin February 2023 // European-Led Maritime Awareness in the Strait of Hormuz. URL: https://d1fdloi71mui9q.cloudfront.net/gieRwHTny7TDROuD4BaQ_FEBR23%20EMASoH%20Information%20Bulletin.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
[55] Maritime security: Council approves revised EU strategy and action plan // Council of the EU. 24.10.2023. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/10/24/maritime-security-council-approves-revised-eu-strategy-and-action-plan/ (дата обращения: 01.02.2026).

нием основных целей и задач, а также Плана действий. В его обновлённом варианте прогнозировалось дальнейшее увеличение объёмов и значимости морских перевозок для мировой экономики, несмотря на формирующуюся неблагоприятную атмосферу на морях и океанах из-за существенного возрастания угроз для морского судоходства, из чего делался вывод о необходимости наращивания силового компонента военно-морских миссий. Заметим, что в «Аспидес» дипломатический компонент явно ушёл на второй план, на первом – силовая составляющая.

2.2.3. ЕС – Турция: партнёрство или соперничество?

Если в первую каденцию Д. Трампа главным фактором, скрепляющим отношения между Вашингтоном и Анкарой, стали личные контакты и симпатия между лидерами двух стран, то с приходом Дж. Байдена в Белый дом (январь 2021 г.) между сторонами возродились расхождения идеологического характера. Речь шла прежде всего о неприятии администрацией демократов в Вашингтоне возраставшей авторитарности турецкого лидера, нарушении им прав человека и гражданских свобод в Турции. Новые акценты в подходе к режиму Эрдогана сближали США с Евросоюзом.

Особо подчеркнём, что к осени 2020 г. отношения между Турцией и ЕС резко обострились. Это выражалось как в критике Брюсселем положения с правами человека в Турции, так и силовых действий Эрдогана в примыкающих к Европе регионах – Восточном Средиземноморье (нарушение Турцией суверенитета государств-членов ЕС Греции и Кипра) и его вмешательство в военное противоборство между Азербайджаном и Арменией в Нагорном Карабахе. По сути, под вопрос было поставлено продолжение многолетнего партнёрства Евросоюза с Турцией. «Анкара пока не выбрала позитивный путь в отношениях с ЕС. Мы осуждаем последние односторонние действия Турции в Восточном Средиземноморье, провокации и агрессивную риторику, которая абсолютно неприемлема», – заявил 29 октября 2020 г. глава Евросовета Шарль Мишель по итогам онлайн-саммита ЕС[56]. «Наши отношения впервые за всю историю

[56] Remarks by President Charles Michel after the video conference of the members of the European Council on 29 October 2020 // ECEU. 30.10.2020. URL:

проходят через водораздел: мы двинемся в одну или другую сторону – в зависимости от того, что будет происходить в ближайшее время», – предупредил глава европейской дипломатии Жозеп Боррель[57].

Подобный кризис в отношениях с ЕС представлялся закономерным с учётом того, что на протяжении 2020 года руководство Турции не только демонстрировало приоритет силовых методов в решении своих внешнеполитических задач по отношению к соседям, но и расширяло географию применения силы. В Сирии Анкара перешла от противостояния с курдскими формированиями в своём приграничье («зона безопасности») к прямым столкновениям с правительственными войсками Б. Асада, пытаясь установить свой полный военный контроль над провинцией Идлиб. Там военные действия были приостановлены в феврале – марте 2020 г. в результате договорённостей с Москвой. В эти же месяцы заметно активизировался турецкий контингент, дислоцированный в Ливии для оказания поддержки Правительству национального согласия в Триполи, что привело к изменению расклада сил на поле боя в пользу союзника Турции. Весной – летом в сопровождении военных кораблей Анкара развернула поисковые работы в районе залежей углеводородов на дне спорных акваторий в районе Кипра и Греции, что резко повысило градус напряжённости в отношениях Турции с этими двумя членами Евросоюза. Греция отреагировала мобилизацией своих военно-морских сил. Для предотвращения вероятных столкновений между членами блока НАТО (Грецией и Турцией) президент Франции Э. Макрон направил в Восточное Средиземноморье боевые корабли и самолёты[58]. Наконец, в сентябре 2020 г. Турция обозначила своё силовое присутствие на

---

https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/10/30/remarks-by-president-charles-michel-after-the-video-conference-of-the-members-of-the-european-council-on-29-october-2020/ (дата обращения: 30.10.2025).

[57] EU's relationship with Turkey has reached «watershed moment» says foreign policy chief Borrell // Bne IntellIiNews. 15.09.2020. URL: https://www.intellinews.com/eu-s-relationship-with-turkey-has-reached-watershed-moment-says-foreign-policy-chief-borrell-191990/ (дата обращения: 25.10.2025).

[58] France sends fighter jets, frigate to Eastern Med // Asharq Al-Awsat. 13.08.2020. URL: https://english.aawsat.com/home/article/2445821/france-sends-fighter-jets-frigate-eastern-med (дата обращения: 15.10.2025).

Южном Кавказе в ходе возобновившегося конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Таковы внешнеполитические проявления реализации концепции Р. Т. Эрдогана под названием «Новая Турция». Она предполагает не только смену политической культуры, разворот от светскости времён Кемаля Ататюрка к постепенной исламизации общества и страны, но и, по выражению турецкого исследователя Асли Айдинташбаш, стремление «Турции Эрдогана оставаться *одинокой державой*, находясь одной ногой в каждом из лагерей» (речь о мировых центрах: США, Евросоюз, Россия, Китай – А.Ш.) «Ни восток, ни запад, ни трансатлантизм, ни евразийство – сегодняшние лидеры Турции рассчитывают воздвигнуть самостоятельную державу на периферии Европы», – пишет А. Айдинташбаш[59]. Под «одиночеством» или даже, по выражению Ибрагима Калина, советника Эрдогана, «*ценным одиночеством*» подразумевается равноудалённость Турции от перечисленных мировых держав[60]. В публичных же выступлениях людей из окружения турецкого президента часто звучали такие противоречивые тезисы, как: «Мы великие, поэтому все нам завидуют» и «Мы окружены врагами».

Какими бы ни были соседи Турции – «завистливыми» или «враждебными», но отношения Анкары с ними заметно обострялись на протяжении первой половины 2020-х гг. Причины такой политики, скорее, следует искать в известной максиме: авторитарные режимы, как правило, склонны демонстрировать силу вовне и тем самым «утверждать» (или создавать видимость) свои «мощь и величие» чаще всего с целью компенсировать/приглушить провалы в собственной политике внутри страны.

Если отношения Анкары с Вашингтоном в первой половине 2020-х гг. развивались под воздействием установки на глобально-стратегическое партнёрство Турции с НАТО, то с Брюсселем они в большей степени предопределялись двумя другими факторами: географической близостью / соседством и различи-

[59] Aslı Aydıntaşbaş. The Turkish Sonderweg: Erdoğan's New Turkey and Its Role in the Global Order. Istanbul: Istanbul Policy Center, 2020. 16 p.

[60] Dr. İbrahim Kalın, interview by Tahir Alperen // T24. 26.08.2013. URL: https://t24.com.tr/haber/basbakaninbasdanismani-degerli-yalnizliki-acikladi-yalnizdegiliz-ama,237875 (дата обращения: 26.10.2025).

ем в восприятии своих интересов в сфере безопасности и экономики. Речь идёт об общем геополитическом пространстве (Средиземноморье и Ближний Восток), где всё происходящее оказывает непосредственное влияние на безопасность и ЕС, и Турции. Так, потрясения в Сирии обернулись потоками беженцев, захлестнувшими Турцию и частично ряд европейских стран[61]. Другая реализовавшаяся угроза для Анкары и Брюсселя – терроризм: турецкие власти в основном обвиняют в этом боевиков, связанных с Курдской рабочей партией, а в Европе носителями угроз считают выходцев из разных стран Ближнего Востока и Северной Африки. Гражданская война в Ливии также была чревата потоками беженцев – прежде всего для стран ЕС и в меньшей степени Турции. На ливийский конфликт дополнительно проецировался и экономический интерес Анкары и Брюсселя, связанный с перспективой взаимодействия с Ливией в сфере добычи углеводородов. Немаловажен и такой жест ПНС в сторону Эрдогана, как его согласие с обозначенными Анкарой границами водного пространства, которые среди прочего призваны легализовать турецким компаниям доступ к поиску нефти и газа в значительно более широкой части Восточного Средиземноморья, чем раньше[62].

Динамика осложнения отношений Турции с Брюсселем во многом определялась двумя факторами: усилением авторитарных тенденций во внутренней политике Турции (начиная с 2013 г.) и де-факто приостановкой переговоров о её присоединении к ЕС. Это, в свою очередь, подтолкнуло Анкару к пересмотру своей базовой концепции в пользу собственной «стратегической автономии», предполагающей равноудалённость от основных центров силы – США, ЕС, России и Китая[63]. За этим в Анкаре последовала переоценка роли Турции по всему периметру её границ: в Восточном Средиземноморье, на Балканах и на Ближнем

[61] Потемкина О.Ю. Сирийские беженцы в Европе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 3. С. 48–49. DOI: 10.15211/vestnikieran320194853

[62] Шумилин А.И. Евросоюз и Турция: конфликтное партнёрство // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran52020715

[63] Pierini M. Turkey's Labyrinthine Relationship with the West: Seeking a Way Forward // ELIAMEP / Policy Paper. 2020. P. 2–12.

Востоке, в Причерноморье и на Южном Кавказе. Новая политическая линия предполагала ставку не столько на коллективные действия совместно с ЕС и НАТО, сколько на существенное доминирование собственного интереса с опорой на силовые инструменты, что, несомненно, начало создавать проблемы для ЕС.

Так, в Сирии Анкара к началу 2020-х гг. сохраняла сотрудничество с ЕС разве что в вопросе обустройства сирийских беженцев на турецкой территории при финансовой поддержке европейских государств. В решении же своих фундаментальных проблем (предотвращение террористических угроз и новых волн беженцев из Сирии) она сделала ставку на Москву, которая, в отличие от ЕС, придерживалась нейтральной позиции в том, что касалось турецкой операции по созданию «зоны безопасности» на севере Сирии. Более того, партнёрство с РФ (в частности, начавшийся переговорный процесс в Астане) позволило Эрдогану противостоять критическому давлению на него со стороны ЕС и в меньшей степени США[64].

В Ливии степень кооперативности Турции с ЕС ограничивалась двумя пунктами: признанием легитимности ПНС, а не его противника Хафтара, и формальным согласием Эрдогана с решениями Берлинской конференции по Ливии в январе 2020 г.[65] Но сразу после завершения конференции французский президент Макрон обвинил Эрдогана в нарушении основных резолюций форума[66]. Анкара тогда развернула, по сути, военную операцию при участии своих советников и подразделений добровольцев из состава бывшей Сирийской свободной армии, переброшенных для обороны ливийской столицы Триполи. При этом она поставляла вооружение сторонникам ПНС. Всё это вызывало критику ряда европейских лидеров, настаивавших на выводе всех иностранных войск из Ливии.

---

[64] Seufert G. Turkey Shifts the Focus of Its Foreign Policy // SWP / German Institute for International and Security Affairs. 2020. DOI: 10.18449/2020C06

[65] Шумилин А.И. Вызовы европейской безопасности-2020: между Мюнхеном и Идлибом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 7–8. DOI: 10.15211/vestnikieran12020410

[66] Macron Accuses Turkey's Erdogan of breaking Promises on Libya // Asharq Al-Awsat. 29.01.2020. URL: https://english.aawsat.com/home/article/2105566/ macron-accuses-turkey's-erdogan-breaking-promises-libya?_wrapper_format= html&page=8 (дата обращения: 21.10.2025).

Однако оборотной (возможно, главной для Анкары) стороной ливийской операции Эрдогана стало возрастание влияния Турции в Восточном Средиземноморье. Складывалась ситуация, при которой строительство Грецией, Кипром и Израилем газопровода в ЕС могло произойти только при согласии Турции[67]. Важно констатировать и то, что на протяжении первой половины 2020 г. турки проводили поисковые работы в Средиземном море, нарушая границы исключительных экономических зон Кипра и Греции, что привело к всплеску военной напряжённости. Тогда ЕС выступил на стороне Никосии и Афин, а посредническую роль – наряду с Ж. Боррелем, главой внешнеполитической службы ЕС, – взял на себя президент Франции Э. Макрон. Последнее привело к беспрецедентному обострению отношений между ним и Эрдоганом[68]. Позднée «вербальная конфронтация» между ними была воспроизведена в ходе обсуждения во Франции проекта закона против сепаратизма, который Эрдоган оценивал как «проявление исламофобии»[69].

Как видим, попытки ЕС выстраивать отношения с Анкарой в последние годы на основе норм международного права, на сочетании геополитических интересов со своими ценностными установками – оказались по большей части безуспешными. Противоречия между сторонами обострились беспрецедентно. Накал противостояния начал ослабевать после оглашения результатов президентских выборов в США в середине ноября 2020 г. – после того, как новым хозяином Белого дома был объявлен Дж. Байден, перспектива правления которого Эрдогану представлялась заведомо безрадостной.

Таким образом, комплекс внутренних и внешних причин, чреватых угрозой дестабилизации режима Эрдогана, привёл к обособлению Турции в Североатлантическом альянсе, ослаблению её традиционных связей с партнёрами. Во многом это ста-

---

[67] Seufert G. Op. cit. P. 4.

[68] Tensions between EU and Turkey escalate over Erdogan insults // Spectrum News. 26.10.2020. URL: https://ny1.com/nyc/manhattan/ap-online/2020/10/26/tensions-between-eu-and-turkey-escalate-over-erdogan-insults (дата обращения: 26.10. 2025).

[69] Шумилин А.И. Франция: республика против «политического ислама». Ч. 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 122–123. DOI: 10.15211/vestnikieran22021117124

ло результатом двух модальностей отношений, которые демонстрировал турецкий лидер: первая – с Соединёнными Штатами при Трампе (основанная на прагматичном интересе обеих сторон и практически полном игнорировании ценностной составляющей, лежащей в политико-идеологическом фундаменте НАТО, а также на личностных отношениях двух президентов); вторая – с европейскими партнёрами по альянсу (нарастание разногласий и конфронтационности, сведéние к минимуму и деградация личных отношений Эрдогана с европейскими лидерами, фактический отказ «играть по европейским и международным правилам»). Заметим, что внешнеполитическая команда Трампа нередко использовала «фено́мен Эрдогана», его разногласия с европейскими лидерами для давления на своих союзников по НАТО. Тем самым Анкара всё заметнее становилась фактором дезинтеграции в Североатлантическом альянсе. Положить конец этим тенденциям взялась администрация Байдена, подход которой к Анкаре означал закрытие «окна возможностей» для фрондёрства Эрдогана по отношению к партнёрам по НАТО, главным образом к европейцам.

2.2.4. Турция – НАТО – Евросоюз: обновлённая нормальность

С первого дня в Белом доме Дж. Байден взял отмеченную наблюдателями паузу касательно «турецкого досье» – комплекса накопившихся проблем в отношениях между Анкарой и её западными партнёрами[70], а также его давних отношений с Р. Т. Эрдоганом. Вплоть до апреля турецкий лидер безуспешно пытался хотя бы по телефону связаться с американским президентом. 23 апреля ему, однако, позвонил сам Байден, причём с плохими новостями, а именно – уведомить турецкого президента о своём намерении признать «геноцид армян». Эта новость означала конец вашингтонской традиции, согласно которой все предыдущие президенты США избегали использовать слово «геноцид» применительно к трагедии армян в Османской империи в 1915 г.

[70] Об этом подробнее: Шумилин А.И. Турция и НАТО: фактор Байдена (ч. I) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 3. С. 24–32. DOI: 10.15211/vestnikieran320212432

Само публичное заявление, с которым Байден выступил 24 апреля, было «смягчено» в основном двумя семантическими приёмами: первый – американский президент ни разу не упомянул Турцию как государство, говоря лишь о «преступлении руководителей Османской империи»; второй – этот трагический эпизод преподносился как часть истории уже более чем вековой давности и никак не связывался с международными отношениями сегодня. «Мы делаем это не для того, чтобы обвинять, – заявил глава Белого дома, – а для того, чтобы гарантировать неповторение подобного»[71]. Тем самым Байден выполнил одно из своих предвыборных обещаний в контексте «восстановления исторической справедливости в отношении армян», но при этом подчеркнул отсутствие связи между преступлениями османов и нынешней Турцией. Реакция Анкары оказалась для многих отнюдь не взрывной, как ожидалось, а достаточно сдержанной. Объяснить её можно только взятым Эрдоганом курсом на нормализацию отношений с США и ЕС.

Первая встреча между лидерами двух стран состоялась 14 июня на саммите НАТО в Брюсселе. К ней Эрдоган приготовил новую «турецкую инициативу», призванную нормализовать отношения Анкары с партнёрами по альянсу. Он предложил использовать турецкий контингент для контроля над международным аэропортом Кабула в процессе начавшегося вывода войск западной коалиции из Афганистана. Смысл инициативы Эрдогана был очевиден: турки-мусульмане способны обеспечить более надёжное прикрытие процесса эвакуации западных подразделений НАТО перед лицом вероятного на тот момент наступления талибов на Кабул. Предложение было положительно воспринято в Госдепартаменте США, который ещё в марте – апреле столь же положительно оценил другую инициативу Анкары – возобновить под её эгидой прервавшиеся к тому времени переговоры между основными политическими силами Афганистана. По информации афганского агентства *Tolo News*, ещё в начале марта госсекретарь Энтони Блинкен направил президенту

[71] Statement by President Joe Biden on Armenian Remembrance Day // U.S. Mission UAE. 24.04.2021. URL: https://ae.usembassy.gov/statement-by-president-joe-biden-on-armenian-remembrance-day/ (дата обращения: 20.10.2025).

Афганистана Ашрафу Гани письмо, в котором информировал его о готовности турецкого руководства провести с 24 апреля по 4 мая переговоры в Стамбуле об условиях и сроках формирования инклюзивного правительства в Кабуле с участием Талибана[72]. В конечном счёте руководство талибов отказалось от участия в конференции, а позднее подвергло критике позицию Турции, в т.ч. и её планы контролировать аэропорт Кабула, угрожая атаками на турецкие подразделения[73]. В свою очередь, в Вашингтоне и Брюсселе высоко оценили обе инициативы Анкары, пояснив, однако, что они не могут затмить разногласий между сторонами, в частности, по проблеме закупки Турцией российских ЗРК С-400[74].

Как бы то ни было, но в контексте надвигавшейся афганской драмы окружению Эрдогана удалось напомнить партнёрам по НАТО об уникальности и полезности Турции – единственной в альянсе страны с преобладающим мусульманским населением. На протяжении полувека (с 1952 г. и до начала XXI столетия, т.е. до прихода к власти в Анкаре партии Эрдогана) эта роль Турции – стратегически важного форпоста альянса на стыке континентов и особенно на Ближнем Востоке – высоко оценивалась её союзниками.

Интерес самого Эрдогана к проекту, получившему в прессе условное название «Аэропорт Кабула», изначально был многогранен. С одной стороны, его реализация обещала сделать Турцию самым влиятельным иностранным актором в Афганистане после вывода западных войск, что, несомненно, способствовало усилению позиции Турции на региональной арене – особенно в контексте её идеологического и политического противостояния с такими арабскими монархиями, как Саудовская Ара-

[72] Saif Sh. Kh. US to ask Turkey «to host» intra-Afghan peace talks // Anadolu Agency. 07.03.2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/us-to-ask-turkey-to-host-intra-afghan-peace-talks/2167885# (дата обращения: 20.10.2025).

[73] Saif Sh. Kh. Taliban warns Turkey against keeping troops in Afghanistan // Anadolu Agency. 13.07.2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-warns-turkey-against-keeping-troops-in-afghanistan/2303581 (дата обращения: 20.10.25).

[74] Mally A. US sanctions for Turkey's S-400 procurement come into effect // NewEurope. 08.04.2021. URL: https://www.neweurope.eu/article/us-sanctions-for-turkeys-s-400-procurement-come-into-effect/ (дата обращения: 20.10.2025).

вия и ОАЭ, претендующими на лидерство в суннитском мире[75]. С другой стороны, осуществление проекта «Аэропорт Кабула» предполагало укрепление роли Турции внутри НАТО.

Между тем сложная ситуация в аэропорту Кабула в период массовой эвакуации в августе 2021 г. заставила руководство талибов пойти навстречу Анкаре, согласившись с компромиссным решением в отношении её плана. После кровавого теракта 26 августа талибы сами обратились к Эрдогану с просьбой обеспечить функционирование гражданской части кабульского аэропорта. Функции же поддержания безопасности данного объекта талибы взяли на себя[76]. В результате в конце августа 2021 г. можно было говорить об утверждении особой роли Турции в ходе начавшегося в Афганистане транзита власти. Эта роль была в целом одобрена и руководством НАТО.

Другую возможность демонстрации своей полезности и эффективности для НАТО и Евросоюза, возникшую в контексте конфликта вокруг Украины, Эрдоган активно использует, начиная с 2022 г. На протяжении всего периода боевых действий в Европе до прихода в Белый дом Д. Трампа он демонстрировал нейтралитет в подходе к происходящему, став наиболее эффективным посредником между Москвой и Киевом. Так, 21 февраля 2022 г. турецкий МИД выпустил заявление с осуждением признания Москвой независимости Луганской и Донецкой народных республик. На следующий день сам Эрдоган позвонил президенту В.А. Зеленскому и подтвердил позицию Анкары в поддержку территориальной целостности Украины[77]. Однако в ответ на просьбу украинского лидера 24 февраля закрыть черноморские проливы для российских судов глава МИД Турции М.

---

[75] Шумилин А.И. Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 50–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60

[76] Hamit D. Taliban proposed Turkey run Kabul airport: Turkish president // Anadolu Agency. 27.08.2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-proposed-turkey-run-kabul-airport-turkish-president/2347871 (дата обращения: 22.10.2025).

[77] Turkiye against every move that would target Ukraine's territorial integrity // Anadolu Agency. 22.02.2022. URL: https://www.aa.com.tr/en/politics/turkiye-against-every-move-that-would-target-ukraines-territorial-integrity/2510267 (дата обращения: 22.10.2025).

Чавушоглу заявил о невозможности такого шага, поскольку «это является нарушением международного права»[78]. Тем не менее спустя неделю, 1 марта, Анкара закрыла проход через проливы для судов всех стран с целью предотвратить эскалацию конфликта, за что глава Госдепартамента Э. Блинкен высказал от имени США благодарность правительству Турции[79]. Одновре́менно Чавушоглу пригласил С. Лаврова принять участие в Дипломатическом форуме в Анталии 11–13 марта в расчёте на установление диалога между внешнеполитическими ведомствами РФ и Украины[80].

Параллельно с миротворческими усилиями турецкое руководство активно реализует экономические интересы во взаимодействии и с Украиной, и с Россией. Так, в августе 2022 г. стало известно, что Киев и Анкара договорились построить на территории Украины завод по производству турецких ударных беспилотников *Bayraktar*, который должен был начать их выпуск к осени 2025 г. Однако в августе того года по нему были нанесены удары российскими ракетами, в результате которых был причинён ущерб производственным мощностям предприятия[81].

Особенно широкий резонанс вызвала т.н. «Зерновая сделка» (другое название – «Черноморская зерновая инициатива»), призванная обеспечить безопасную транспортировку зерна и продовольствия из украинских портóв. Соглашение между Россией, Украиной, Турцией и ООН подписано 22 июля 2022 г. в Стам-

[78] Turkey says it cannot stop returning Russian warships from accessing Black Sea // Reuters. 25.02.2022. URL: https://www.reuters.com/world/turkey-cannot-stop-russian-warships-accessing-black-sea-says-foreign-minister-2022-02-25/ (дата обращения: 22.10.2025).

[79] US thanks Turkey for shutting down Black Sea straits for warships // Euractiv. 01.03.2022. URL: https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/us-thanks-turkey-for-shutting-down-black-sea-straits-for-warships/ (дата обращения: 22.10. 2025).

[80] Dene M., Labow H., Silber C. Middle East Responses to the Ukraine Crisis // The Washington Institute / PolicyWatch 3582. 04.03.2022. URL: https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/middle-east-responses-ukraine-crisis (дата обращения: 23.10.2025).

[81] Степашкина А. Россия ударила по турецкому заводу в Киеве. Уже в августе там должны были начать сборку дронов Bayraktar // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2025/08/28/rossiya-udarila-po-turetskomu-zavodu-v-kieve-uzhe-v-avguste-tam-dolzhny-byli-nachat-sborku-dronov-bayraktar/ (дата обращения: 23.10. 2025).

буле при активном участии Эрдогана. Главная цель сделки носит гуманитарный характер (предотвращение голода в беднейших странах). Вместе с тем она должна была решить и такую экономическую задачу для России и Украины, как сбыт скопившегося в заблокированных боевыми действиями украинских портáх зерна и удобрений объёмом в 22 млн тонн. Важно подчеркнуть, что соглашение об экспорте зерна Россия и Украина заключили отдельно с Турцией и ООН. Сделка должна действовать в течение 120 дней с даты подписания (по 18 ноября 2022 г. включительно) и может быть автоматически продлена[82].

Заключение «Зерновой сделки» и её выполнение под контролем турецких судов (несмотря на заявления России о кратковременном приостановлении своего участия) стало событием мирового значения, которое не могло не отразиться положительно на имидже турецкого президента, её архитектора. Команда Эрдогана расценивала этот успех как важнейший отправной пункт для улучшения электоральных позиций его Партии справедливости и развития (ПСР) и её партнёра по коалиции – Партии националистического движения (ПНД). Рейтинги этих двух политических сил основательно пошатнулись в предыдущие месяцы на фоне экономического кризиса, охватившего Турцию[83].

Для понимания поведения турецкого лидера в данной ситуации вполне, на наш взгляд, оправданно прибегнуть к известной максиме о «пользе малой, но победоносной войны для решения внутриполитических проблем». С той лишь поправкой, что с упомянутой целью Эрдоган успешно использовал не свою, а «чужую войну». И при этом заметно повысил собственный статус на мировой арене.

В условиях противостояния России со странами ЕС на энер-

---

[82] Разбор. Что такое зерновая сделка и почему Россия вышла из неё // Altapress. 31.10.2022. URL: https://altapress.ru/politika/story/razbor-chto-takoe-zernovaya-sdelka-i-pochemurossiya-vishla-iz-nee-314106 (дата обращения: 05.11.2025).

[83] По данным авторитетного центра изучения общественного мнения *Yöneylem Sosyal Araştırmalar Merkezi*, на конец октября 2022 г. ПСР могла бы получить 29,5% голосов избирателей, а ПНД – 6,4%, т.е. суммарный показатель – 35,9%. Её же оппонент – Республиканская народная партия может заручиться 29,7%, а её партнёр по коалиции – «Хорошая партия» – 13,5%, т.е. гарантированно выигрывают 43,2% голосов.

гетическом рынке взаимодействие с Анкарой в этой сфере остаётся на прежнем уровне. Таким образом, эта страна становится единственным надёжным каналом сбыта российских энергоносителей в Европе. Неудивительно, что В. Путин предложил 12 октября 2022 г. создать в Турции «крупнейший газовый хаб» для поставок в страны Старого Света. По его словам, Россия уже частично экспортирует газ в ЕС через Турцию, куда можно было бы перенаправить топливо, которое ранее доставлялось через Балтийское море по газопроводу «Северный поток». Работа последнего приостановлена в конце сентября из-за взрывов, в которых Москва обвиняет некоторые страны Запада[84].

«Утраченный объём транзита по “Северным потокам”, по дну Балтийского моря, мы могли бы переместить и в регион Чёрного моря и сделать таким образом основными маршрутами поставки нашего топлива, нашего газа природного в Европу [маршруты] через Турцию, создав в Турции крупнейший газовый хаб для Европы», – сказал В. Путин[85]. Создание хаба, по-видимому, предполагает некий вариант, позволяющий сделать анонимным происхождение газа, следующего из Турции в Европу, поскольку в турецкие хранилища он поступает из разных источников (России, Азербайджана, Центральной Азии, Ирана).

Предложение российского лидера было изучено и оценено положительно в Анкаре. Советник турецкого лидера Ибрагим Калын допустил возможность строительства дополнительного трубопровода для усиления мощностей газопровода «Турецкий поток». По его словам, в будущем Турция может стать страной, где формируется газовый рынок[86]. 25 октября 2022 г. Анкара объявила о достижении принципиального соглашения между Турцией и Россией о создании газового хаба, после чего приступила к выполнению своей части проекта.

На политическом уровне президент Эрдоган в целом при-

[84] Путин предложил Эрдогану создать газовый хаб в Турции. Нужен ли он Европе // РБК. 14.10.2022. URL: https://www.rbc.ru/business/14/10/2022/6347f9d49a7947dfbedaa0f4 (дата обращения: 05.11.2025).
[85] Там же.
[86] Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Kalın’dan F-16 açıklaması // Haber Turk. 04.11.2022. URL: https://www.haberturk.com/cumhurbaskanligi-sozcusu-kalin-dan-f-16-aciklamasi-3535623 (дата обращения: 05.11.2025).

держивался позиции своих западных союзников и партнёров, в частности, разделял подход других стран НАТО в вопросах военной стратегии. Вместе с тем Анкара отказывалась присоединиться к антироссийским санкциям, продолжая развивать сотрудничество с РФ в самых разных сферах, включая военную. Маневрируя между Киевом и Москвой, турецкому лидеру удавалось достигать эффекта, благоприятного для воздействия на население страны, а также для укрепления его авторитета на международном уровне.

Неудивительно, что оппоненты критиковали внешнюю политику Эрдогана за утрату стратегических ориентиров, за её превращение в череду конъюнктурных сделок. В качестве яркого примера они приводили договорённости Анкары с Москвой о закупке ЗРК С-400 в 2019 г., полагая, что эта сделка вышла за рамки традиционно сбалансированной политики между Востоком и Западом, которую турецкие лидеры стремились проводить, несмотря на членство в НАТО. По сути, она многими наблюдателями воспринималась как проявление «стратегической дезориентации» команды нынешнего президента. Тогда закупка двух батальонов российских ЗРК обернулась резким взлётом напряжённости в отношениях Анкары с её западными союзниками и партнёрами, особенно с Вашингтоном[87].

Однако Эрдоган не отступил и довёл сделку до конца[88], пытаясь снивелировать её негативный эффект главным образом посредством конкретных силовых действий в ряде точек напряжения в Восточном Средиземноморье с целью продемонстрировать лояльность Западу и НАТО. Ещё раз перечислим эти действия: вмешательство Турции в ливийский конфликт под предлогом присутствия там российских парамилитарных групп и ре-

[87] Шумилин А.И. Евросоюз и Турция: различия в «ценностях» и трактовке суверенитета // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 3. С. 76–81. DOI: 10.15211/vestnikieran320197681

[88] Россия и Турция заключили контракт на полковой комплект С-400 в 2017 г., поставки комплексов ПВО турецкой стороне были выполнены летом – осенью 2019 г. Сделка вызвала кризис в отношениях Турции с США: Вашингтон требовал взамен приобрести американские комплексы *Patriot*, грозя задержать или вообще отменить продажу Турции новейших истребителей *F-35*, а также ввести санкции в соответствии с законом «О противодействии противникам Америки посредством санкций».

шительное вытеснение их оттуда (2020)[89]; периодическое наращивание силового давления на Дамаск, но самое показательное – вмешательство на стороне Азербайджана в Нагорном Карабахе в 2020 г. Военное поражение Армении в той ситуации преподносилось даже антизападно настроенными российскими экспертами как подрыв влияния РФ на Южном Кавказе[90].

В конечном счёте набор силовых операций, осуществлённых Эрдоганом на протяжении 2020–2023 гг. (их совокупность можно назвать «геополитической мобилизацией» Анкары), произвёл достаточно сильное впечатление на его сограждан. Многие из них сочли «успех» этих действий как бы «оправданием» для проводившейся президентом политики внутри страны (централизация власти, усиление авторитаризма, отход от традиционных основ внешней и внутренней политики, заложенных Ататюрком). Именно этот фактор «геополитической мобилизации» и обеспечил Эрдогану незначительный, но победный перевес по результатам второго тура президентских выборов 28 мая 2023 г. Известный турецкий аналитик Фихим Тастекин так описал этот эффект: «Льстя национальной гордости, раздувая опасения по поводу национальной безопасности и очерняя своих оппонентов, Эрдоган смог избежать расплаты за экономические потрясения в Турции, неадекватную реакцию своего правительства на февральские землетрясения и безудержные обвинения в коррупции»[91]. Действовавший президент взял верх над своим оппонентом Кемалем Кылычдароглу с результатом 52,18% против 47,82%. Разница в 4,5% не столь значительна, чтобы получивший формальный мандат победитель мог утверждать себя в качестве «общенационального лидера». Электорально и политически Турция

[89] Эрдоган ополчился на группу Вагнера в Ливии: «Неправильно молчать об этом» // EADaily. 20.12.2019. URL: https://eadailycom.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2019/12/20/erdogan-opolchilsya-na-gruppu-vagnera-vlivii-nepravilno-molchat-ob-etom (дата обращения: 05.11.2025).

[90] Ивашов Л. В случае поражения Армении Россия потеряет остатки своего былого авторитета на Кавказе // Изборский клуб. 30.09.2020. URL: https://izborsk-club.ru/19967 (дата обращения: 10.12.2025).

[91] Tastekin F. How Erdogan's reelection will shift Turkey's foreign policy goals // AlMonitor. 29.05.2023. URL: https://www.al-monitor.com/originals/2023/05/how-erdogansreelection-will-shift-turkeys-foreign-policy-goals#ixzz86ubg8kan (дата обращения: 17.12.2025).

расколота[92].

Победный рывок Эрдогану обеспечила ставка на его «геополитические успехи», «вселившие во многих граждан страны гордость»[93]. Однако реальные проблемы – в первую очередь плачевное состояние экономики – неизбежно «догоняют» стратегов в Анкаре, вынуждая их сменить приоритеты: вполне вероятно, что шаги на пути к экономическому оздоровлению повлекут за собой необходимость корректировки осуществлявшейся до сих пор стратегии балансирования между Западом и Россией. Серьёзный успех на выборах сторонника прозападной ориентации страны К. Кылычдароглу стал убедительным напоминанием Эрдогану о том, что Турция – член НАТО, а бóльшая часть её экономических интересов связана с Евросоюзом. Не могут пройти бесследно для команды победителя получившие поддержку половины граждан страны программные заявления оппонента, обещавшего «вернуть Турцию на путь присоединения к Евросоюзу»; согласиться с вердиктом Европейского суда по правам человека, требующего немедленного освобождения двух известных политических заключённых; снять возражения против вступления Швеции в НАТО; отказаться от «интервенционистского подхода» в решении региональных проблем в пользу диалога[94].

И тем не менее «феномен Эрдогана» сработал. Он, если кратко, сводится к отходу этого лидера от традиционности (а именно – от опоры на светскость, недопущения доминирования религии) как в плане внутренней политики (где он перешёл к усилению авторитарности, игнорированию институтов и многих норм, регулировавших отношения в обществе), так и в международных делах (утверждение своей линии, в т.ч. и сознательным нагнетанием напряжённости в отношениях с союзниками

[92] Turkiye's Erdogan wins 5th term as president, extending rule into 3rd decade // CTV News AP. 28.05.2023. URL: https://www.ctvnews.ca/world/article/turkiyes-erdogan-wins-5th-term-as-president-extending-rule-into-3rd-decade/ (дата обращения: 12.12.2025).

[93] Tastekin F. How Erdogan's reelection will shift Turkey's foreign policy goals. Op. cit.

[94] On NATO, Russia, and EU, Kilicdaroglu wants to be the anti-Erdogan // Quincy Institute for Responsible Statecraft. 11.05.2023. URL: https://responsiblestatecraft.org/2023/05/11/howturkeys-opposition-leader-would-shake-up-ankaras-foreign-policy/ (дата обращения: 29.06.2023).

и партнёрами). Ф. Тастекин полагает, что «этот сценарий диктует вероятность того, что национализм и триумфализм, пронизывающие внешнюю политику Эрдогана, продолжатся»[95]. Впрочем, данная точка зрения и подобный прогноз небесспорны. Немало экспертов полагают обратное: экономические проблемы, а также осознание чрезмерности уровня напряжения с базовыми партнёрами Турции на Западе могут вынудить нынешнего президента пойти на корректировку своего прежнего курса в направлении поиска компромиссов – как внутри страны, так главным образом и в международных делах.

Период президентства Дж. Байдена характеризовался сближением США с Евросоюзом в подходах к проблемам ближневосточного региона. Это происходило и в их отношениях с Турцией: глава Белого дома воздержался от прочных личных контактов с Эрдоганом, как это происходило при Д. Трампе; Вашингтон и Брюссель продолжали критиковать многие аспекты внутренней политики турецкого лидера, особенно в том, что касалось нарушения прав человека и демократических свобод в стране. Байден, по сути, придерживался позиции Трампа в отношении «ракетного кризиса» (закупки Анкарой российских С-400), что было в основном поддержано европейским истеблишментом. Вашингтон и Брюссель равно критически оценивали военные операции Эрдогана против курдских формирований на территории Сирии. США и ЕС положительно отнеслись к посредническим усилиям Эрдогана в кризисе вокруг Украины и признавали значимую роль Турции в рамках Североатлантического альянса. В связи с Ираном Белый дом при Байдене не только декларировал своё намерение вернуть США в договор СВПД, но и предпринимал попытки выработать обновлённую консолидированную позицию Запада в подходе к Тегерану. Однако данный процесс не был завершён из-за, как подчёркивали тогда в Вашингтоне и Брюсселе, «завышенных» требований Тегерана и его в целом «неконструктивного подхода» к вопросу обновления СВПД[96].

[95] Tastekin F. How Erdogan's reelection will shift Turkey's foreign policy goals. Op. cit.
[96] Baydemir R. US Middle East policy: a comparison of the Trump and Biden eras.

2.3. Возвращение Д. Трампа: эволюция трансатлантизма

Второе президентство Трампа началось менее ярко и «революционно» в отношении Ближнего Востока, чем это происходило в его первую каденцию[97]. Однако, несмотря на то что главный фокус политики Белого дома был направлен на попытки прекращения боевых действий и достижение урегулирования между Россией и Украиной, основные конфликты на Ближнем Востоке оставались в сфере его внимания – в мае 2025 г. 47-й президент США посетил Эр-Рияд, Абу-Даби и Доху. Причём его подходы к конфликтам в этих двух географических зонах отличались подчёркнутой односторонностью – без привлечения партнёров по НАТО и Евросоюза. Так, в апреле 2025 г. Госдепартамент начал двусторонние переговоры с представителями Ирана, игнорируя настойчивые предложения Брюсселя присоединиться к данному дипломатическому процессу. Также в Вашингтоне не прореагировали на мягкую критику Брюсселем авиационных ударов США и Израиля по ядерным объектам в Иране в середине июня 2025 г. Заметны и расхождения между США и ЕС в отношении военной операции Израиля в секторе Газа – при том, что в обеих столицах призывают правительство Б. Нетаньяху к сдержанности и защите мирного населения на этой палестинской территории, Белый дом сохраняет политический акцент на праве Израиля на самооборону.

2.3.1. Авиаудары США и Израиля по Ирану: реакция Евросоюза

Развёрнутая Израилем 13 июня 2025 г. массированная авиационная и ракетная атака по ядерным объектам и военной инфраструктуре Ирана, к которой позднее присоединились тяжёлые бомбардировщики США, заметно изменила геополитическую ситуацию прежде всего в зоне Персидского залива. Ей

Proceeding book of 3rd International conference on trends in advanced research ICTAR 2025, 04–05 April 2025: Konya, Turkey. Ed. by All Sciences Academy. P. 57–66.

[97] В 2017 г., напомним, свой первый зарубежный визит Трамп совершил в Саудовскую Аравию, достигнув там договорённостей о продаже американских вооружений в гигантском объёме; анонсировал «Сделку века» между Израилем и Палестиной; перенёс американское посольство из Тель-Авива в Иерусалим; вышел из СВПД и резко ужесточил подход США к Ирану.

предшествовали аналогичные израильские операции меньшего масштаба против проиранских формирований – экстремистских организаций ХАМАС в секторе Газа и «Хезболла» в Ливане. Относительный успех в резком снижении боевого потенциала этих группировок позволил Израилю приступить к реализации тщательно готовившегося им на протяжении нескольких лет плана по уничтожению ядерных объектов Ирана. Момент удара по этой главной цели был выбран с учётом ряда международных факторов. Среди них: основательная вовлечённость России в боевые действия на территории Украины, что минимизировало шансы оказания ею ощутимой военной помощи Тегерану, и резолюция Совета управляющих МАГАТЭ от 12 июня, где сделан вывод, что «Иран не выполняет свои обязательства в рамках режима нераспространения ядерного оружия»[98]. Сочетание трёх факторов – существенный подрыв боеспособности ХАМАС и «Хезболлы», наносивших удары по Израилю с соседних с ним территорий, погружённость России в происходящее вокруг Украины и резолюция МАГАТЭ – открыло правительству Б. Нетаньяху «окно возможностей» для безотлагательного нанесения удара по ядерным объектам Ирана.

Отсутствие прогресса в едва возобновившихся после ударов переговорах между Вашингтоном и Тегераном, а также мощная волна протестов в иранских городах против экономических мер правительства, завершившаяся кровопролитием в январе – феврале 2026 г., – всё это послужило предлогом для администрации Д. Трампа мобилизовать мощный военный потенциал в Персидском заливе и в конечном счёте обрушить его на военные объекты в Иране.

Развернувшиеся масштабные боевые действия с ответными ударами Ирана по объектам Пентагона в ближневосточном регионе якобы оказались «неожиданными» для руководства ЕС. Как бы то ни было, но из Брюсселя последовали разные, порой противоречивые сигналы. Лидеры «Большой тройки» (Е3) – Э. Макрон, К. Стармер и Ф. Мерц – выступили 28 февраля с сов-

[98] МАГАТЭ: Иран не выполняет свои обязательства по нераспространению ядерного оружия // Новости ООН. 12.06.2025. URL: https://news.un.org/ru/story/ 2025/06/1465236 (дата обращения: 06.12.2025).

местным заявлением, не содержащим даже осторожной критики в адрес США и Израиля. Они а) призвали Иран отказаться от ядерной программы, свернуть программу производства баллистических ракет, покончить с дестабилизирующими действиями в регионе и на «их (этих стран – А.Ш.) территории», прекратить респрессии против собственных граждан; б) подтвердили своё неучастие в ударах по Ирану, но поддержание контактов с Израилем, США и партнёрами в регионе; в) строго осудили «неизбирательные» удары Ирана по соседним странам; г) призвали Тегеран к возобновлению переговорного процесса. Примечательна последняя фраза в этом заявлении: «В конечном счёте иранский народ должен сам определить своё будущее»[99].

Эту фразу можно, на наш взгляд, рассматривать как вариацию позиции У. фон дер Ляйен, широко интерпретированной в мировых СМИ как призыв к «смене режима» в Иране. Приведём её полностью: «Риск дальнейшей эскалации вполне реален. Вот почему так необходим *надёжный переходный период* в Иране», – написала глава Еврокомиссии на своей странице в сети *X*. Это, добавила она, будет соответствовать «демократическим устремлениям храброго народа Ирана»[100]. Примечательно, что на данном фоне воспринимается как весьма умеренная позиция К. Каллас, главы дипломатической службы ЕС, поскольку она выдержана в стиле традиционных призывов Брюсселя к сдержанности, соблюдению международного права и защите мирного населения[101].

Таким образом, можно сделать вывод, что позицию лидеров крупнейших стран Европы и руководства ЕС правомерно трак-

---

[99] E3 Joint Leaders' Statement on Iran by President Emmanuel Macron, Chancellor Friedrich Merz and Prime Minister Keir Starmer // Die Bundesregierung. 28.02. 2026. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/e3-joint-leaders-statement-on-iran-2409132 (дата обращения: 09.03.2026).

[100] Von der Leyen backs regime change in Iran, signaling EU policy shift // Saudi Gazette. 02.03. 2026. URL: https://saudigazette.com.sa/article/659348/world/von-der-leyen-backs-regime-change-in-iran-signaling-eu-policy-shift (дата обращения: 09.03.2026).

[101] Statement by the High Representative on behalf of the European Union on deve lopments in the Middle East // Council of the EU. Council of the EU. 01.03.2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/03/01/statement-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-developments-in-the-middle-east/ (дата обращения: 09.03.2026).

товать уже не как «мягкая критика» действий США и Израиля, как это было в июне 2025 г., а, скорее, как «осторожная солидарность» европейского истеблишмента с ними.

2.3.2. Позиция МАГАТЭ по иранской ядерной программе

12 июня в Вене завершила свою работа регулярная сессия Совета управляющих агентства (СУА), в компетенцию которого входят отслеживание и инспектирование процесса реализации ядерной программы Ирана. Участники сессии приняли резолюцию, которая была воспринята в Израиле и на Западе как инструмент легализации и «зелёный свет» для осуществления военной операции по уничтожению иранских ядерных объектов.

Это были не первые удары Израиля по ядерным объектам в ближневосточном регионе: ранее он уже проводил подобные операции в меньшем масштабе с целью уничтожения реакторов в Ираке и Сирии. Тогда, подчеркнём, данные действия не вызвали сколь-либо серьёзных последствий для Израиля в международном плане, поскольку руководство упомянутых арабских государств провозглашало своей целью ликвидацию еврейского государства, что давало формальные основания Израилю для оборонительных действий такого рода[102]. Разумеется, ситуация с ядерной программой Тегерана абсолютно иная, чем ранее с Дамаском и Багдадом, поскольку последние 10 лет она находилась под контролем МАГАТЭ. Однако и декларированная изначально цель уничтожения Израиля как государства остаётся в военно-политическом арсенале и официальной повестке высшего духовенства Исламской Республики Иран. Потому и реакция мирового сообщества на операцию Иерусалима и Вашингтона в июне 2025 г. оказалась достаточно умеренной.

Глава МАГАТЭ отчитался перед СУА, пояснив, что в течение последних месяцев он вёл интенсивные консультации с представителями Ирана и США, стремясь оказать поддержку начавшимся между ними в апреле 2025 г. двусторонним переговорам в столице султаната Оман. Целью дипломатического процесса было заявлено достижение взаимоприемлемого соглаше-

[102] Iraq again threatens Israel with annihilation // UPI Archives. 18.06.1990. URL: https://www.upi.com/Archives/1990/06/18/Iraq-again-threatens-Israel-with-annihilation/9972645681600/ (дата обращения: 12.08.2025).

ния, которое обеспечило бы мирный характер ядерной программы Тегерана. В целом квартальный доклад Р. Гросси содержал обновлённую оценку нерешённых вопросов в этой области. В частности, он пояснил, что эксперты его агентства обнаружили искусственно созданные частицы урана в каждом из трёх изначально незаявленных Тегераном объектов – в Варамине, Мариване и Туркузабаде. Со временем, а именно в 2019 и 2020 гг., эксперты МАГАТЭ добились доступа туда, и с тех пор пытались получить от Ирана разъяснения по поводу появления упомянутых частиц. В этой связи Гросси заявил: «К сожалению, Иран неоднократно либо не отвечал на наши запросы, либо давал технически недостоверные ответы. Он также пытался провести очистку этих объектов, что помешало агентству осуществлять дальнейшие проверки»[103]. По словам Гросси, на протяжении двух лет агентство не могло отслеживать процесс производства центрифуг, роторов и сильфонов, тяжёлой воды и концентрата урановой руды. Кроме того, в июне 2024 г. Иран удалил со своих ядерных объектов 27 камер и других мониторинговых устройств, с помощью которых эксперты МАГАТЭ могли наблюдать за происходившим на этих предприятиях[104].

Комплексная переоценка накопленной информации, проведённая экспертами в последние месяцы, даёт, по мнению руководства МАГАТЭ, основания для заключения, что вышеупомянутые три объекта, а также другие, вероятно, связанные с ними места, «были частью незаявленной ядерной программы, осуществлявшейся Ираном до начала 2000-х гг., и что в некоторых видах деятельности использовался незаявленный ядерный материал»[105].

Глава МАГАТЭ пояснил, что видел свою задачу в том, чтобы побудить Тегеран сделать шаги навстречу агентству и мировому сообществу, подтвердив свою готовность начать полное и

---

[103] МАГАТЭ ждёт от Ирана ответов на заданные вопросы // Новости ООН. 09.06.2025. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465071 (дата обращения: 10.12.2025).

[104] Глава МАГАТЭ: Иран выразил готовность сотрудничать по ядерной сделке // Новости ООН. 06.03.2023. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438327 (дата обращения: 14.07.2025).

[105] МАГАТЭ ждёт от Ирана ответов на заданные вопросы. Указ. соч.

действенное сотрудничество с ними. По его словам, «пока Иран не окажет содействие агентству в решении поставленных вопросов, МАГАТЭ не сможет подтвердить, что ядерная программа Ирана носит исключительно мирный характер. Я убеждён, что единственно возможный путь вперёд лежит через дипломатическое решение, подкреплённое механизмами проверки МАГАТЭ. Я буду и впредь призывать США и Иран проявлять мудрость и политическую смелость, чтобы добиться успешного завершения этого процесса. Стабилизация ситуации вокруг ядерной программы Ирана даст немедленный эффект и приблизит Ближний Восток на один большой шаг к миру и процветанию»[106].

После состоявшихся обсуждений 12 июня Р. Гросси заявил, что экспертам агентства не удалось установить, соответствует ли иранская ядерная программа критериям СВПД и носит ли она исключительно мирный характер. По данным МАГАТЭ, Иран накопил около 400 кг высокообогащённого урана. В заключение Гросси пояснил, что, «учитывая возможные последствия для режима нераспространения, агентство не может это игнорировать»[107]. В результате 12 июня 2025 г. СУА принял весьма критическую по отношению к властям Ирана резолюцию[108] при следующем раскладе голосов участников: 19 – за, 3 – против и 11 воздержавшихся.

Показательно также заявление СУА от 13 июня 2025 г. в связи с уже начатыми Израилем атаками на ядерные объекты Ирана. В нём подчёркивалась приверженность подписантов принятой накануне резолюции и делался акцент на содержащемся в ней призыве к Ирану не только прояснить поставленные перед ним МАГАТЭ вопросы, но и срочно вернуться за стол переговоров с США в Омане, чтобы решать проблему дипломатическим путём[109]. При этом в заявлении говорилось, что удары по

---

[106] Там же.

[107] МАГАТЭ: Иран не выполняет свои обязательства по нераспространению ядерного оружия. Указ. соч.

[108] IAEA Board Resolution: NPT safeguards agreement with the Islamic Republic of Iran // Iran Watch / Wisconsin Project on Nuclear Arms Control. URL: https://www.iranwatch.org/library/multilateral-organizations/international-atomic-energy-agency/iaea-boardresolution-npt-safeguards-agreement-islamic-republic-iran (дата обращения: 17.12.2025).

[109] После американских авиаударов по иранским объектам Тегеран приоста-

ядерным объектам могут привести к радиоактивным выбросам, несущим опасность как населению ближайших территорий, так и за пределами Ирана[110].

Таким образом, общая позиция и конкретные шаги участников СУА стали стимулом для последовавших действий со стороны Израиля и США. Важно подчеркнуть, что правительства ведущих стран Европы приняли резолюцию к сведению без критических замечаний.

2.3.3. Брюссель критикует Тегеран

Впрочем, сколь-либо жёсткого выражения неприятия европейскими правительствами действий США и Израиля в той ситуации вряд ли можно было ожидать. Официальная делегация ЕС при ООН и МАГАТЭ принимала активное участие в обсуждении доклада главы агентства, конечная версия которого полностью соответствовала её позиции[111]. Об этом свидетельствует заявление представителя делегации. Основные его положения следующие:

– приоритетная задача для ЕС в том, чтобы Иран не стал обладателем ядерного оружия;

– ЕС призывает все стороны решать связанные с ядерной программой Ирана проблемы посредством дипломатии;

– Евросоюз сожалеет, что Тегеран не предпринял достаточно усилий, чтобы вернуться к своим обязательствам по СВПД; риск ядерного распространения возрастает в результате иранской эскалации ядерных разработок;

– Иран существенно отклонился от своих обязательств по СВПД, увеличив производство высоко обогащённого урана, что не исключает возможности создания ядерного взрывного устройства; такие действия не могут быть оправданы задачами использования атома в мирных целях;

– на протяжении более четырёх лет агентство не в состоя-

новил своё участие в переговорах с США в Омане.

[110] Statement on the Situation in Iran // IAEA. 13.06.2025. URL: https://www.iaea.org/newscenter/statements/statement-on-the-situation-in-iran-13-june-2025 (дата обращения 12.10.2025).

[111] С позицией делегации ЕС также солидаризировались Албания, Босния и Герцеговина, Исландия, Лихтенштейн, Молдова, Черногория, Монако, Северная Македония, Сан-Марино, Норвегия и Украина.

нии проводить мониторинг на ядерных объектах Ирана из-за решения его властей демонтировать всё оборудование, установленное по условиям СВПД; в результате агентство не может быть уверено в мирном характере ядерной программы ИРИ;

– в этом контексте заявления, сделанные рядом бывших официальных лиц Ирана о том, что страна обладает всеми возможностями изготовить ядерное оружие, вызывают глубокую озабоченность намерениями руководства Исламской республики[112].

В заключение представитель группы Евросоюза призвал Тегеран вернуться на путь полного и безусловного взаимодействия с МАГАТЭ. Эта позиция европейцев была подтверждена в ходе встречи глав внешнеполитических ведомств Е3 (Франции, Великобритании и Германии) с их иранским коллегой Аббасом Арагчи. Министры иностранных дел Жан-Ноэль Барро (Франция), Дэвид Лэмми (Великобритания), Йохан Вадефул (Германия), глава внешнеполитического ведомства Европейского союза Кая Каллас призвали Иран вернуться к переговорному процессу с участием Европы. Арагчи заявил о готовности сделать это после завершения «израильской агрессии», выразив также «глубокую озабоченность» тем, что европейцы не смогли осудить действия Израиля[113].

Суть же европейского видения цели переговоров изложил французский президент Э. Макрон. По его словам, Тегеран должен: возобновить доступ инспекторов МАГАТЭ ко всей инфраструктуре этого профиля для перехода к нулевому обогащению ядерного урана; согласиться с ограничениями в производстве баллистических ракет, а также прекратить финансирование террористических групп, которые дестабилизируют регион[114].

---

[112] EU Statement at the IAEA Board of Governors on the Verification and Monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council resolution 2231 (2015) // EEAS. 11.06.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/vienna-internationalorganisations/eu-statement-iaea-board-governors-verification-and-monitoring-islamic-republic-iranlight-united-6_en (дата обращения: 25.12.2025).

[113] Iran, EU officials hold talks at «perilous» moment for Tehran and Tel Aviv // Aljazeera. 20.06.2025. URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/6/20/iran-europe-set-for-first-talkssince-israel-launched-attacks-on-tehran (дата обращения: 04.09.2025).

[114] Macron lays out broad European offer for Iran to end war with Israel // The Guardian. 20.06.2025. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/jun/20/macron-

Экспертам и политикам, прямо или косвенно вовлечённым в «иранское ядерное досье», понятно, что такая позиция Макрона и, судя по всему, лидеров стран Е3 отличается жёсткостью. Формулировка «нулевое обогащение ядерного урана» по факту противоречит положениям СВПД 2015 г., где уровень обогащения был ограничен 3,67%, что считалось допустимым для использования урана в мирных целях. Означает ли это, что теперь в ведущих столицах ЕС и этот уровень признаётся «чрезмерным»? Как бы то ни было, но доклады МАГАТЭ за 2025 г. фиксировали уровень в 60% и выше, что заметно обеспокоило европейских политиков.

Предложения французского президента как минимум игнорировали, а фактически отвергали имевшиеся компромиссные варианты контроля над процессом обогащения урана в ИРИ, в частности, идею создания т.н. «Ближневосточного консорциума», куда бы помимо Ирана вошли Саудовская Аравия и ОАЭ. Эти арабские монархии на правах базовых акционеров могли бы направлять своих экспертов на соответствующие иранские объекты, что создавало бы дополнительный механизм контроля наряду с инспекциями МАГАТЭ. Подчеркнём, что в мае 2025 г. Тегеран послал сигналы США и Е3 о своей готовности внимательно рассмотреть данное предложение, изначально изложенное в совместной статье бывшего представителя Ирана на переговорах С. Х. Мусавияна и научного сотрудника Принстонского университета Франка фон Хиппеля, опубликованной в октябрьском номере *Bulletin of the Atomic Scientists* за 2023 г.[115] В течение месяца, предшествовавшего началу израильских бомбардировок, иранский МИД в контактах с руководством соседних монархий зондировал возможность принятия данного предложения и его обсуждения в ходе переговоров с США в Омане, но этот процесс был прерван атаками Израиля, с одной стороны, и под влиянием тегеранских «ястребов», с другой. Дело в том, что последние рассматривают идею консорциума как уступку Ира-

---

lays-out-broad-offerfor-iran-to-end-war-with-israel (дата обращения: 27.10.2025).

[115] Iran proposes partnership with UAE and Saudi Arabia to enrich uranium // The Guardian. 13.05.2025. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/may/13/iran-proposes-partnershipwith-uae-and-saudi-arabia-to-enrich-uranium (дата обращения: 05.12.2025).

на под внешним давлением, в то время как их оппоненты в Тегеране видят в нём возможность придать форму ограниченного участия (скорее, его видимости) арабских монархий в иранских ядерных проектах. И в случае её реализации сбить накал опасений и неприятия в арабском мире процесса обогащения урана выше оговоренного в 2015 г. уровня.

Примечательно, что в своей общей оценке кризиса, вызванного противоборством между Израилем и Ираном (подтверждение права Израиля на самооборону, исключение возможности обладания Ираном ядерным оружием, предупреждение о недопустимости ударов Ирана по «интересам Запада» в регионе и т.д.), лидеры стран Е3 выразили если не единство, то близость своих взглядов на происходившее вокруг ИРИ в июне – июле 2025 г. При этом сохранялись различия в их оценке военных действий Израиля в секторе Газа на тот момент. Наибольшую последовательность проявлял канцлер ФРГ Ф. Мерц, который однозначно и безоговорочно поддержал израильские атаки по объектам в Иране словами, что «Израиль делает за нас всю грязную работу», а в отношении происходящего в Газе он не только отказался критиковать Израиль, но и прекратил финансирование Агентства ООН для помощи палестинским беженцам (БАПОР). В Британии после прихода в 2024 г. к власти лейбористов, наоборот, наблюдалось усиление критики в адрес Израиля: в частности, 10 июня 2025 г. правительство К. Стармера присоединилось к санкциям против двух израильских министров, обвинявшихся рядом стран Британского содружества и Норвегией в «подстрекательстве против палестинцев в Газе»[116]. А президент Франции Э. Макрон пошёл ещё дальше: весной 2025 г. он заявил о возможности признания Парижем независимого палестинского государства и осуществил это в ходе юбилейной сессии Генассамблеи ООН в сентябре того же года[117].

Проявившееся единство в подходе к проблеме ядерной про-

[116] Can divided European powers help end Israel's war on Iran? // Al Jazeera. 21.06.2025. URL: https://www.aljazeera.com/features/2025/6/21/can-divided-european-powers-help-end-israels-war-on (дата обращения: 03.10.2025).

[117] Шумилин А.И. Евросоюз и проблема признания «палестинского государства» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 5. С. 7–19. DOI: 10.15211/vestnikieran52025719

граммы Ирана означает одно: европейские лидеры практически согласились спустя семь лет после выхода США из СВПД с позицией Д. Трампа, по сути, поддержав его действия и в июне 2025 г. Более того, некоторые авторитетные эксперты, как, например, Элли Геранмайе из ЕСМД в Лондоне, считают, что позиция европейцев в отношении происходящего вокруг иранской проблемы стала даже «более требовательной и жёсткой», чем у Д. Трампа. «За 20 лет переговоров Европа использовала свой дипломатический опыт, чтобы найти нестандартные решения и пути обхода крайних позиций Америки и Ирана. Было бы ошибкой для Европы отказаться играть эту роль сегодня – перед лицом ослабления Ирана. Тем более ошибочно выдвигать Тегерану даже более жёсткие требования, чем позиция, занятая администрацией Трампа. К тому же Иран их никогда не примет», – считает упомянутый британский эксперт[118].

Подобная оценка, на наш взгляд, преобладает в экспертном сообществе Брюсселя и Лондона. Это свидетельствует как минимум о том, что, во-первых, европейцы разочарованы действиями руководства Ирана в ядерной области и, во-вторых, они глубже, чем раньше, осознали остроту и масштаб угроз, которые потенциально исходят от этого государства как для ближневосточного региона, так и для европейского континента. Не стоило удивляться тому, что именно европейские участники иранской ядерной сделки – Британия, Германия и Франция – инициировали 26 сентября 2025 г. запуск механизма восстановления санкций против Ирана. В тот день СБ ООН заблокировал резолюцию России и Китая[119], в которой содержалось предложение на полгода продлить истекавший в октябре 2025 г. срок СВПД. В случае принятия эта резолюция могла бы предотвратить возвращение ранее приостановленных международных санкций[120]. Ещё 28 августа 2025 г. (в соответствии с прописанной

[118] Macron lays out broad European offer for Iran to end war with Israel // The Guardian. 20.06.2025. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/jun/20/macron-lays-out-broad-offerfor-iran-to-end-war-with-israel (дата обращения: 12.12.2025).
[119] UN Security Council blocks China-Russia resolution on Iran sanctions // UN. 26.09.2025. URL: https://news.un.org/en/story/2025/09/1165974 (дата обращения: 12.12.2025).
[120] Вернуть санкции ООН против Тегерана можно было автоматически с по-

в СВПД процедурой) Е3 подала в СБ ООН жалобу о «существенном неисполнении обязательств» другим участником, т.е. Ираном. Ссылаясь на оценки МАГАТЭ, они привели список признаков того, что Иран свои обязательства не выполняет[121].

Тенденция на ужесточение подхода Евросоюза к Ирану была подтверждена и решением Брюсселя внести в свой перечень террористических организаций Корпус стражей исламской революции. Об этом 29 января 2026 г. заявила глава европейской дипломатии К. Каллас[122]. По её словам, этот шаг ЕС продиктован причастностью КСИР к массовым убийствам мирных граждан в ходе беспорядков в иранских городах в январе 2026 г. В ответ парламент Ирана признал все вооружённые силы стран Евросоюза «террористическими организациями»[123].

2.3.4. ЕС – США – Иран: между «жёсткой» и «мягкой» силой

Выход Белого дома из СВПД в 2018 г. вызвал острую критику со стороны прежде всего политиков стран Евросоюза, которые настаивали на положительной оценке этого договора с Ираном и его эффективности. Опросы общественного мнения в самих США тогда показывали приблизительное равновесие сторонников и противников этого шага 45-го президента. Поэтому Белый дом действовал с оглядкой на критиков внутри и за пределами Соединённых Штатов. Так, в своей речи в октябре 2017 г., посвящённой политике Вашингтона в отношении Ирана, Д.

мощью механизма *snapback* (англ. «бросок назад», «возврат»), прописанного в СВПД, действие которого рассчитано на 10 лет. Предполагалось, что если за это время СБ ООН не восстановит какие-либо рестрикции против Ирана, вводившиеся ещё до подписания СВПД, то 18 октября 2025 г. все международные ограничения в отношении Исламской Республики могут быть окончательно отменены.

[121] Iran sanctions snapback: Council reimposes restrictive measures // Council of the EU. 29.09.2025. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/09/29/iran-sanctions-snapback-council-reimposes-restrictive-measures/ (дата обращения: 12.12. 2025).

[122] Krupa J. EU designates Iran's revolutionary guard as terrorist organization – as it happened // The Guardian. 29.01.2026. URL: https://www.theguardian.com/world/live/2026/jan/29/denmark-us-greenland-ukraine-russia-germany-friedrich-merz-poland-europe-latest-news (дата обращения: 30.01.2026).

[123] Иран признал вооружённые силы стран ЕС террористическими организациями // РБК. 01.02.2026. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/697f14869a7947fbbf5c8da9 (дата обращения: 02.02.2026).

Трамп подробно остановился на перечислении недостатков СВПД, призвав конгресс и союзников США осознать высокую степень угрозы, исходящей от Тегерана[124]. Основные направления американской политики в этом вопросе он обозначил следующим образом:

– объединить усилия с союзниками и партнёрами, чтобы противодействовать поддержке руководством Ирана террористических группировок в регионе;

– наложить на эту страну санкции в наказание за содействие терроризму, чтобы приостановить поток финансовых средств режиму аятолл по условиям СВПД;

– воспрепятствовать развитию иранской программы создания баллистических ракет, угрожающих соседям и свободе судоходства в Персидском заливе;

– полностью перекрыть иранскому режиму все пути доступа к ядерному оружию[125].

Важно подчеркнуть, что 12 января 2018 г. Трамп напрямую обратился к западноевропейским союзникам с ультиматумом в течение 120 дней исправить «недостатки» СВПД[126]. Ряд заявленных «недостатков», с которыми, заметим, в целом согласились уже тогда и некоторые западноевропейские политики[127], Трамп представил своим согражданам как сохранение «угроз национальной безопасности США» со стороны Ирана. В этом контексте 8 мая 2018 г. Белый дом обнародовал решение президента о выходе США из соглашения. Тогда Трамп назвал СВПД «одной из худших и предельно односторонних договорённостей, в которых когда-либо участвовали США». Эти договорённости, за-

[124] President Trump Announces Iran Strategy // The White House. 13.10.2017. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-announces-iran-strategy/ (дата обращения: 08.10.2025).

[125] Ibid.

[126] Landler M. Trump's demand to rewrite Iran deal tests a weakened diplomatic corps // The New York Times. 12.01.2018. URL: https://www.nytimes.com/2018/01/12/world/middleeast/trump-stops-short-of-reimposing-iran-sanctions-but-sets-deadline-to-overhaul-deal.html (дата обращения: 06.12.2025).

[127] Трамп был готов обсуждать предложения Макрона подписать с Ираном дополнительное соглашение, устраняющее все «пробелы» СВПД. См. подробнее: Davenport K. The P5+1 and Iran Nuclear Deal Alert // Arms Control Association. 25.04.2018. URL: https://www.armscontrol.org/blog/2018-04-25/p51-iran-nuclear-dealalert-april-25-2018 (дата обращения: 15.11.2025).

явил президент, обеспечивают иранских фундаменталистов финансовыми средствами, которые те направляют на поддержку террористических группировок и проведение экспансионистской политики в регионе. «Расставание США с СВПД, – пояснил Трамп, – станет фактором давления на режим аятолл, вынудит его умерить враждебную деятельность, а также покончит с ситуацией, когда опасные действия Ирана, по сути, вознаграждались другими участниками международной договорённости»[128].

Удары тяжёлыми бомбардировщиками по ядерным объектам в Иране в июне 2025 г. Д. Трамп наносил при качественно иных международно-политических условиях. Повторим их: Россия, сосредоточенная на происходившем вокруг Украины, отвлеклась от ситуации в Персидском заливе. Политический класс Европы осознал угрозу для себя со стороны Ирана (воспринимаемую уже в контексте партнёрства Москвы и Тегерана в отношении Киева). В апреле 2025 г. начаты двусторонние переговоры Вашингтона с Тегераном. При этом 47-й президент США действовал во многом вопреки настроениям по этому вопросу внутри его страны. Исследования общественного мнения показывали, что преобладает негативное отношение сограждан к самой возможности американского вмешательства в противоборство Израиля с Ираном; уже нанесённые удары вызвали аналогичную их реакцию[129]. Так, 85% опрошенных по всей стране высказались против того, чтобы Соединённые Штаты находились в состоянии войны с Ираном, в то время как согласно опросу *YouGov*, проведённому после бомбардировки, к этому готовы только 5%[130].

Тот же опрос показал, что значительно больше людей не одобряют авиаудары Трампа по сравнению с теми, кто одобря-

---

[128] President Donald J. Trump is ending United States participation in an Unacceptable Iran deal // The White House. 08.05.2018. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-ending-united-states-participation-unacceptable-iran-deal/ (дата обращения: 14.10.2025).

[129] Polls: Americans don't support Trump's war on Iran // Responsible Statecraft. 30.06.2025. URL: https://responsiblestatecraft.org/iran-war-2672495957/ (дата обращения: 25.11.2025).

[130] Do you want the U.S. to be at war with Iran? // YouGov. 23.06.2025. URL: https://today.yougov.com/topics/international/survey-results/daily/2025/06/23/530e0/3 (дата обращения: 25.11.2025).

ет. Опрос *Reuters/Ipsos* продемонстрировал такой же разрыв между теми, кто выступает против бомбардировок (45%), и теми, кто их поддерживает (36%)[131]. Опрос *CNN* выявил ещё большую разницу в 12% между теми, кто выступает против (56%) и теми, кто одобряет[132]. Столь же большой разрыв проявился между теми, кто считает, что удары по Ирану только повысят уровень угроз для США, и теми, кто полагает, что они сделают страну безопаснее.

На фоне дебатов по поводу нападения на Иран расхождения обнаружились и среди республиканцев. Почти $^{2}/_{3}$ избирателей Трампа хотели, чтобы правительство США «вступило в переговоры с Ираном по поводу его ядерной программы». Согласно опросу, проведённому Мэрилендским университетом, только 24% республиканцев, опрошенных до нанесения ударов США по Ирану, высказались за использование военной силы для уничтожения иранской ядерной программы. По-видимому, с учётом такого расклада в самой партии Трампа Белый дом и приступил к переговорам с Тегераном в Омане в апреле 2025 г. В целом же обозначенным настроем общественного мнения можно объяснить относительно ограниченное и скоротечное участие США в проводившейся Израилем мощной и масштабной кампании по уничтожению ядерных объектов в Иране.

Реакция же руководства стран Евросоюза и Великобритании на удары Израиля и США по ядерным объектам Иране в июне 2025 г. оказалась достаточно умеренной. Подчёркивая своё неучастие в конфликте, они тем не менее обозначили позицию в поддержку Вашингтона и Иерусалима. Столь разительное отличие от их реакции на выход США из СВПД в 2018 г. можно объяснить следующими факторами. *Первый* – осознание приближения к границам Европы угрозы со стороны Ирана в виде атак баллистическими ракетами. *Второй* – проявление фактически

[131] Exclusive: Americans worry conflict with Iran could escalate, Reuters/Ipsos poll finds // Reuters. 24.06.2025. URL: https://www.reuters.com/world/us/americans-worry-conflict-with-irancould-escalate-reutersipsos-poll-finds-2025-06-23/ (дата обращения: 25.11.2025).

[132] A majority of Americans disapproves of Trump's Iran airstrikes, CNN poll finds // CNN. 24.06.2025. URL: https://edition.cnn.com/2025/06/24/politics/trump-iran-strikes-poll-cnnssrs (дата обращения: 25.11.2025).

полного согласия с пунктами критики Трампом СВПД в 2018 г., что положено в основу позиции Брюсселя и Лондона по «ядерному досье Ирана» в 2025 г. *Третий* – резкая критика попыток Тегерана уйти из-под контроля МАГАТЭ после 2019 г., полная и безоговорочная поддержка последнего отчёта главы агентства. *Четвёртый* – негативный для стран Запада эффект партнёрства Ирана с Россией против Украины. Наконец, *пятый* – стремление снять напряжение и укрепить отношения ЕС и Великобритании с Соединёнными Штатами в рамках НАТО в контексте продолжения боевых действий между Россией и Украиной.

Вместе с тем европейские элиты не намерены отказываться от своей традиционной политики на Ближнем Востоке, исходящей из приоритета ставки на дипломатию. На фоне всё большего упора Вашингтона при нынешней администрации на «жёсткую» силу в подходе к Ближнему Востоку, Брюссель, солидаризируясь с ним политически, всё же сохраняет неизменным механизм «мягкой» силы в своей ближневосточной политике. Это позволяет европейцам оставаться некоей альтернативой для арабских стран и в перспективе Ирана перед лицом США. Что же касается Тегерана, то на протяжении последних месяцев он имел дело с фактически единой позицией трансатлантистов в отношении его ядерной программы.

2.3.5. ЕС и проблема «независимого палестинского государства»

Сближение Брюсселя с Вашингтоном по иранской проблеме, отказ Евросоюза от жёсткой критики авиаударов США и Израиля в июне 2025 г. по ядерным объектам в Иране объективно создали предпосылки для утверждения Соединённых Штатов как главного внешнего фактора, оказывавшего наибольшее, если не решающее, влияние на положение дел в Ближневосточном регионе. Роль ЕС и тех его отдельных членов, которые там традиционно активны, воспринималась как вторичная по сравнению с США. Острее других членов Евросоюза отреагировал на сложившееся положение Париж: президент Э. Макрон, считающий ближневосточную проблематику не только вызовом, но и одним из важнейших приоритетов внешней политики своей страны, подтвердил амбиции части французского истеблишмен-

та «усилить голос Франции и Европы» в данном регионе. В июле 2025 г. он инициировал впечатляющую волну признания рядом европейских правительств «независимого палестинского государства» на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Сам он с трибуны Генассамблеи ООН 23 сентября 2025 г. заявил о поддержке Францией «суверенитета и независимости Палестины». То же самое сделали правительства Великобритании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и ряда малых государств ЕС. Демарш Макрона, поддержанный мусульманскими странами и большинством членов ООН, выглядел как вызов политике США и Израиля. По сути, он и был таковым в контексте происходившего на площадке ООН. Вопрос, однако, в другом: означали ли действия Парижа и Лондона их отход от традиционно скоординированной и вполне устойчивой политики Запада в поддержку права Израиля на существование и самооборону? Рассмотрим ряд факторов, побудивших французского президента совершить этот политический кульбит.

Из всех стран «Большой семёрки» Франция на протяжении последних трёх десятилетий в наибольшей степени склонялась к признанию политического проекта под названием «независимое палестинское государство». Исторически данный проект, международно-правовое основание которого было заложено резолюциями Генеральной ассамблеи ООН № 181 от 1947 г. о разделе подмандатной Британии территории Палестины на два государства – еврейское и арабское (отвергнута большинством арабских государств, начавших войну против Израиля в 1948 г) и № 242 СБ ООН от 1967 г. о выводе израильских войск с оккупированных территорий, незыблемости границ всех государств и недопустимости призывов к применению военной силы (также поначалу отвергнута Лигой арабских государств на саммите в Хартуме в августе 1967 г.), остаётся до сих пор символом и целью урегулирования арабо-еврейского, а затем и палестино-израильского конфликта[133]. Однако согласованные с Израилем

[133] Уместно пояснить, что все реализовавшиеся проекты по решению «палестинского вопроса», начиная с Кэмп-Дэвидских соглашений 1979–1980 гг., основывались на этих двух резолюциях. Процесс урегулирования долгие годы упирался в две проблемы: а) принуждение Организации освобождения Палестины (ООП) к отказу от цели уничтожения Израиля, что, как считается, про-

попытки создать минимально необходимые условия для формирования арабско-палестинской государственности на земле (Договорённости в Осло в 1994 г. о создании автономии на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, вывод израильских войск и передача сектора под контроль властей автономии в 2005 г.) подтвердили сложность воплощения в жизнь «независимого палестинского государства», поскольку к власти в Газе пришла экстремистская группировка ХАМАС, декларировавшая вооружённую борьбу с Израилем. А проведённая ею 7 октября 2023 г. террористическая атака против мирного населения Израиля подвигла подавляющее число израильтян надолго отказаться от данного проекта и сосредоточить усилия на *дерадикализации* палестинских структур на территории автономии.

В первую очередь правительство Нетаньяху провозгласило целью не только отстранить группировку ХАМАС от управления в палестинском анклаве, но и полностью её ликвидировать. Эту позицию разделяли администрации США (Дж. Байдена и Д. Трампа). Однако под воздействием левацких настроений части населения европейских стран, подогреваемых там мусульманскими сообществами, правительства ряда членов ЕС и пришедшие к власти в Великобритании в 2024 г. лейбористы заявили о необходимости возродить палестинский проект «окончательного урегулирования», по сути, минуя стадии достижения соответствующих договорённостей между непосредственными участниками конфликта – израильтянами и палестинцами. С их точки зрения, «трагедия 7 октября» якобы как раз и стала следствием его забвения мировым сообществом. Реализация проекта «палестинского государства» объективно «изолирует ХАМАС», заявил Э. Макрон[134]. А глава МИД Франции Ж.-Н. Барро уточнил, что в сложившихся после «7 октября» условиях идея «неза-

---

изошло в 1988 г.; б) согласованию формы реализации национальной государственности палестинских арабов – от переходной «автономии» (достигнутой в Осло в 1994 г.) к «независимому палестинскому государству», границы которого должны быть определены в рамках мирного соглашения между израильтянами и палестинцами при авторитетном международном посредничестве.

[134] Macron says recognizing Palestine is the «best way to isolate Hamas» // FRANCE 24. 19.09.2025. URL: https://www.france24.com/en/france/20250919-macron-says-recognising-palestine-is-the-best-way-to-isolate-hamas (дата обращения: 12.10.2025).

висимости арабской Палестины оказалась под сильной угрозой и/или была крайне необходима»[135]. Тем самым он признал, что террористическая атака ХАМАС предельно скомпрометировала данную идею, которую, по его мнению, пора возродить.

Вопрос о том, следует ли полноценно признавать арабскую часть Палестины как государство, вставал перед каждым французским президентом с 1988 г., когда тогдашний палестинский лидер Ясир Арафат провозгласил «создание палестинского государства», как предполагалось, рядом с Израилем[136]. За этим последовала первая волна международной поддержки его инициативы. Франсуа Миттеран, Жак Ширак и Николя Саркози последовательно заявляли о намерении признать «независимое палестинское государство рядом с Израилем*», но в отдалённой перспективе*, полагая, что этим должен завершиться длительный процесс примирения и переговоров между конфликтующими сторонами. Президент Франсуа Олланд пообещал сделать это перед своим избранием в 2012 г., но воздерживался от столь радикального шага на протяжении своего 5-летнего срока. Однако его преемник Э. Макрон вернулся к данному вопросу уже в феврале 2024 г. (спустя четыре месяца после трагедии «7 октября»).

В апреле 2024 г. Макрон заявил уже о намерении его правительства совершить практические шаги по признанию «палестинского государства». Совершенно очевидно, что оно «подогревалось» и навязывалось французской «улицей», где, как и в большинстве крупных европейских городов, происходили массовые демонстрации против боевых действий Израиля в секторе Газа. На этой волне протестов в конце мая 2024 г. провозгла-

---

[135] France and Saudi Arabia to lead UN push for two-state solution // FRANCE 24. 28.07.2025. URL: https://www.france24.com/en/middle-east/20250728-un-two-state-solution-israel-palestinians-france-saudi (дата обращения: 12.10.2025).

[136] Поскольку в тексте «Палестинской декларации о независимости» (15 ноября 1988 г.) содержатся ссылки на резолюции ООН № 181 (1947 г.) и № 242 (1967 г.), то на международной арене преобладает трактовка этого документа как косвенное признание со стороны ООП государства Израиль и её готовности к урегулированию проблемы на основе двух государств. Однако явного и однозначного подтверждения такой позиции в данном документе нет. См.: Декларация независимости [Палестины]. 15 ноября 1988 г. [приложение к письму Постоянного представителя Иордании при ООН на имя Генерального секретаря] // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/b/deklaratsiia-nezavisimosti-c02a45 (дата обращения: 14.11.2025).

шённое Арафатом в 1988 г. «независимое палестинское государство» признали Испания, Ирландия и Норвегия. Израиль жёстко реагировал на каждый подобный шаг европейцев главным образом путём отзыва своих послов в этих странах. Израильские политики называли их действия «поощрением террора и вознаграждением ХАМАС». Ещё до «7 октября» из числа стран Евросоюза аналогичные шаги предприняли правительства Швеции, Кипра, Венгрии, Чехии, Польши, Словакии, Румынии и Болгарии[137]. Всего же на тот момент проект «палестинского государства» в его конечном виде (до которого было и остаётся ещё далеко) оказался признанным 146 из 193 членов ООН.

Франция, напомним, готовилась стать первой страной, нарушившей табу «Большой семёрки» в отношении данного вопроса. По мнению Макрона, этот шаг не мог выглядеть столь же рутинным дипломатическим действием, как в случае с признанием «палестинской независимости» другими европейскими государствами. Как минимум он должен быть убедительно обоснован и политически сбалансирован, поскольку Париж стремился снизить накал критики со стороны Израиля, заверяя последний в своей неизменной поддержке, с одной стороны, и одновременно укрепить свои позиции в арабских странах, с другой. Первым делом Э. Макрон обратился к правительству Саудовской Аравии с призывом объединить дипломатические усилия двух стран в данном направлении. В конечном счёте Париж и Эр-Рияд договорились провести международную конференцию в июле 2025 г. в Нью-Йорке накануне сентябрьской сессии ООН. Таким образом, уже заранее анонсированное Макроном признание независимости Палестины было обставлено как результат работы международного форума, а не просто как инициатива его правительства.

Другой новацией французского президента стала сама концепция конференции, которая сводилась к трём «призывам/направлениям» международных усилий: 1) реформирование Палестинской автономии; 2) разоружение ХАМАС и его полное

[137] Spain, Ireland and Norway recognise Palestinian statehood // Reuters. 29.05. 2024. URL: https://www.reuters.com/world/spain-ireland-norway-set-recognise-palestinian-statehood-2024-05-28/ (дата обращения: 14.10.2025).

исключение из общественно-политической жизни автономии[138]; 3) нормализация отношений между Израилем и теми арабскими странами, которые пока воздерживаются от неё. Казусом стал тот факт, что соорганизатор конференции в Нью-Йорке – Саудовская Аравия – по-прежнему не проявляла в тот момент готовности к установлению дипломатических отношений с Израилем, хотя уже достаточно давно (со времени первого президентства Д. Трампа) взаимодействовала с ним в самых разных областях, включая военную.

Впрочем, пояснил Ж-Н. Барро, никаких новых «актов нормализации» с Израилем в ходе конференции изначально не ожидалось. Прорывом, по его мнению, должен был стать тот факт, что «впервые арабские страны осудят ХАМАС и призовут к его разоружению»[139]. При этом Париж рассчитывал, что на сессии Генеральной ассамблеи к нему примкнут и некоторые другие государства Евросоюза, а также Великобритания, возглавляемая с 2024 г. лейбористами. Это также страна из числа «Большой семёрки», что должно было ослабить предсказуемый негативный эффект «фрондёрства» Франции применительно к палестино-израильским делам в этом сообществе крупнейших западных демократий.

Тщательно подготовленный международный форум прошёл в Нью-Йорке 28–30 июля 2025 г. на базе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 79/81 от 3 декабря 2024 г. Этот документ утвердил название форума – «Международная конференция высокого уровня по мирному урегулированию вопроса о Палестине и реализации решения, предусматривающего сосуществование двух государств»[140]. На конференции выступили более 120

[138] Так Макрон пояснил, что установление дипотношений Франции с «государством Палестина» может произойти только после того, как ХАМАС освободит всех израильских заложников. См.: De La Feld S. France and four other EU countries ready, states that recognize Palestine almost 160 // EU News. 22.09.2025. URL: https://www.eunews.it/en/2025/09/22/france-and-four-other-eu-countries-ready-states-that-recognise-palestine-almost-160/ (дата обращения: 15.10.2025).

[139] France and Saudi Arabia to lead UN push for two-state solution // FRANCE 24. 28.07.2025. URL: https://www.france24.com/en/middle-east/20250728-un-two-state-solution-israel-palestinians-france-saudi (дата обращения 22.10.2025).

[140] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 3 декабря 2024 г. (79/81). Мирное урегулирование вопроса о Палестине // ООН. Генеральная Ассамблея. 10.12.2024. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/79/81 (дата обращения: 22.10.2025).

человек, представлявших около 15 стран и международных организаций. Они освещали различные аспекты проблемы, но с акцентом на необходимости выполнения резолюции № 181 от 1947 г. и с выражением озабоченности в связи с продолжавшимися боевыми действиями в секторе Газа. С принятием «Нью-Йоркской декларации» 30 июля 2025 г. работа конференции была приостановлена для последующего её возобновления уже в ходе 80-й сессии Генассамблеи 22 сентября 2025 г.

Накануне обозначенной даты, а именно 12 сентября 2025 г., Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, одобрившую «Нью-Йоркскую декларацию о мирном урегулировании палестинского вопроса и реализации принципа двух государств»[141]. В её поддержку высказались 142 страны, против – 10, включая США и Израиль, ещё 12 воздержались. Документ был представлен как «конкретная, необратимая и ограниченная по срокам дорожная карта», нацеленная на закрепление решения о создании двух государств – Израиля и Палестины. Семистраничный текст призывал к немедленному прекращению огня в секторе Газа, освобождению всех заложников и передаче контроля над территорией руководству Палестинской администрации при международной поддержке. В нём прямо указано, что ХАМАС должен отказаться от власти в Газе и передать оружие официальным палестинским властям. Декларация осудила все нападения на мирное население – как действия ХАМАС 7 октября 2025 г., так и израильские бомбардировки и блокаду Газы, приведшие к гуманитарной катастрофе. Участники подчеркнули, что единственный путь к урегулированию – политический: создание независимого, суверенного, экономически жизнеспособного и демократического палестинского государства, сосуществующего бок о бок с Израилем.

Документ требовал от Израиля публично подтвердить приверженность принципу двух государства, прекратить всю поселенческую активность, отказаться от захвата земель и аннексии

[141] New York Declaration on the Peaceful Settlement of the Question of Palestine and the Implementation of the Two-State Solution // UN. 06.08.2025. URL: https://www.un.org/unispal/document/annex-new-york-declaration-06aug25/ (дата обращения: 22.10.2025).

палестинских территорий, включая Восточный Иерусалим. В тексте содержатся призывы к прекращению насилия со стороны поселенцев и меры против экстремистов, находящихся в незаконных поселениях. Первым шагом обозначено прекращение огня, за которым должно последовать формирование переходного административного комитета в Газе под эгидой Палестинской национальной администрации (ПНА), которая на тот момент обладала ограниченными полномочиями на Западном берегу со столицей в городе Рамалла. В декларации предусматривалось развёртывание временной международной стабилизационной миссии, санкционированной Советом Безопасности ООН, с участием контингентов нескольких государств. Особое внимание уделено восстановлению сектора Газа, укреплению палестинских государственных институтов, подготовке свободных выборов и постепенной интеграции Палестины в международные финансовые структуры. В тексте также подчёркнуто, что израильско-палестинское урегулирование остаётся ключом к региональной стабильности, нормализации отношений арабских стран с Израилем и созданию коллективной системы безопасности на Ближнем Востоке. Резолюция получила поддержку всех стран Персидского залива. Против проголосовали США, Израиль, Аргентина, Венгрия, Микронезия, Науру, Палау, Папуа – Новая Гвинея, Парагвай и Тонга[142].

На этом фоне американский дипломат Морган Ортагус заявила, обращаясь к участникам Генеральной ассамблеи: «Не заблуждайтесь, эта резолюция – подарок для ХАМАС. Вместо того чтобы способствовать миру, конференция продлила войну, придала смелости террористам и навредила перспективам мира как в краткосрочном плане, так и долгосрочно»[143]. Вашингтон квалифицировал голосование как «очередной ошибочный и несвоевременный публичный трюк». МИД Израиля констатиро-

[142] Израиль и Палестина: Генассамблея ООН одобрила «Нью-Йоркскую декларацию» о решении на основе двух государств // ООН. 12.09.2025. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466382 (дата обращения: 22.10.2025).

[143] UN assembly votes overwhelmingly to back two-state solution to Israel-Palestinian conflict // AP. 13.09.2025. URL: https://apnews.com/article/un-assembly-israel-palestinians-two-state-solution-6afa02f5fb4fc8823ac0a6b74d69e2d4 (дата обращения: 22.10.2025).

вал, что в документе «нет упоминания о том, что ХАМАС является террористической организацией», а Генассамблею окрестил «политическим цирком, оторванным от реальности». Постпред Израиля в ООН заявил: «Единственный бенефициар резолюции – это ХАМАС… Когда террористы ликуют, вы не способствуете миру, вы содействуете террору»[144].

Завершение конференции 22 сентября 2025 г. было отмечено признанием «независимого государства Палестина» 10 главами государств и правительств. Первым выступил председательствовавший президент Франции Э. Макрон, заявив, что данное признание – это «способ подтвердить, что палестинский народ – не лишний»[145]. Более того, признание законных прав палестинского народа «ничем не умаляет прав народа Израиля, который Франция поддерживала с самого начала», – пояснил он. Хотя «некоторые могут сказать, что уже слишком поздно, другие – что слишком рано» для признания, подчеркнул он, но «мы (кто, собственно, «мы» Макрон не уточнил – А.Ш.) больше не можем ждать»[146].

Отметив, что нападение 7 октября 2023 г. «остаётся незаживающей раной для израильской души и для нашей всеобщей совести», и безоговорочно осудив его, французский лидер сказал: «Нельзя проявлять слабость перед лицом терроризма», но «мы также знаем об опасностях бесконечных войн». «Признание («палестинского государства» – А.Ш.) является поражением для ХАМАС», – утверждал Макрон. И подчеркнул, что Андорра, Австралия, Бельгия, Канада, Люксембург, Мальта, Монако, Португалия и Соединённое Королевство будут среди тех, кто признáет Палестину. На конференции также выступил генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, который заявил, что решение о создании двух государств – «единственный выход из этого кош-

[144] UN conference backs two-state solution, calls on Israel to commit to a Palestinian state // AP. 30.07.2025. URL: https://apnews.com/article/un-israel-palestinians-twostate-gaza-declaration-conflict-7373306d09d7efbb634dab53be711586 (дата обращения: 22.10.2025).

[145] Использованное Макроном словосочетание «ce n'est pas un people en trop» можно перевести как «не лишний народ», но можно и как «не очень многочисленный народ».

[146] France Leads Wave of New Recognitions of Palestine at United Nations Summit // UN. 22.09.2025. URL: https://press.un.org/en/2025/pal2251.doc.htm (дата обращения: 22.10.2025).

мара». Он вновь призвал к немедленному и постоянному прекращению огня, немедленному и безоговорочному освобождению всех заложников и обеспечению безусловного и беспрепятственного гуманитарного доступа в сектор Газа[147].

Многие эксперты считают, что инициатива Франции по признанию «независимого палестинского государства», внешнеполитическая активность Парижа на всех стадиях этого процесса на протяжении более года означают не только «дань символизму». Речь, скорее всего, может идти уже о трансформации одного из стержневых направлений ближневосточной политики, причём, не только Франции, но и в перспективе всего Евросоюза. «Решение Франции и других (европейских стран – А.Ш.) означает поворотный пункт в европейской дипломатии, – считает Вера Спираку из Лондонской школы экономики. – На протяжении десятилетий Евросоюз и его члены предпочитали действовать (в отношении палестино-израильского конфликта – А.Ш.) как гуманитарные доноры. Они предоставляли широкий спектр помощи палестинцам, пытаясь избегать политически небезопасного шага признания. Этот осторожный подход европейцев сейчас меняется. Действия Макрона в этом плане будут иметь последствия: Франция – постоянный член СБ ООН. Её шаги вместе с Португалией и Великобританией говорят о том, что признание (Палестины – А.Ш.) уже не является политической линией малых и периферийных стран Европы, а становится частью мейнстрима западной дипломатии… То, что было до сих пор позицией Глобального Юга, охватывает постепенно и Глобальный Север»[148].

Уместно добавить, что данная линия поведения Парижа всё очевиднее воспринималась как элемент политико-дипломатической конфронтации с администрацией Д. Трампа. Это особенно отчётливо просматривается на фоне того, что Госдепартамент не выдал визу Махмуду Аббасу, главе ПНА, для посещения юбилейной 80-й сессии Генассамблеи в Нью-Йорке. И палестинско-

[147] Ibid.
[148] Europe, Palestine and the meaning of recognition // LSE. 23.09.2025. URL: https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2025/09/23/europe-recognition-palestine-meaning-france-uk/ (дата обращения: 22.10.2025).

му лидеру пришлось выступать по видеосвязи[149].

Ряд экспертов пытается объяснить упорство Макрона на палестино-израильском направлении его внутриполитическими проблемами (в частности, неустойчивостью, частой сменой формируемых им правительств), а также отсутствием успеха в проводимой Парижем политике в отношении конфликта между Украиной и Россией[150]. Мол, Макрон рассчитывает, что его президентство останется в памяти соотечественников благодаря «достижениям» главным образом в вопросах палестино-израильского урегулирования. Эта точка зрения критикуется оппонентами, которые полагают, что правительство Нетаньяху несомненно даст ответ, который будет весьма чувствительным для Парижа. Так, в Иерусалиме предварительно рассматривали два варианта. Возможно, отложенного по времени реагирования: аннексию части территории Западного берега, на которой возведены израильские поселения, и/или закрытие французского консульства, услугами которого активно пользуются палестинские арабы[151].

Примечательно, что признание Макроном «независимой Палестины» одобрялось в наибольшей степени членами и сторонниками крайне левой партии «Непокорённая Франция», которые, несмотря на этот шаг президента, всё же попытались в начале октября 2025 г. организовать ему импичмент. Однако Национальное собрание Франции (нижняя палата парламента) не стало рассматривать данную инициативу[152]. Проведённый Французским институтом общественного мнения[153] опрос, результаты которого были опубликованы накануне выступления Макро-

---

[149] UN allows Palestinian President Abbas to speak via video after US denies visa // Reuters. 19.09.2025. URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/un-allows-palestinian-president-abbas-speak-via-video-after-us-denies-visa-2025-09-19/ (дата обращения: 22.10.2025).

[150] Macron scores risky diplomatic coup with Palestinian recognition // FRANCE 24. 20.09.2025. URL: https://www.france24.com/en/live-news/20250920-macron-takes-risk-with-palestinian-statehood-recognition (дата обращения: 22.10.2025).

[151] Ibid.

[152] Резолюцию предлагала «Непокорённая Франция», а поддержку инициативе оказали 104 депутата (всего в нижней палате 577 законодателей), но бюро Нацсобрания (высший коллегиальный орган) признало её неприемлемой.

[153] Фр. *Institut français d'opinion publique, IFOP*.

на в ООН 23 сентября, показал, что за «немедленное признание Палестины» (без выдвижения предварительных требований к ХАМАС)[154] высказались 78% сторонников «Непокорённой Франции» Жана-Люка Меланшона, против – 60% сторонников крайне правой партии «Национальное объединение» Марин Ле Пен, а среди респондентов из числа сторонников партии «Возрождение» Макрона в поддержку своего лидера в этом вопросе выступили только 41%[155].

Неудивительно, что уже в контексте проведённого в Нью-Йорке в июле первого этапа конференции по Палестине в августе социологические службы Франции зафиксировали повышение рейтинга президента – 24% (предыдущее исследование показывало 19%). Особенно заметно это происходило в левой части политического спектра: 15 пунктов к прежнему показателю одобрения деятельности Э. Макрона добавили сторонники «Непокорённой Франции» и 4 пункта – сторонники Социалистической партии. Среди симпатизировавших пропрезидентской партии «Возрождение» зафиксировано падение популярности лидера на 6 пунктов[156]. В результате, согласно опросам, признание «независимого палестинского государства» Макроном без предварительных условий/требований к ХАМАС сочли несвоевременным и неоправданным 71% опрошенных во Франции[157].

Аналогичным образом складывалась ситуация и в Великобритании: с действиями лейбористского правительства и его главы К. Стармера, выступившего за признание Палестины[158], не согласны ещё больше сограждан, нежели во Франции, – 87% опрошенных. Таковы результаты исследования общественного

---

[154] Требования к ХАМАС были выдвинуты и в заявлениях Макрона, и в «Нью-Йоркской декларации», но не как условие для признания палестинского государства, а как условия содействия подписантов в реализации плана создания жизнеспособного государства для палестинских арабов.

[155] 71% of French, 87% of UK public against Palestinian state recognition without Hamas conditions // Jerusalem Post. 21.09.2025. URL: https://www.jpost.com/international/article-868273 (дата обращения: 23.11.2025).

[156] Popularity indexes – August 2025 // IFOP. 19.09.2025. URL: https://www.ifop.com/en/article/popularity-indexes-august-2025 (дата обращения: 23.11.2025).

[157] Ibid.

[158] PM statement on the recognition of Palestine: 21 September 2025 // Gov.uk. 21.09.2025. URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-recognition-of-palestine-21-september-2025 (дата обращения: 23.10.2025).

мнения, проведённого в конце августа 2025 г. компанией *JL Partners* с участием 2 118 респондентов. Только 13% опрошенных британцев согласились с подходом властей. В срезе партийных позиций картина выглядела на тот момент достаточно странно. Среди сторонников правящей Лейбористской партии лишь 11% одобрили план премьер-министра. Неудивительно, что поддерживавшие политику руководства Консервативной партии продемонстрировали ещё более низкий уровень поддержки – 6%, а среди поклонников правопопулистской «Реформировать Соединённое Королевство» – 8%.

Опрос также показал, что 51% респондентов выступают против признания Палестины, пока радикальная группировка ХАМАС остаётся у власти в секторе Газа. Ещё 40% заявили, что такой шаг должен быть обусловлен согласием ХАМАС прекратить огонь и освободить израильских заложников. Кроме того, 17% выступили против любого признания палестинской государственности при всех обстоятельствах. Критики К. Стармера утверждали, что его заявление о признании, сделанное 21 сентября 2025 г., подорвёт способность Великобритании влиять как на Израиль, так и на ХАМАС[159].

Приведённые выше результаты опросов общественного мнения во Франции и Великобритании ставят больше вопросов, чем предлагают внятных объяснений и корреляций с конкретными действиями Парижа и Лондона. Однако, судя по всему, оба правительства не игнорировали полностью социологию, а опирались на результаты других исследований. В частности, в отношении эволюции восприятия европейцами политики Израиля на фоне боевых действий против ХАМАС и массовых акций протеста против них в крупных городах большинства стран Старого Света.

Так, проводившееся весной 2025 г. компанией *YouGov Euro-Track* социологическое исследование в крупнейших странах Западной Европы (Великобритании, Дании, Франции, Германии, Италии и Испании) продемонстрировало впечатляющее падение

[159] The Telegraph: Nearly 90% of British voters oppose recognition of Palestine // Report. 21.09.2025. URL: https://report.az/en/other-countries/the-telegraph-nearly-90-of-british-voters-oppose-recognition-of-palestine (дата обращения: 23.11.2025).

симпатий и сочувствия населения к Израилю по сравнению с предыдущим опросом в 2021 г. В Германии положительно относящихся к Израилю зафиксировано меньше на 44%, во Франции – на 48%, в Дании – на 54%, в Италии – на 52%, в Испании – до 55%[160]. По-видимому, данные показатели воспринимались правительствами как более значимые, чем преимущественно критические касательно признания «независимой Палестины», а именно – как фактор обеспечения общественно-политической стабильности в этих странах. Уместно, на наш взгляд, также привести результаты исследования аналогичных параметров среди основных партнёров Евросоюза по блоку НАТО, полученные в результате опроса американской компании *Pew Research Center* также весной 2025 г. и опубликованные 3 июня 2025 г. Так, баланс отрицательного и положительного отношения к Израилю в США зафиксирован на уровне 53:45; в Канаде – 60:33; в Турции – 93:04[161].

Таким образом, при практически повсеместно преобладающем отрицательном отношении к политике Израиля за месяцы войны в секторе Газа, включая США, в этой стране показатели положительного отношения всё же доминируют. Это отчасти объясняется тем, что выдвинутый 8 октября 2025 г. Трампом план урегулирования в секторе Газа был ориентирован – в отличие от инициативы Макрона – не только на символизм и «внутриполитическое потребление» (хотя этот посыл несомненно содержался), но и изначально имел серьёзные шансы на практическое воплощение. В первую очередь, потому что он исходил не из абстрактного признания прав той или иной стороны конфликта (что уже многократно декларировалось на разных уровнях большинством государств), а предлагал конкретные шаги для устранения причин трагических событий в секторе Газа (график самоликвидации ХАМАС как военного формирования,

[160] Few Western Europeans see Israel's attacks in Gaza as proportionate or justified // YouGov. 03.06.2025. URL: https://yougov.co.uk/international/articles/52279-net-favourability-towards-israel-reaches-new-lows-in-key-western-european-countries (дата обращения: 23.11.2025).

[161] Most people across 24 surveyed countries have negative views of Israel and Netanyahu // Pew Research Center. 03.06.2025. URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/06/03/most-people-across-24-surveyed-countries-have-negative-views-of-israel-and-netanyahu/ (дата обращения: 23.11.2025).

освобождение и обмен похищенных израильских заложников на палестинских заключённых, отход израильских войск к определённым линиям, резкое увеличение гуманитарной помощи населению, установление технократического правления палестинцев под контролем международных органов)[162].

Уже спустя сутки, 9 октября, Израиль и ХАМАС заявили о готовности приступить к выполнению первой фазы плана Трампа – прекращению огня, обмену заложников и заключённых, отводу израильских войск на оговоренные позиции[163]. На это мгновенно отреагировал Макрон, пригласив в Париж представителей ряда арабских и европейских стран, последовавших его инициативе. Примечательно, что в данной встрече приняла участие и К. Каллас, Верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и безопасности. А само мероприятие обозначено в официальных документах Евросоюза как «Встреча по осуществлению американского плана мира и окончания войны в Газе» [164] .

Комплиментарно отозвавшись о плане своего американского визави, французский лидер призвал участников встречи в Елисейском дворце сосредоточиться на продвижении политического решения проблемы в духе «двух государств для двух народов». С этой целью он и его коллеги из Великобритании, Италии и Испании отправились 13 октября в египетский Шарм-эль-Шейх на саммит по урегулированию в секторе Газа[165]. Израиль-

[162] Here's the full text of Trump's 20-point plan to end Israel's war on Gaza // Al Jazeera. 29.09.2025. URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/9/29/heres-the-full-text-of-trumps-20-point-plan-to-end-israels-war-on-gaza (дата обращения: 23.11.2025).

[163] 13 октября 2025 г. ХАМАС передал Израилю последних 20 живых заложников в обмен на 250 палестинских заключённых.

[164] Meeting on the implementation of the US Peace Plan aimed at ending the war in Gaza: press remarks by High Representative. Vice-President Kaja Kallas upon arrival // EEAS. 09.10.2025. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/meeting-implementation-us-peace-plan-aimed-ending-war-gaza-press-remarks-high-representative-vice_en?s=206 (дата обращения: 23.10.2025).

[165] Заметим, что накануне саммита в Шарм-эль-Шейхе Э. Макрон сделал сомнительный комплимент Д. Трампу, чем возмутил его, заявив следующее: «Есть только один человек, который может что-то сделать с войной в Газе, и это президент Соединённых Штатов. Причина, по которой он может сделать больше нас, заключается в том, что мы не поставляем оружие, которое делает войну в Газе возможной. Мы не поставляем оборудование, которое делает эту войну возможной. Именно этим занимаются Соединённые Штаты

ское руководство усмотрело в этих шагах Макрона его стремление расширить тематику саммита, перевести дискуссии из русла конкретных шагов по укреплению режима прекращения огня и освобождения заложников к окончательному урегулированию конфликта. А это могло внести сумятицу в оговоренную повестку саммита. Министр иностранных дел Гидеон Саар назвал совещание в Елисейском дворце «не необходимым и даже вредным». «Мы видим в этом ещё одну попытку президента Макрона отвлечь внимание от его внутренних проблем», – сказал он[166]. И хотя руководство Израиля не присутствовало на саммите в Шарм-эль-Шейхе, его позиция была принята во внимание участниками: находившиеся там европейские лидеры (Э. Макрон, К. Стармер, Дж. Мелони и П. Санчес) оставались в роли сторонних наблюдателей, а заключительный документ по урегулированию ситуации в секторе Газа подписали лидеры США и региональных государств-посредников – Египта, Катара и Турции.

Несмотря на то что получившая поддержку ряда членов ЕС инициатива Э. Макрона осуществлялась вне рамок Евросоюза, на уровне отдельных государств, она, несомненно, вызвала взрывной эффект в политических кругах этого межгосударственного объединения. Что же касается официальной позиции ЕС, то она остаётся прежней: оказание гуманитарной помощи населению палестинских территорий и содействие переговорным процессам, направленным на поиск и реализацию политических решений по формуле «два государства для двух народов». Базовое положение многих документов ЕС сформулировано так: «Европейский союз сотрудничает с Палестинской администрацией в создании институтов будущего демократического, независимого и жизнеспособного Палестинского государства, живущего бок о бок с Израилем в условиях мира и безопасности»[167].

Америки». См.: Macron says Trump should stop Gaza war if he wants Nobel peace prize // Reuters. 24.09.2025. URL: https://www.reuters.com/world/if-trump-wants-nobel-peace-prize-he-should-stop-gaza-war-macron-says-2025-09-23/ (дата обращения: 23.10.2025).

[166] Macron hosts Paris summit to push political solution after Gaza ceasefire // Euractiv. 09.09.2025. URL: https://www.euractiv.com/news/macron-hosts-paris-summit-to-push-political-solution-after-gaza-ceasefire/ (дата обращения: 23.11.2025).

[167] The European Union and Palestinians // EEAS. 09.08.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/palestine/european-union-and-palestine_en?s=206 (дата об-

Между тем начавшаяся ещё в 1988 г. первая волна признания декларации Я. Арафата ныне восточноевропейскими членами ЕС (бывшими государствами в орбите СССР) получила в 2025 г. второе дыхание в результате инициативы Э. Макрона. Таким образом, на данный момент 15 из 27 стран Союза придерживаются этой позиции (55% общей численности блока). Именно этот раскол парализует процесс принятия реалистичных и прагматичных решений на уровне ЕС, обрекая его в палестино-израильском вопросе на декларативность (призывы к обеим сторонам конфликта) и проведение компромиссной политики, ограниченной предоставлением гуманитарной помощи жителям сектора Газа и Западного берега реки Иордан.

Сегодняшняя ситуация с инициативой Э. Макрона, впрочем, вполне вписывается в ставший традиционным алгоритм политических шагов между Вашингтоном и Брюсселем в палестино-израильском урегулировании: США реализуют конкретный проект, который европейцы воспринимают как «несбалансированный» (в пользу Израиля), и реагируют стандартно (как правило, на уровне деклараций) в поддержку палестинских арабов[168]. Впервые это произошло сразу после подписания между Египтом и Израилем Кэмп-Дэвидских соглашений в 1980 г. Тогда в Брюсселе (как в Москве и в большинстве арабских стран) сочли, что эти договорённости «недостаточно» учитывают интересы палестинцев, и выпустили подписанную всеми девятью членами Европейского экономического сообщества «Венецианскую декларацию». В том документе лидеры «европейской девятки» отказались трактовать палестинский вопрос как «проблему беженцев» и высказались за признание «законных прав палестинского народа на самоопределение», т.е. – за создание национального государственного образования палестинских арабов[169].

ращения: 23.11.2025).

[168] Исключением из этого алгоритма стали «Соглашения Осло», которые были инициированы самими израильтянами и палестинцами в 1993–1994 гг. Администрация Б. Клинтона лишь торжественно оформляла достигнутые договорённости.

[169] Mideast situation – European Council declaration on the Middle East (Venice). EC text/Non-UN document // UN. 12–13.06.1980. URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-209872/ (дата обращения: 23.11.2025).

Попытка уже троекратно расширенного ЕС двигаться по этой же траектории критического реагирования на действия Вашингтона в 2019 г. (в связи с переносом Д. Трампом американского посольства из Тель-Авива в Иерусалим) провалилась. Тогда Венгрия, Чехия и Румыния заблокировали Заявление Еврокомиссии с осуждением действий США[170]. На этом фоне инициатива Э. Макрона по признанию «независимого палестинского государства», повторим, предпринята уже вне рамок Евросоюза.

На сей раз французского президента и испанского премьер-министра не поддержали правительства двух крупных западноевропейских стран – Германии и Италии. Расклад среди государств-«грандов» в ЕС получился такой: жёстко пропалестински и антиизраильски выглядит позиция левого правительства П. Санчеса в Испании; полярно противоположных взглядов (в поддержку Израиля) придерживаются германское и итальянское правительства Ф. Мерца и Дж. Мелони. Балансировать между этими двумя полюсами, судя по всему, и пытался Э. Макрон.

В целом в Евросоюзе на сегодня можно выделить три группы стран, признавших «независимое палестинское государство», декларированное Я. Арафатом в 1988 г. *Первая* – Польша, Словакия, Германия и Румыния, которые находились тогда в политической орбите Советского Союза (Чехия и Венгрия позднее отказались от этой позиции). *Вторая* – Швеция (левое правительство признало Палестину в 2014 г.); Ирландия и Испания приняли такое решение в мае 2024 г. «в ответ на израильские убийства в Газе». *Третья* – Франция, Бельгия, Люксембург и Мальта сделали это в сентябре 2025 г. под влиянием инициативы Макрона на фоне происходившего в секторе Газа. Таким образом, тенденция признания «независимого палестинского государства» набирает обороты и благодаря инициативе Э. Макрона охватывает группу крупнейших стран ЕС.

Проблема палестино-израильского урегулирования была и остаётся одной из наиболее острых и разделяющих как страны

[170] Huber D. A New Venice Declaration from a «Coalition of the Lead Donors» on Israel/Palestine // Istituto Affari Internazionali. 2019. URL: https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/new-venice-declaration-coalition-lead-donors-israelpalestine (дата обращения: 23.11.2025).

Евросоюза, так и европейские и американские истеблишменты по линии трансатлантических отношений. В результате руководящие органы ЕС фактически парализованы в принятии конкретных шагов по осуществлению ранее заявленных деклараций. В этом же символическом ключе следует трактовать и инициативу Э. Макрона. Судя по всему, в первую очередь она продиктована внутриполитическими факторами – политической турбулентностью во Франции на фоне усиления позиции правых и крайне правых сил, во многом связанных с проблемами, порождёнными массовой иммиграцией из арабских стран. Этим шагом правоцентрист Э. Макрон попытался нейтрализовать усилия блока левых и крайне левых, инициировавших против него неудачный на тот момент импичмент. Последние, напомним, имели серьёзную поддержку «улицы» из-за военных действий в секторе Газа. Несмотря на попытки французского президента соблюсти баланс между палестинцами и израильтянами, в результате данной инициативы ближневосточная политика Парижа воспринимается на данном этапе как всё более пропалестинская и антиизраильская. Вызывает сомнения и перспектива ожидаемых попыток посредничества Франции в процессе палестино-израильского урегулирования. Вместе с тем инициатива французского президента положительно оценена в основных арабских странах, что может способствовать дальнейшему развитию двусторонних отношений Франции с ними.

2.3.6. ЕС и Турция: императив безопасности и сотрудничества

На стыке 2024–2025 гг. возникли два существенных фактора, которые сформировали «стратегическую потребность» для Брюсселя основательно улучшить отношения с Анкарой. Это победа в ноябре 2024 г. на президентских выборах в США Д. Трампа с его уже к тому времени достаточно известным высокомерно-пренебрежительным отношением к Европе и европейским политикам, а также его установками «заставить европейцев платить за свою безопасность» в т.ч. и под угрозой «выхода США из НАТО». Второй фактор – смена режима в Дамаске. Перспектива неизбежного «потепления» отношений между Анкарой и Вашингтоном и очевидное усиление её влияния в пост-

асадовской Сирии повышали удельный вес Турции прежде всего в Восточном Средиземноморье и акватории Чёрного моря. А «ранние», ещё до вступления в должность американского президента, «пророссийские» высказывания Д. Трампа в самый разгар боевых действий на Украине заметно пугали многих европейских политиков. Так, ещё в феврале 2024 г. после встречи с бывшим главой одного из государств – членов НАТО, чей вклад в коллективную оборону Трамп считал недостаточным (аналитики и журналисты предполагают, что это могла быть Ангела Меркель), тогда ещё кандидат в президенты сказал: «Нет, я вас не буду защищать. Я даже буду поощрять их (русских – ред.) делать, что они, чёрт возьми, хотят. Вы заплатите»[171]. Эта фраза вызвала громкий скандал в кругах руководства Североатлантического альянса, несмотря на то что она не была произнесена Трампом публично.

Уже в начале 2025 г. администрация 47-го президента США обратилась к партнёрам по НАТО с двумя предложениями: не только увеличить расходы стран – участниц военно-политического блока на оборону, но и через скорейшее урегулирование конфликта с Россией «отделить судьбу Украины от судьбы Североатлантического альянса»[172]. Этот призыв вызвал очередное недоумение в политических кругах ЕС, а вскоре обернулся новым скандалом после выступления вице-президента США на Мюнхенской конференции в феврале 2025 г. Там Джеймс Дэвид Вэнс заявил прямо: США ожидают, что Европа «предпримет значительные меры для обеспечения собственной обороны»[173]. Происходившее в зале конференции воспринималось многими её участниками как угроза Вашингтона сократить свои обязательства по обеспечению безопасности европейских союзников

[171] Cowan R. Republicans blast Trump over threat to abandon NATO allies // Reuters. 23.03.2024. URL: https://www.reuters.com/world/us/republicans-blast-trump-over-threat-abandon-nato-allies-2024-02-12/ (дата обращения: 23.11.2025).
[172] Meloni M. NATO, Ukraine, and the U.S. strategy: the geopolitical implications of Trump's vVision // SpecialEurasia Media Agency. 24.02.2025. URL: https://www.specialeurasia.com/2025/02/24/us-nato-ukraine-trump/ (дата обращения: 23.11.2025).
[173] Lu Ch. The Speech that stunned Europe // FP. 18.02.2025. URL: https://foreignpolicy.com/2025/02/18/vance-speech-munich-full-text-read-transcript-europe/ (дата обращения 27.11.2025).

и, следовательно, как успех политики Москвы, якобы ещё с советских времён направленной на отрыв США от Европы[174]. «Идея единого Запада сегодня выхолощена», – написал в этой связи корреспондент *The New York Times* в Париже Р. Коэн[175].

Вызванное первыми шагами администрации Д. Трампа недоумение европейцев постепенно исчезало во многом из-за смягчения политики Белого дома в отношении союзников под воздействием глобальных факторов, в частности, из-за медленного продвижения Вашингтона на переговорах между Россией и Украиной, а также из-за 12-дневной войны между Израилем и Ираном. Примечательно, что в подходе к урегулированию вокруг Украины, как и в оценке ситуации вокруг Ирана, Брюссель отчасти солидаризировался с Вашингтоном, что объективно их сближало. На этом фоне администрация Трампа перешла и к смягчению тарифной политики в отношении ЕС: от провозглашённого Белым домом весной 2025 г. 30%-ного барьера для экспорта европейских товаров на американский рынок в июле речь уже шла о 15%[176].

Принципиально иную тарифную политику изначально проводил 47-й президент в отношении Турции, что заметно контрастировало в этом плане с другими членами Североатлантического альянса: для обеих сторон вводился равный тариф в 10%. Такой подход к Турции эксперты восприняли как показатель важности этой страны для стратегии Белого дома на двух направлениях – накопленный Анкарой опыт посредничества в переговорах между Россией и Украиной, который может оказаться полезным для Вашингтона, а также весомый потенциал Турции в процессе стабилизации внутриполитического положения в Сирии. С учётом фактически беспошлинной взаимной торговли между Турцией и ЕС (Таможенного союза) Анкара оказывается в более выгодной позиции, чем страны Евросоюза,

[174] Cohen R. A Europe in emotional shock grapples with a New Era // The New York Times. 08.03.2025. URL: https://www.nytimes.com/2025/03/08/world/europe/trump-putin-russia-europe.html (дата обращения: 27.11.2025).
[175] Ibid.
[176] Fact Sheet: the United States and European Union reach massive trade deal // The White House. 28.07.2025. URL: https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-the-united-states-and-european-union-reach-massive-trade-deal/ (дата обращения: 27.11.2025).

в плане инвестиций (включая и прямые инвестиции для производства продукции на турецкой территории), а также движения товаров и капиталов в торгово-экономическом обороте с США. По мнению турецкого вице-президента Джевдета Йылмаза, относительно низкий базовый тариф в 10%, введённый Трампом, может пойти на пользу турецким экспортёрам, обеспечивая им доступ на американский рынок. Йылмаз считает, что Турция, как импортёр, также выиграет от падения мировых цен на сырьевые товары, включая нефть. В свою очередь, глава министерства торговли Турции Омер Болат предпочёл бы добиться от США отмены новых тарифов, хотя для его страны на фоне других они выглядят как «лучшие из худших»[177].

Наиболее яркое воплощение получило утверждение Эрдогана о «новой эре в американо-турецких отношениях» (с возвращением Д. Трампа в Белый дом – А.Ш.) в подходе к ситуации в Сирии. По настоянию турецкого лидера в июне 2025 г. президент США использовал свои особые полномочия для снятия (в обход конгресса) санкций с этой арабской страны, а также исключил «Хайят Тахрир аш-Шам» из списка террористических организаций, что, как подчёркивает *Financial Times*, «делает ХТШ, возможно, первой такого рода группировкой, которая была исключена из списка СШАдо прекращения своего существования»[178]. Это стало, по мнению аналитиков, результатом «веры Трампа в Эрдогана» и политико-стратегической ставки на него[179]. Расчёт обоих лидеров заключался ещё и в том, что по мере стабилизации положения в Сирии туда будет возвращаться большинство из более чем трёх миллионов беженцев из этой страны, размещённых с 2016 г. в лагерях на территории Турции. Их нахождение там, заметим, финансируется Евросоюзом в рамках договорённостей между Анкарой и Брюсселем[180].

---

[177] Вице-президент Турции: 10%-й тариф США может пойти на пользу турецким экспортёрам // news.am. 05.04.2025. URL: https://news.am/rus/news/875843.html (дата обращения: 05.03.2025).

[178] Rathbone J.P. Trump and Erdogan's «extraordinary» bond tested by Israel and jet deal // FT. 27.07.2025. URL: https://www.ft.com/content/4b237a5b-2081-4d9b-a17e-d85a00d8ebad (дата обращения: 27.11.2025).

[179] Ibid.

[180] Шумилин А.И. Ближневосточные конфликты: европейский подход. М.: ИЕ РАН, 2019 г. С. 14–15.

Показательно, что Трамп назначил послом США в Турции Тома Баррака, своего близкого друга, бизнесмена-миллиардера ливанского происхождения, и возложил на него обязанности спецпредставителя США в Дамаске. Политическую задачу перед ним американский президент сформулировал так: повысить уровень отношений между Вашингтоном и Анкарой от «отличных» (*great*) до «исключительных» (*extraordinary*)[181]. В целом американской администрации удалось использовать политический потенциал Эрдогана как на сирийском, так и на украино-российском направлениях: начиная с мая 2025 г. в Стамбуле проводили встречи и переговоры делегации Москвы и Киева при посредничестве США и Турции.

Уместно подчеркнуть, что с учётом заметно возросшей роли Турции в геополитическом раскладе в регионе команда Трампа попыталась ускорить поиск решения проблем, которые омрачали двусторонние отношения в конце его первого президентского срока. Речь прежде всего о последствиях заключённой Турцией в 2019 г. с Россией сделки по приобретению ЗРК С-400. Тогда Трамп подверг Анкару санкциям, отложив поставки истребителей *F-16* (40 самолётов) и исключив Турцию из программы производства машин нового поколения *F-35*. В январе 2024 г. при администрации Байдена проблема с *F-16* была урегулирована: Госдепартамент одобрил возобновление поставок истребителей в обмен на согласие Анкары на присоединение к НАТО Швеции. Проблема же с участием Турции в программе по *F-35* сохранялась, хотя поиск её решения заметно активизировался. Вторая администрация Трампа рассматривала два варианта развязки узла противоречий: первый – Турция попросту складирует российские комплексы на своей территории без их развёртывания, ограничившись единственным тестовым запуском ракет в 2020 г.[182], и второй – использует их локально (для

[181] New US envoy arrives with promise of better alliance with Türkiye // Daily Sabah. 06.05.2025. URL: https://www.dailysabah.com/politics/new-us-envoy-arrives-with-promise-of-better-alliance-with-turkiye/news (дата обращения: 27.11.2025).

[182] Iddon P. Stored and inspected: Turkey's latest reported S-400 proposal isn't new // Forbes. 27.08.2024. URL: https://www.forbes.com/sites/pauliddon/2024/08/27/stored-and-inspected-turkeys-latest-reported-s-400-proposal-isnt-new/ (дата обращения: 27.11.2025).

защиты определённых объектов), не интегрируя в общую систему ПВО и исключая потенциальные угрозы для натовской авиации в экстремальной ситуации возможного применения ЗРК[183].

Важность для Анкары её участия в программе *F-35* не сводилась только к предполагаемому приобретению 12 истребителей этого класса с целью модернизации своих ВВС. Турецкие компании рассчитывали получить ранее обещанные им весьма доходные контракты на производство фюзеляжей для этой машины, а также возобновить планы создания на территории их страны одного из крупнейших центров обслуживания этих самолётов. На протяжении 2025 г. Вашингтон и Анкара демонстрировали политическую волю достичь взаимоприемлемого решения проблемы, пытаясь преодолеть существовавшие препятствия с учётом пресловутой «химии взаимопонимания и уважения» между Трампом и Эрдоганом. Но оставалось ещё немаловажное проблем: для приобретения *F-35* Турция рассчитывала на особое финансирование с американской стороны, которое требовало согласия конгресса США. Однако на Капитолийском холме эта страна не пользовалась популярностью среди законодателей – к тому же перед Анкарой стояла непростая задача преодолевать неизбежное противодействие со стороны греческого и израильского лобби[184]. Неудивительно, что проблема с возвращением Турции в программу производства истребителей *F-35* не была разрешена и в ходе в целом успешного визита Эрдогана в США в конце сентября 2025 г.[185]

Напряжённость между Турцией и Израилем, в частности, вокруг Сирии становилась серьёзным испытанием для американо-турецких отношений. Периодически наносившиеся израильскими ВВС удары по объектам в этой стране возмущали турецких политиков и генералов. Жёстче других высказывался на сей счёт глава турецкого МИД Хакан Фидан: так, он заявил о готовности Турции вмешаться и, по сути, пойти на столкновение с

[183] Ibid.
[184] Rathbone J.P. Trump and Erdogan's «extraordinary» bond tested… Op. cit.
[185] Ciddi S. Erdogan leaves Washington empty-handed on F-35s? // The Foundation for Defense of Democracies. 10.10.2025. URL: https://www.fdd.org/analysis/2025/10/10/erdogan-leaves-washington-empty-handed-on-f-35s/ (дата обращения: 28.11.2025).

Израилем, если он продолжит усилия, направленные на раскол Сирии. Озабоченность Анкары этой проблемой понять нетрудно, поскольку, по словам авторитетного турецкого аналитика Эрсана Эргюра, поддержание территориальной целостности соседней арабской страны становится «краеугольным камнем доктрины национальной безопасности Турции». Более того, Анкара, по утверждению эксперта, рассматривает подход к ситуации в Сирии не как вопрос своей внешней политики, а, скорее, политики внутренней. «Анкара прилагает усилия для стабилизации Сирии не только в плане защиты её границ, но и с целью предотвратить появление «несостоявшихся государств» на своей периферии», – утверждал Эргюр[186]. Примечательно, что Трамп время от времени выражал понимание озабоченности Анкары, стремясь не допустить прямого столкновения его союзников – Турции и Израиля[187].

В сложившейся в Средиземноморье, Черноморье и на Ближнем Востоке геополитической ситуации Турция воспринималась администрацией Трампа как почти столь же значимый союзник, что и Израиль, несмотря на сохранявшиеся проблемы в двусторонних отношениях. Вашингтону удавалось совмещать роль и влияние Анкары в этой части мира с его собственной стратегией в отношении конфликтных зон – от Украины до Сирии.

Что касается подхода Евросоюза, то два инструмента давления администрации Трампа на ЕС – тарифная политика и угрозы ослабить усилия по обеспечению безопасности Старого Света – объективно повышали его заинтересованность во взаимодействии с Турцией. Последняя с её геостратегическим, экономическим и военным потенциалом обретала более высокую ценность в глазах европейского истеблишмента в новых условиях (война в Европе, смена власти в Сирии). Одновременно открывавшаяся перспектива сближения с Брюсселем рассматривалась в Анкаре как козырная карта, которая могла быть разыг-

[186] AlMohammad B. After Israeli intervention in Suweida, Turkey believes it's next // The New Arab. 30.07.2025. URL: https://www.newarab.com/analysis/after-israeli-intervention-suweida-turkey-believes-its-next (дата обращения: 01.12.2025).
[187] Ravid B., Caputo M. «He's a madman»: Trump's team frets about Netanyahu after Syria strikes // Axios. 20.07.2025. URL: https://www.axios.com/2025/07/20/israel-syria-strikes-trump-netanyahu-divide (дата обращения: 28.11.2025).

рана и в налаживании её отношений с Вашингтоном.

Хотя переговоры о членстве Турции в Евросоюзе фактически заморожены, Анкара и Брюссель продолжали развивать жизненно важные направления отношений, смещая их во взаимовыгодное деловое русло. Это происходило на порой доминирующем негативном информационно-политическом фоне: руководство ЕС публично критиковало усиление цензуры и авторитарных тенденций в Турции, ухудшение там ситуации с верховенством права. С точки зрения Брюсселя, Анкара отклонилась от курса на европейскую интеграцию и фактически лишь номинально остаётся кандидатом в сообщество[188]. Кроме того, ЕС и Турция также вовлечены в геополитическое соперничество по нескольким региональным и глобальным линиям разлома, причём геополитические расчёты Анкары часто противоречили позиции Брюсселя. Так действия турок в Восточном Средиземноморье, резко повышавшие вероятность военных столкновений с греками и их соратниками на Кипре, стали определённым вызовом для Брюсселя, который по-прежнему подтверждал приверженность требованиям членов ЕС[189].

Тем не менее ЕС и Турция несут обязательства по взаимной безопасности в рамках сотрудничества в НАТО. Турция также рассматривается как критически важный для ЕС барьер сдерживания нелегальной миграции из ближневосточных стран. Механизм Турция – ЕС по вопросам миграции[190], хотя и противоречивый, остаётся достаточно эффективным, поскольку сообщество продолжает подвергаться давлению мигрантов, испытывая политические последствия в виде беспорядков и усиления крайне правых / экстремистских партий по всему континенту. Деловое партнёрство выгодно и для Анкары: половина всего её экспорта по-прежнему направляется на рынки ЕС, а Договор о Таможенном союзе с ЕС обеспечивает доступ европейской про-

[188] Al-Ketbi E. Turkey: the ruture of model and role. Abu Dhabi: EPC. 55 p. P. 41.
[189] Оганисян Л.Д. Политика Европейского Союза на Ближнем Востоке // Вне региональные акторы на Ближнем Востоке / под ред. С.М. Гавриловой, И.А. Бочарова, А.П. Корзун, Д.О. Растегаева. М.: НП РСМД. 2024. 75 с.
[190] Потемкина О.Ю. «Европейская повестка дня по миграции»: итоги и выполнения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 6. С. 80–85. DOI: 10.15211/vestnikieran620198085

дукции на турецкий рынок на выгодных условиях[191]. Ключевые европейские государства также имеют значительные доли в турецком секторе финансовых услуг, формируя устойчивое многоуровневое экономическое партнёрство, которое вносит значительный вклад в турецкую экономику.

Военно-техническое сотрудничество. На фоне проблемных отношений между Анкарой и Вашингтоном в военной сфере из-за распространения Белым домом на Турцию закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» её отношения с ЕС развивались вполне успешно. Так, 23 июля 2025 г. Анкара достигла договорённостей с Лондоном и Берлином о приобретении 40 истребителей *Eurofighter Typhoon* у консорциума во главе с Великобританией, Испанией, Италией и Германией[192]. Данная сделка позволяла диверсифицировать турецкие ВВС, в которых доминировали *F-16*. Она также рассматривалась как необходимое промежуточное решение до 2030-х гг., когда, как ожидается, будет готов к эксплуатации собственный турецкий истребитель пятого поколения *MMU KAAN*. Кроме того, турецкая *Baykar Industries*, крупнейший производитель беспилотных боевых летательных аппаратов (БПЛА), 27 декабря 2024 г. приобрела компанию *Piaggio Aerospace*, итальянского производителя аэрокосмической техники, что расширило возможности турок в разработке соответствующих технологий и усовершенствовании собственных двигателей для беспилотников[193]. Добавим к этому тот факт, что несколько государств – членов ЕС уже являются клиентами программ *Baykar* по БПЛА.

Турция и ЕС наращивают партнёрство в сфере обороны, и эта тенденция, скорее всего, будет укрепляться. Дело в том, что многочисленные западные эмбарго на поставки оружия, дейст-

---

[191] Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы» // Современная Европа. 2023. № 6. С. 96–109. DOI: 10.31857/S0201708323060098

[192] Erkoyun E. Turkey nears Eurofighter jet purchase after UK, German agreement // Reuters. 23.07.2025. URL: https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/turkey-nears-eurofighter-jet-purchase-after-uk-german-agreements-2025-07-23/ (дата обращения: 28.11.2025).

[193] Ergocun G. Baykar acquires Italian aviation giant Piaggio Aerospace // AA. 28.12.2024. URL: https://www.aa.com.tr/en/europe/baykar-acquires-italian-aviation-giant-piaggio-aerospace/3435857 (дата обращения: 28.11.2025).

вующие с 1970-х гг., подтолкнули Анкару к увеличению инвестиций в отечественное производство вооружений. Экспорт турецкой оборонной продукции вырос на 103% в период с 2015 по 2024 г., что сделало страну 11-м по величине экспортёром оружия в мире[194]. Примечательно, что по всей Европе фиксируется растущее присутствие Турции в военных сделках – на Балканах, в Испании, Португалии и Италии. Но особенной тенденцией стал рост турецкого военного экспорта в ключевые страны Центральной и Восточной Европы, такие как Румыния и Польша, а также Балтии. Причина в том, что поставки туда военной техники Турцией осуществляются оперативно, без бюрократической проволочки, что крайне важно потребителям ввиду их возрастающих опасений касательно возможных «агрессивных действий со стороны России».

Кроме того, Испания и Турция подписали меморандум о взаимопонимании по продаже истребителей *Hürjet*[195] турецкого производства. Соглашение также включает пункт о совместном производстве, согласно которому данные самолёты будут собираться в Испании с участием испанских оборонных компаний. Заказ Португалии у турецкой судостроительной компании *STM* на поставку двух судов материально-технического обеспечения для своих ВМС трактуется как растущий уровень взаимного доверия. Эти события свидетельствуют о продолжающемся процессе интеграции между турецкой и европейской оборонной промышленностью, которая теперь открыто проявляется в форме приобретений и создания совместных предприятий. Объективно в повестку дня ставится вопрос – могут ли турецкие компании (и при каких обстоятельствах) иметь право участвовать в новых оборонных программах ЕС, в частности, таких как регламент *SAFE*[196], утверждённый главами государств и прави-

[194] Simeonova M. No easy choices: how Europe can write a new chapter with Turkey // ECFR. 29.04.2025. URL: https://ecfr.eu/article/no-easy-choices-how-europe-can-write-a-new-chapter-with-turkey/ (дата обращения: 28.12.2025).
[195] Ros M. Spain to explore participation in Turkish Hürjet advanced jet trainer program // Aerotime. 23.12.2024. URL: https://www.aerotime.aero/articles/spain-to-explore-participation-in-turkish-hurjet-advanced-jet-trainer-program (дата обращения: 28.12.2025).
[196] Англ. *Security Action For Europe.*

тельств ЕС 27 мая 2025 г.[197]

Сирийский фактор. Падение режима Асада в Сирии открывает новые возможности для отношений между Турцией и ЕС. В 2025 г. европейские государства начали корректировать свои процедуры приёма мигрантов, смещая фокус с приоритета сирийских беженцев на просителей убежища из других стран. Теперь ЕС планирует решать проблему сирийских беженцев «комплексно» – как на своей территории, так и путём содействия их возвращению на родину. Для этого потребуется координировать усилия с Турцией, которая начала оказывать намного большее влияние на положение дел в Сирии, чем это было при режимах отца и сына Асадов[198]. Руководство ЕС пообещало обеспечить финансовую поддержку процессу восстановления в этой арабской стране, приступив к взаимодействию с переходными властями. В конце мая 2025 г. Совет ЕС принял ряд актов, направленных на снятие санкций, ранее наложенных на правительство Б. Асада[199]. Прагматический подход Брюсселя к проблемам Ближнего Востока всё заметнее берёт верх над когда-то приоритетными ценностными установками[200].

Турция и ЕС, вероятно, возглавят усилия по восстановлению Сирии, что является стратегией, которую обе стороны считают крайне важной для ускорения процесса возвращения мигрантов. Речь, прежде всего, идёт о строительстве разрушенных населённых пунктов и жизненно необходимой инфраструктуры. Во время визита в Анкару в декабре 2024 г. президент Евроко-

[197] Утверждённый 27 мая 2025 г. регламент стал важной составляющей комплекса мер по обеспечению безопасности в Европе. Это первая масштабная инвестиционная программа ЕС, направленная на укрепление военного потенциала государств-членов посредством финансирования совместных закупок на сумму до 150 млрд евро.

[198] Cagartay S. The New Turkey and U.S. Policy. Washington: the Washington Institute for Near East Policy. 2013. 22 p.

[199] Syria: EU adopts legal acts to lift economic sanctions on Syria, enacting recent political agreement // Council of the EU. 28.05.2025. URL: https://www. consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/28/syria-eu-adopts-legal-acts-to-lift-economic-sanctions-on-syria-enacting-recent-political-agreement/ (дата обращения: 28.12.2025).

[200] Шумилин А.И. Евросоюз и ближневосточный кризис – 2023: между ценностями и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 5. С. 7–17. DOI: 10.15211/vestnikieran52023717

миссии У. фон дер Ляйен объявила о выделении ещё 1 млрд евро на поддержку финансируемой ЕС программы помощи сирийским мигрантам в Турции[201]. Однако основные усилия направлены на создание фонда восстановления этой арабской страны, финансирование которого возьмут на себя несколько европейских агентств и организаций, в частности Европейский банк реконструкции и развития. Затем, как предполагается, турецкие компании будут привлечены к проведению строительных работ в Сирии. Примечательно, что сразу после падения режима Асада акции этих компаний пошли вверх на Стамбульской фондовой бирже[202]. Правительственные ведомства Турции приступили к разработке планов строительства и развития общественной инфраструктуры, в частности к восстановлению сирийского участка железной дороги Стамбул – Дамаск[203]. Брюссель проявляет интерес к этим проектам, поскольку они отвечают его стратегии по обеспечению безопасности внешних границ, ограничению миграционного давления и диверсификации торговых путей.

Стратегическая совместимость. Набирающее обороты взаимодействие между Анкарой и Брюсселем в сфере военно-технического сотрудничества на сирийском направлении, а также посредническая роль Эрдогана в украинском кризисе делают Турцию во многом безальтернативным партнёром Евросоюза, несмотря на расхождения между ними касательно ситуации в Восточном Средиземноморье и в сфере прав человека. «Для европейцев это классическая дилемма: закрывать ли глаза на внутренние злоупотребления (в той или иной стране – А.Ш.) ради геополитической целесообразности? Но теперь выбор Европы гораздо более ограничен, особенно в отношении Турции. В ус-

[201] De La Feld S. Von der Leyen, another billion to Turkey to handle refugees. Erdogan calls for push for EU membership // EU News. 17.12.2024. URL: https://www.eunews.it/en/2024/12/17/von-der-leyen-another-billion-to-turkey-to-handle-refugees-erdogan-calls-for-push-for-eu-membership/ (дата обращения: 28.12.2025).

[202] Bilgiç T. Turkish building stocks surge on Syria reconstruction bet // BNN Bloomberg. 09.12.2024. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-12-09/turkish-building-stocks-surge-on-syria-reconstruction-bet (дата обращения: 28.12.2025).

[203] Hejaz Railway Istanbul-Damascus Stage to be Restored // Sucudo Agency – RaillyNews. 25.12.2024.URL: https://raillynews.com/2024/12/Hejaz-Railway-Istanbul-Sam-Stage-Will-Be-Restored/ (дата обращения: 28.12.2025).

ловиях ослабления активности США прочные отношения между ЕС и Турцией стали непременным условием стабильности в Европе», – отмечает болгарский эксперт Мария Симеонова[204].

В действительности спектр геополитического взаимопонимания между Анкарой и Брюсселем шире упомянутых направлений их взаимодействия. В экспертных и политических кругах ЕС прорабатывается идея создать «платформу для Диалога высокого уровня» по таким вопросам, как происходящее в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Европейские стратеги подчёркивают, что именно из района Чёрного моря Россия проецирует своё влияние на регионы, где сталкиваются интересы Анкары, Брюсселя и Москвы (Сирия, Ливия и Африка). Турция и ЕС согласны с тем, чтобы Россия не стала доминирующей державой в этой акватории.

Роль Турции в подключении Евросоюза к Транскаспийскому международному транспортному маршруту (известному также как «Средний коридор») будет иметь важное значение для Брюсселя с учётом высокой геоэкономической ценности проекта. Он позволит ЕС укрепить связи со странами Южного Кавказа и Центральной Азии[205]. Не исключают в Брюсселе и обсуждения в рамках диалогов высокого уровня ситуаций с гражданским обществом и бизнесом в Турции, чтобы «терпеливо создавать мягкие рычаги противодействия авторитарным тенденциям» в стране, по-прежнему считающейся кандидатом в полноценные члены Евросоюза[206].

Таким образом, два основных геополитических фактора диктовали в 2025 г. руководству ЕС необходимость шагов по ускоренному сближению с Анкарой: возвращение Д. Трампа в Белый дом и смена режима в Дамаске. Политика Вашингтона ставит под вопрос (как минимум на время каденции 47-го президента

[204] Simeonova M. No easy choices: how Europe can write a new chapter with Turkey // ECFR. 29.04.2025. URL: https://ecfr.eu/article/no-easy-choices-how-europe-can-write-a-new-chapter-with-turkey/ (дата обращения: 27.12.2025).
[205] Транскаспийский международный транспортный маршрут – международный транспортный коридор, пролегающий через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию, далее в Турцию и страны Европы.
[206] Simeonova M. No easy choices: how Europe can write a new chapter with Turkey // ECFR. 29.04.2025. URL: https://ecfr.eu/article/no-easy-choices-how-europe-can-write-a-new-chapter-with-turkey/ (дата обращения: 27.12.2025).

США) незыблемость трансатлантического альянса и повышает запрос на практическое воплощение концепции «стратегической автономии» Евросоюза прежде всего в сфере обороны. Это происходит на фоне многолетнего украинского кризиса, который с одной стороны воспринимается европейцами как стимул для наращивания собственного оборонного потенциала, а с другой – де-факто остаётся инструментом ослабления этого потенциала из-за поставок вооружений и боеприпасов Киеву. Растущая кооперация военно-промышленных комплексов стран ЕС и Турции становится безальтернативной для Брюсселя. Столь же безальтернативной представляется и перспектива взаимодействия ЕС и Турции на сирийском направлении, которая расценивается в Брюсселе как стратегия не только внешнеполитическая (стабилизация ситуации в Сирии и вокруг неё), но и инструмент ослабления миграционного давления на внутреннюю политику и институты многих стран Евросоюза. Тем самым возрастает значение Турции как партнёра в отражении угроз для ЕС с востока и юга. Равно как и важного посредника в проецировании геополитических интересов и стратегий Брюсселя в ряде других направлений – Южный Кавказ, Центральная Азия, Африка. Очевидна и потребность Вашингтона взаимодействовать с Анкарой – в контексте происходящего на Ближнем Востоке (противостояние Ирана и Израиля) и вокруг Украины. Администрация Трампа всё больше воспринимает Анкару как приоритетного партнёра в регионах Ближнего Востока и Чёрного моря, несмотря на сохраняющиеся санкции против неё. В сложившемся геополитическом ландшафте руководство Турции старается придерживаться стратегии баланса между Брюсселем и Вашингтоном.

ГЛАВА 3. ИСЛАМИЗМ КАК ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ ЕВРОСОЮЗА

За последние годы заметно возросла напряжённость в отношениях части влиятельных мусульманских организаций в странах Евросоюза с обществом и государственными структурами. Это связано не только с терактами исламистов во Франции и Австрии в 2020 г., породившими ответные меры для обеспече-

ния безопасности граждан, но и с растущим влиянием мусульманских организаций на общественную и политическую жизнь стран Старого Света. В центре повышенного внимания европейских политиков и правоохранителей оказалась деятельность религиозно-политической ассоциации суннитов «Братья-мусульмане» и ряда шиитских групп (прежде всего «Хезболлы»). Ниже рассмотрены средства, методы и механизмы, характерные для группировок, связанных со структурами БМ и «Хезболлы» в Европе, специфика их деятельности в сравнении со странами Ближнего Востока. Дело в том, что по мере падения влияния радикальных организаций в арабском сегменте Ближневосточного региона, в условиях демократии в Европе наблюдается противоположная тенденция: прибегая к левой риторике, чтобы скрывать свою исламистскую сущность, упомянутые группировки смогли стать частью актуального политико-идеологического дискурса.

Ресурс поддержки они пытаются получить за счёт эксплуатации распространявшихся в мусульманских общинах нарративов «ущемлённости и уязвимости» в окружающей их социально-политической среде. По мере обострения межконфессиональных отношений в Европе исламистские группировки начали всё чаще публично претендовать на статус «защитников униженных мусульман». Таким образом они пытаются легализовать радикальные взгляды и стратегии. Дальнейшее обострение противостояния политических элит в странах ЕС и исламских радикалов представляется неизбежным, поскольку последние стали одним из факторов политической жизни Евросоюза.

3.1. Мусульмане в Европе: умеренные versus радикалы

Относительно благополучное сосуществование мусульманских общин с европейцами осложнилось после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. Расследование показало, что исламистские террористы готовились к атаке на США главным образом в странах Западной Европы. После данных событий внимание европейского истеблишмента и спецслужб к мусульманским общинам выросло. Этим воспользовались исламисты, назвав (по сути – стигматизировав) действия властей по обеспечению безопасности граждан «исламофобией». Теракты в

Мадриде (2004 г.) и Лондоне (2005 г.) повысили напряжённость в отношениях властей и части населения европейских стран, с одной стороны, и мусульманскими общинами – с другой. Эта проблематика занимает всё более заметное место в политических программах ведущих партий стран Евросоюза и рассматривается властями в контексте безопасности собственных граждан. Центристскими и левыми силами она трактуется как неудача правящих партий в интеграции мусульман в социальную ткань общества и предотвращении распространения чувств отчуждённости и маргинализации[207]. Правые же партии обычно интерпретируют данную проблему как угрозу со стороны исламских сообществ для фундаментальных устоев европейской цивилизации и безопасности граждан[208].

На этом фоне представители интеллектуальных слоёв мусульманских общин активизировали дискуссии с целью поиска своей идентификации: появляются термины «европейский ислам», «либеральный ислам» и т.д.[209] Выбор подавляющего большинства мусульман в Европе – это сохранение национальных и религиозных традиций в сочетании с уважением культурных и правовых норм страны пребывания. Данную категорию мусульман принято называть умеренными. Приведём одно из самых удачных, на наш взгляд, определений этой категории в рассматриваемом контексте: «Умеренными правильно называть тех мусульман, которые разделяют ключевые элементы культуры демократии. Последние включают в себя поддержку демократии и международно-признанных прав человека (в том числе гендерное равенство и свободу отправления религиозного культа), уважение к проявлениям многообразия, принятие нерелигиозных источников законодательства, отторжение терроризма и

[207] Muslims in Europe: promoting integration and countering extremism // Congressional Research Service. 07.09.2011. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/RL33166.html (дата обращения: 08.01.2026).

[208] Михалева А.В. Федеральные выборы в Германии 2025 г.: политические партии о палестино-израильском конфликте // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 5. С. 20–31. DOI: 10.15211/vestnikieran520252031

[209] Шумилина И.В. О парадоксе интеграции мигрантов: рассуждения без софизма // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 5. С. 112–122. DOI: 10.31857/S268667302205008X

других незаконных форм насилия»[210].

Подобная идентификация не устраивает представителей радикальных группировок. Делая акцент на фундаменталистских трактовках Священного Писания (Корана), они предлагают единоверцам собственные представления об их социальном статусе: «В первую очередь ты мусульманин, а потом уже житель той или иной страны с чужой культурой, с которой не должен мириться. Коран превыше Конституции»[211]. Радикалы призывают отстаивать приоритетность догм ислама даже в чужеродной общественной среде и ведут мусульман к конфронтации с культурными и политическими реалиями в странах ЕС. Орудием в ней становится политизация религии, появление политического ислама.

В последние годы напряжённость между государством и мусульманскими организациями достигла апогея во Франции. Она была вызвана двумя основными обстоятельствами: с одной стороны, углублявшимся расколом в мусульманском сообществе Франции на умеренных и радикалов, системными установками последних и их нарастающим влиянием на внутриполитическую жизнь страны, а с другой – устойчивым убеждением ставшего в 2017 г. президентом Э. Макроном в необходимости для Республики противостоять «политическому исламу» и «исламистскому сепаратизму». Это было важной составляющей его предвыборной платформы, а затем стало и принципиальным направлением его политики.

В своей программной речи 2 октября 2020 г. французский президент сказал, в частности, следующее: «Мы должны бороться с исламистским сепаратизмом. Этот осознанный, теоретически обоснованный политико-религиозный проект материализуется в виде повторяющихся отклонений (его последователей – А.Ш.) от ценностей Республики, что выражается в формирова-

[210] Rabasa A., Benard Ch., Schwartz L.H., Sickle P. Building moderate Muslim networks. Washington: RAND Center for Middle East Public Policy, 2007. 216 с. (деятельность международной организации *RAND* признана нежелательной на территории РФ).

[211] Schmid A. P. Moderate Muslims and Islamist terrorism: between denial and resistance // The International Centre for Counter-Terrorism. 2017. The Hague 8, № 9. DOI: 10.19165/2017.1.09

нии, по сути, параллельного общества (*counter-society* – А.Ш.). Это следует из таких действий, как создание препятствий для посещения детьми (государственных – А.Ш.) школ, развитие отдельных спортивных и культурных программ на уровне коммун, которые используются для продвижения принципов, не соответствующих законам Республики. Это идеологическая обработка и, как следствие, отрицание наших принципов, гендерного равенства и человеческого достоинства. Проблема в этой идеологии, которая утверждает, что её собственные законы выше законов Республики»[212].

После многомесячных дебатов 24 августа 2021 г. «Закон, закрепляющий уважение к принципам Республики» (именно так он был кодифицирован, без упоминания ислама, чтобы избежать обвинений его авторов в «исламофобии»), был принят[213].

Ещё на стадии законопроекта правительство проводило обсуждения и согласования с ведущими мусульманскими организациями страны. Оно предложило им подписать «Хартию принципов», согласие с которой должно было стать основанием для продолжения их финансирования со стороны государства. Декларация из 10 пунктов названа Макроном «основополагающим текстом для определения отношений между Государством, Исламом и Францией»[214]. 18 января 2021 г. после многомесячных дискуссий представители 6 из 9 федераций, входящих во Французский совет исламского вероисповедания (ФСИВ)[215], согласились с декларацией, в тексте которой отчётливо отражена их приверженность базовым принципам Французской Республики и отказ от использования ислама в политических целях (в тексте фигурирует термин «инструментализация ислама»). «Хар-

[212] Fight against separatism – the Republic in action: speech by Emmanuel Macron, President of the Republic, on the fight against separatism (Les Mureaux, 02.10.2020) // The Ministry for Europe and Foreign Affairs. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/en/coming-to-france/france-facts/secularism-and-religious-freedom-in-france-63815/article/fight-against-separatism-the-republic-in-action-speech-by-emmanuel-macron (дата обращения: 25.11.2025).

[213] Loi du 24 août 2021 confortant le respect des principes de la République // République Française // Vie publique.fr. 25.08.2021. URL: https://www.vie-publique.fr/loi/277621-loi-separatisme-respect-des-principes-de-la-republique-24-aout-2021 (дата обращения: 26.01.2026).

[214] Fight against separatism – the Republic in action:… Op. cit.

[215] Англ. *French Council of the Muslim Faith.*

тия» утверждает, что ислам и ценности Республики «полностью совпадают», делает акцент на значимости отделения религии от государства[216].

Подписанты (шесть федераций) взяли на себя обязательство учредить Национальный совет имамов, который будет курировать процесс подготовки служителей мечетей во Франции. Остальные три крупных организации – Координационный комитет турецких мусульман во Франции (ККТМФ), Исламская конфедерация Милли Горюс и Движение за веру и практику – отказывались одобрить «Хартию». Анализ выдвинутых ими аргументов, по мнению многих экспертов, даёт основания для их интерпретации как «близких к радикализму». Так, они определяли «Хартию» как проявление «исламофобии», упрекая власти в том, что те якобы «препятствуют мусульманам жить своей жизнью», пытаются «подменить исламские ценности ценностями французскими». Более того, они настаивают на праве и даже «обязанности мусульман» публично демонстрировать религиозные символы, соблюдать повсеместно требования пятикратного моления в течение дня и т.д. Например, руководитель ККТМФ Ибрагим Алчи утверждал следующее: «Исламская религия, которая основывается на Коране и Сунне, не может быть сведена к (требованиям – А.Ш.) какого-либо общества и идеологическому дискурсу. Ислам – религия универсальная»[217]. Ему вторили и руководители других двух родственных организаций. Подобные заявления сокращали пространство компромисса, достигнутого властями с шестью другими федерациями, входящими в состав ФСИВ.

Важно подчеркнуть, что федерации-«отказники» опираются главным образом на общины турецких мусульман во Франции. Проблема, однако, в том, что «чисто турецких особенностей» в трактовках религиозных догматов и позициях этих организаций в действительности не так много – они по факту яв-

[216] Bermingham P.-P. France issues charter for imams meant to fight «political Islam» // Politico. 18.01.2021. URL: https://www.politico.eu/article/france-political-islam-charter-imams-fight/ (дата обращения: 25.01.2026).

[217] Turkish Muslim groups in France oppose anti-Islam bill // Daily Sabah. 10.02.2021. URL: https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkish-muslim-groups-in-france-oppose-anti-islam-bill (дата обращения: 10.01.2026).

ляются воплощением установок, характерных для международной ассоциации «Братья-мусульмане». Сама же ассоциация БМ, несмотря на ряд аспектов её учения, считавшихся в либеральных кругах ЕС «модернизаторскими», была и остаётся носителем «политического ислама». Доктрина «братьев» нацелена на утверждение доминирования ислама в государстве и обществе, на создание исламского государства всеми возможными способами, в т.ч. и через участие в избирательном процессе.

3.2. «Братья-мусульмане» (сунниты): исламисты-революционеры

До последнего времени группировки «Братьев-мусульман» и олицетворяемое ими религиозно-политическое течение в Европе редко относили к радикальным. На фоне деятельности «Аль-Каиды» и «Исламского государства» многие европейцы склонялись к восприятию сторонников БМ как умеренных, договороспособных и полезных, в частности, в контексте их нараставшего противостояния с радикальными и террористическими группировками[218]. Другая причина толерантного отношения к БМ – конфликт между «братьями» и арабскими монархиями Персидского залива. Последние традиционно рассматривались в Европе как авторитарные режимы, а их оппоненты, т.е. «Братья-мусульмане», скорее – как борцы с авторитаризмом.

В данном случае речь идёт о конфликте двух концепций и политических моделей исламизма в среде суннитов. Первая (монархическая) – «исламизм для общества» (религиозные принципы используются как механизм регулирования общественных отношений при гарантии сохранения привилегированного положения правящих семейных кланов). Эта модель основана на учении салафитов («религия выше политики и вне политики») и фокусируется на тщательном соблюдении в повседневной жизни последователями весьма жёстких религиозных норм, а главное, отстаивает/навязывает неучастие мусульман в общественной и особенно политической жизни арабских монархий (кроме Катара, Омана и Кувейта) или другой страны их пребывания.

[218] Шумилин А.И. «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой (ч. 1) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 147–154. DOI: 10.15211/vestnikieran62021147154

По сути, на наш взгляд, эта концепция и практика нацелены на создание канала выхода/вывода религиозно мотивированной энергии и динамики среди населения за пределы системы общественных отношений и государственных институтов. В наибольшей степени данный тип исламизма характерен для Саудовской Аравии, ОАЭ и Бахрейна[219].

Концепция «братства» воплощает иной тип исламизма, который часто называют политическим исламом. Исследователь из Норвегии Аре Кнудсен так описывает этот феномен: «В то время как Хасан аль-Банна призывал к постепенному преобразованию общества (эволюционный подход), его преемник Саид аль-Кутб[220] стремился к свержению традиционных в арабском мире правителей с целью установления исламского государства (революционный подход). Аль-Кутб перенаправил вектор джихада от противостояния внешним врагам ислама на внутреннюю борьбу за контроль над государством. Это дало исламистам мощное моральное оружие: современный джихад как средство очищения от "чужеродной скверны" и право на справедливое восстание. Этим объясняются две особенности исламизма БМ: оставаясь противоположностью западным идеологическим концепциям, он долгое время избегал конфронтации с Западом. Скорее, антизападные настроения в значительной степени перенаправляются лидерами "братьев" на борьбу с автократическими режимами[221] на Ближнем Востоке»[222]. Подобное отношение европейцев к «мусульманскому братству» вряд ли правильно списывать на их «наивность». Оно формировалось на протяжении десятилетий под влиянием порой парадоксальных исторических перипетий, особенно эпохи заката колониальных империй.

В современной историографии первые волны прибытия мусульман из арабских стран и Турции в Европу принято относить к категории «трудовой» миграции и определять по времени с конца 1950-х до 1970-х годов. Между тем этим волнам предше-

[219] Шумилин А.И. Ближневосточные конфликты сегодня:… Указ. соч.
[220] Основоположник концепции революционной миссии БМ (1906–1966).
[221] Важно иметь в виду, что исламисты «братства» обвиняют арабские монархические режимы в «коррумпированности западными элитами».
[222] Knudsen A. Political Islam in the Middle East. Bergen: Chr. Michelsen Institute, 2003. 32 p.

ствовали наплывы беженцев из упомянутых стран, которые во многих случаях рассматривались как политические. Среди них – сторонники свергавшихся на протяжении 1950-х гг. в Египте, Сирии и Ираке монархических элит, а также их политические оппоненты – активисты ставшего к тому времени влиятельным движения «Братьев-мусульман».

Во всех перечисленных странах приверженцы БМ приняли участие в антимонархических революциях, где ведущими силами, однако, были светские группы «свободных офицеров». Вскоре после свержения монархов военные вступили в конфликт с фанатичными «братьями». Острота противостояния между ними проявлялась по-разному: если в Египте правительство после попытки убийства ими лидера революции Гамаля Абделя Насера в 1954 г. поставило ассоциацию под запрет[223], то в Сирии представители БМ после военного переворота 1951 г. заседали в парламенте и даже входили в правительство: создатель и лидер БМ в этой стране Мустафа ас-Сибаи активно продвигал концепцию участия «братства» в политической жизни[224]. В Ираке «братство» было оформлено в виде «Исламской партии Ирака» в 1960 г., но уже год спустя запрещено революционными властями[225].

Если в Сирии и Ираке структуры БМ изначально формировались в условиях легальности, то их «материнская организация» (её долгое время называли словом «джигаз» – «аппарат») в Египте создавалась и функционировала в подполье вплоть до революции «свободных офицеров» в 1952 г. Тогда она сражалась за освобождение страны от британского колониализма. В течение двух лет организация получила возможность действовать относительно легально (в условиях официального запрета на политические партии с религиозным уклоном БМ функционировала как формально «благотворительная» структура).

---

[223] McDermott A. Egypt from Nasser to Mubarak: a flawed revolution. New York: Routledge, 1988.

[224] Ахмедов В. Роль «Братьев-мусульман» в сирийском восстании // Институт Ближнего Востока. 24.03.2015. URL: http://www.iimes.ru/?p=23952 (дата обращения: 28.12.2025); Samir A. Syria: a monopoly on democracy // Le Monde diplomatique. 11.07.2005. URL: https://mondediplo.com/2005/07/11syria (дата обращения: 28.12.2025).

[225] Godlas A. The Muslim Brotherhood in Iraq // Uga.edu. 27.08.2010. URL: http://islam.uga.edu/muslim_brotherhood_iraq.html (дата обращения: 28.12.2025).

Скрытность, конспирация, маскировка под легальные организации стали главными отличительными чертами базовой (т.е. египетской) модели группировок «Братьев-мусульман», которую в условиях официального запрета со стороны властей и подполья успешно осваивали и копировали практически все ответвления этого движения в арабском мире. С конца 1950-х – начала 1960-х гг., вынужденные эмигрировать из стран с революционными режимами, «братья» находили поначалу убежище в арабских монархиях Залива, где со временем они начали подвергаться довольно жёсткому обращению со стороны властей. Тогда многие из них устремились в Европу, куда они получали почти беспрепятственный доступ. Самым ярким символом их экспансии на европейский континент стало учреждение в 1960 г. в германском Мюнхене Исламского центра (торжественно открыт в 1973 г.) под руководством Саида Рамадана, зятя основателя БМ Х. аль-Банны[226]. Другой известный активист преследовавшегося египетскими властями «братства» – Юсеф Нада – перебрался в конечном счёте в Австрию[227], где основал ячейку БМ. Можно привести и множество других примеров.

Почему именно Европа оказалась в тот период более благоприятным местом, чем исконные для исламистов страны Ближнего Востока? Фундаментальных причин несколько. Большинство аналитиков приводят прежде всего две очевидные: первая – геополитические расчёты европейских элит в период холодной войны с СССР, что связано со становившейся после Суэцкого кризиса 1956 г. всё более просоветской позицией Г. А. Насера и близкого к нему руководства Сирии; вторая – преобладание ценностных ориентиров в подходе европейцев к международным делам, т.е. отстраивание политики предоставления убежища преследуемым по политическим мотивам в других странах[228]. Как пишет известный американский аналитик Лорен-

[226] Arredondas M. The Muslim Brotherhood threat in Europe // Atalayar. 30.04. 2021. URL: https://atalayar.com/en/content/muslim-brotherhood-threat-europe (дата обращения: 05.02.2026).
[227] Ibid.
[228] Kondral A. The Muslim Brotherhood in Europe: organisational and ideological trans formation // Journal of the Belarusian State University. 2020. № 4. С. 80–90. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-4-80-90; Шумилин А.И. «Братья-мусульмане»

цо Видино, «распространение на «братьев» свобод западного общества позволило им заниматься (в странах Европы – А.Ш.) тем, за что они преследовались у себя на родине»[229].

Неудивительно, что по причине имманентно присущей БМ «революционности», сопровождаемой многоликим характером их деятельности (сочетание легальных и нелегальных методов, конспирации), правящие в арабских монархиях семейные кланы сначала (с середины 1950-х гг.) попытались поставить «братьев» под контроль, а затем предпочли и вовсе избавиться от них как от источника угроз. Да и для самих «братьев» стало очевидно, что их пребывание на территории монархий с контролируемым «исламизмом общества» бесперспективно с точки зрения реализации их целей и задач, для чего необходимы такие условия, как наличие политического пространства, определённых свобод и плюрализма. Всё это имелось в достатке в странах Европы. Туда и устремились с конца 1950-х – начала 1960-х гг. приверженцы прежде всего исламизма в стиле «Братьев-мусульман».

Вместе с тем есть ещё один феномен, связывавший сторонников «братства» с некоторыми странами Европы. Установлено, что первоначально «братья» предпочитали страны с населением, в основном говорящим на немецком языке (ФРГ, Австрия, Швейцария). Этот факт согласуется с результатами исследований, подтвердившими тесные связи активистов БМ с нацистами в годы Второй мировой войны. На самом деле в этом нет ничего удивительного, поскольку многие политические и политико-религиозные активисты, в частности в Египте и подмандатной Британии Палестине, взаимодействовали с гитлеровцами с известной целью – изгнать англичан[230].

в Европе: между религией и политикой. Ч. 1. Указ. соч.

[229] Vidino L. Programme on extremism. The Muslim Brotherhood in Austria // Washington: George Washington University. 2017. 50 p. URL: https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs2191/f/MB%20in%20Austria-%20Print.pdf (дата обращения: 05.01.2026).

[230] Montemayor J. Historiographical Perspectives of the Third Reich: Nazi Policies towards the Arab World and European Muslims // NETSOL New Trends in Social and Liberal Sciences. 2017. Vol. 2, Iss. 2. P. 16–30. DOI: 10.24819/netsol2017.07. URL: https://www.researchgate.net/publication/321986343_Historiographical_Perspectives_of_the_Third_Reich_Nazi_Policies_towards_the_Arab_World_and_European_Muslims (дата обращения: 05.01.2026).

Уместно в этой связи процитировать следующий абзац из статьи Тони Дьюхома, авторитетного исследователя проблематики, связанной с исламистским экстремизмом: «“Братья-мусульмане” так же, как и ХАМАС, “Аль-Каида”, “Исламский джихад” и ИГ во многом основывают свою идеологию на учениях ряда просветителей и философов, находившихся под влиянием Адольфа Гитлера. Аль-Банна настолько почитал нацистского лидера, что изменил в переводе на арабский название *Mein Kampf* («Моя борьба») на *My Jihad*. Хранил аль-Банна у себя и экземпляры антисемитской газеты *Der Sturmer,* таблоида, публиковавшегося ненавистником евреев Юлиусом Штрайхером в адаптированной для арабских читателей версии»[231].

Похоже, что при выборе мест своего пребывания в Европе исламисты «братства» прагматически использовали свои сложившиеся за годы войны связи и контакты в упомянутых немецкоязычных странах, хотя население там подверглось, как известно, основательной денацификации. Со временем активисты БМ создали ячейки и организации на всем европейском пространстве.

На волнах «арабской весны» (после 2011 г.) многие активисты БМ возвращались из Европы в некоторые арабские страны, чтобы интегрироваться в политические структуры, находившиеся под влиянием де-факто легализованных группировок «братства». Это происходило в Тунисе, Ливии, Египте (до 2013 г.). В странах, охваченных гражданскими войнами (Сирии и Йемене), они пополняли ряды оппозиционных властям вооружённых формирований. Однако на протяжении последнего десятилетия позиции и влияние сторонников «Братьев-мусульман» в арабских странах заметно ослабевали под нараставшим натиском их оппонентов – политиков, аффилированных со светскими и националистическими силами. Два ключевых события знаменовали очевидный закат БМ и «политического ислама» в целом. Это арест 28 августа 2020 г. руководителя действовавшего в подполье египетского «братства» Махмуда Эззата[232] и отстранение 25

[231] Duheaume T. The Nazi roots of Muslim Brotherhood // Al Arabiya News. 27.06.2018. URL: https://english.alarabiya.net/features/2018/06/27/ANALYSIS-The-Nazi-roots-ofMuslim-Brotherhood (дата обращения: 05.01.2026).

[232] Implications from the arrest of an Islamist extremist leader in Egypt // Europe-

сентября 2021 г. Рашида Ганнуши, «исторического лидера “Ан-Нахды”» в Тунисе, с руководящей позиции в этой исламистской партии (его попытка вновь переизбраться провалилась)[233]. Как справедливо отмечает арабский эксперт Хусейн Ибиш, постепенный уход БМ с политической сцены в арабских странах во многом объясняется тем, что сегодня эта организация оказалась в ситуации, когда «её отвергают практически все». А именно, поясняет Ибиш, в таких странах, как Ливия и Сирия, где всеобщий протест против диктатур обернулся гражданской войной, «братство» рассматривается его сторонниками как недостаточно радикальное образование, чтобы на полях сражений (т.е. применяя жёсткую силу) соперничать с исламистами джихадистской направленности (ИГ и «Аль-Каида»). А в странах, где революции протекали и завершились мирно, люди, наоборот, воспринимают БМ как организацию, слишком близкую к джихадистам, «разделяющую с ними многие общие цели»[234].

Нарастающее политическое давление в «поствесенних» арабских странах подталкивало многих активистов «братства» вновь перемещаться в страны Европы и Турцию, где на рубеже 2020-х гг. для них сохранялись достаточно благоприятные условия пребывания. Ситуация же в этом плане в Турции не требует углублённых объяснений – с начала 2000-х гг. политические позиции местных сторонников «братства» там неуклонно укреплялись. Достаточно отметить, что главной политической фигурой, символизирующей данный процесс, неизменно остаётся Р. Т. Эрдоган, президент Турецкой республики и лидер Партии справедливости и развития, считающейся структурой, по многим параметрам идеологически близкой к БМ. Некоторые эксперты называют эту партию «турецкой версией “Братьев-мусульман”».

Примечательно, что вплоть до 2020-х гг. постоянно возрас-

---

an Eye on Radicalization. 30.08.2020. URL: https://eeradicalization.com/implications-from-the-arrest-of-an-islamist-extremist-leader-in-egypt/ (дата обращения: 05.01.2026).

[233] Brésillon T. Ennahda or the cost of recognition // Arab Reform Initiative. 26.11.2021. URL: https://www.arab-reform.net/publication/ennahda-or-the-cost-of-recognition/ (дата обращения: 05.01.2026).

[234] Review: «The Muslim Brotherhood’s Pan-European Structure»// European Eye on Radicalization. 12.11.2021. URL: https://eeradicalization.com/review-the-muslim-brotherhoods-pan-european-structure/ (дата обращения: 26.04.2022).

тала роль информационного центра, созданного в Лондоне ещё в начале 1990-х гг. активистами БМ (в основном выходцами из Египта). Одновременно расширяли свою деятельность в общественном пространстве различного рода организации и группировки под контролем руководящего ядра «братства». Исламисты, как уже отмечалось, успешно использовали демократические нормы, определяющие политическую и общественную жизнь в Великобритании (в частности, свободу слова, собраний и организаций). Опираясь на мощный медийный ресурс (формировавшийся в основном на двух языках – английском и арабском), лидеры британской ветви БМ смогли распространить своё влияние не только на соратников в Европе, но и во многих странах Ближнего Востока, в Турции, а также среди мусульман Индии и Пакистана. Заметим, что в отличие от группировок «братства» в других странах Старого Света британское сообщество БМ формировалось как мультиэтничное. В результате сменявшие друг друга его руководители начали признаваться сподвижниками во многих странах мира в качестве неформальных, но реальных авторитетов всего движения. Это связано с такой имманентно присущей исламу в целом характеристикой, как отсутствие институализированной иерархии, той, которая сложилась на протяжении столетий и сохраняется сегодня, например, в католичестве (папа римский), православии (патриарх) или буддизме.

Ситуационно центры притяжения и пребывания признанного авторитета в движении «Братьев-мусульман» заметно менялись на протяжении последних двух десятилетий. С «историческим прорывом» к вершинам власти в рамках отдельно взятого государства – в Египте, где в 2012 г. президентом был избран фактически[235] представитель «братства» М. Мурси – руководство египетского ядра движения обрело широкое признание среди единомышленников во всём мире. После же свержения Мурси военными в июле 2013 г., разгрома ячеек БМ и упомянутого ареста М. Эззата, признанного в качестве «Верховного руководителя», многие активисты «братства» поспешили вернуться в Европу, а также частично перебрались в Турцию – под прямую

[235] М. Мурси был выдвиженцем от Партии свободы и справедливости, формально не связанной с движением «Братья-мусульмане» в Египте.

опеку окружения президента Р. Т. Эрдогана. В результате наряду с заметно реанимировавшимся лондонским центром БМ сформировался во многом альтернативный ему другой – в Стамбуле. Последний, по имеющимся оценкам, демонстрировал бóльшую активность, позиционируя себя в качестве преемника «подлинного братства», т.е. египетской ветви[236].

Между двумя центрами «братства» нарастало соперничество: статус находящегося в Лондоне Ибрагима Мунира, провозглашённого после ареста М. Эззата «Верховным руководителем», был опротестован большинством членов «Генерального Совета Шуры» – высшего консультативного органа движения, контролируемого исламистами в Стамбуле. Последние обвинили Мунира в злоупотреблении финансовыми средствами и потребовали утвердить вместо него кандидатуру Мустафы Толбы как переходную фигуру на срок в шесть месяцев. Руководство лондонской ветви отвергло данное требование. Возникло двоевластие[237].

Нынешний раскол между руководством «братства» в Лондоне и Стамбуле – не первый за десятилетие, последовавшее за «арабской весной». Ему предшествовало аналогичное событие в 2016 г., когда руководящие структуры движения разошлись не из-за стремления сторон контролировать финансовые потоки и информационные платформы, как это выглядит сегодня, а по более острой и, судя по всему, неразрешимой проблеме – развернулись дискуссии по вопросу о допустимости повышения уровня насильственных действий для достижения целей движения[238]. Понятно, что эти дискуссии были спровоцированы уже упомянутой тенденцией падения авторитета «умеренных исламистов» БМ в сравнении с более радикальными группировками, включая

[236] Turkey’s relationship with the Muslim Brotherhood // Al Arabiya Institute for Studies. 14.10.2013. 20.05.2020. URL: https://eeradicalization.com/review-the-muslim-brotherhoods-pan-european-structure/ (дата обращения: 29.12.2025).

[237] The Muslim Brotherhood Turns to Europe Amid Its Leadership Crisis // European Eye on Radicalization. 05.04.2022. URL: https://eeradicalization.com/the-muslim-brotherhood-turns-to-europe-amid-its-leadership-crisis/ (дата обращения: 28.04.2022).

[238] Disputes in Muslim Brotherhood Organization // MENA Research and Studies Center. 20.03.2022. URL: https://eeradicalization.com/review-the-muslim-brotherhoods-pan-european-structure/ (дата обращения: 20.04.2022).

джихадистов (ИГ, «Аль-Каида»). Заметим, что к повышению уровня насилия подталкивало «братьев» не только их участие в боевых действиях в Сирии и Ливии, где тон задавали радикальные группировки, но и террористические акты джихадистов в странах Европы. Они встречали там возрастающее «понимание» среди части мусульманских общин.

И всё же многие авторитетные аналитики полагают, что именно исход борьбы вокруг контроля над финансовыми потоками и информационными ресурсами определит перспективы БМ в целом. «С одной стороны, эти ресурсы необходимы для продвижения политических проектов движения. А с другой – без них невозможно решение задачи по проникновению самыми разными способами в (европейские – А.Ш.) общества и тем самым достижение цели постепенной исламизации регионов, на которые «братья» хотят распространить своё влияние», – подчёркивается в аналитической статье лондонского Центра исследований Ближнего Востока и Северной Африки[239].

Система самоорганизации разноплановых групп и структур, аффилированных с ядром «Братьев-мусульман» в странах Европы, не сильно отличается от организационных структур и *modus operandi* БМ в тех арабских странах, где «братство» пытается действовать в условиях подполья. Подчеркнём лишь, что определяющей в организационном плане была и остаётся традиционная (со времён основателя Х. аль-Банны) установка на секретность, избегание увязки различных групп с ядром БМ.

Уместно также добавить две следующие характеристики механизма реализации стратегии «братства», отмеченные в докладе расположенного в ОАЭ аналитического центра *TRENDS Research & Advisory*. Это т.н. «политика распыления» (минимизация горизонтальных и вертикальных связей лиц, вовлечённых в деятельность «братства», создание видимости их непричастности к структурам БМ), что, говорится в докладе, является «ключевым инструментом исламистов для проникновения в европейские общества». А также установка на уничтожение всех свидетельств возможной причастности БМ к террористическим актам в странах Европы. Европейцы, подчёркивается в докладе, дол-

[239] Ibid.

жны воспринимать «Братьев-мусульман» как движение, олицетворяющее «умеренную версию политического ислама» и противостоящее экстремистским группам и течениям[240].

Отношение европейцев к БМ менялось по мере укрепления позиций сторонников «братства» в мусульманских общинах Старого Света, повлёкшее за собой их внедрение в сферу внутренней политики стран пребывания. Среди европейских аналитиков и политиков, обеспокоенных этим явлением, в последние годы преобладает точка зрения, согласно которой приверженцы умеренного, «ненасильственного исламизма» («монархического» или «братского») расходятся с экстремистами ИГ главным образом в тактике достижения общей цели. По мнению исследовательницы Ильхам Манеа (йеменка, проживающая в Швейцарии), «оба эти направления (насильственное и ненасильственное – А.Ш.) преследуют единую конечную цель – создание исламистского государства. Сторонники обоих направлений продвигают концепции военного или миссионерского джихада против врагов ислама, включая страны Запада, а также идею контроля мужчин над женщинами»[241]. По словам одного из видных идеологов «братства» Али Саллаби, ключевой термин БМ – *тамкин* – должен пониматься как «доминирование ислама над всеми другими религиями, его суверенности над всем человечеством»[242]. Эта цель должна достигаться, по его мнению, постепенно – как посредством духовного «совершенствования» общества снизу вверх, так и через формирование исламистского авангарда, тщательно подготовленных активистов, глубоко инфильтрированных во все сферы общества страны пребывания[243].

---

[240] Mohamed J. Islamist political groups in Europe: tools, tactics, and mechanisms // Trends Research & Advisory. 04.04.2021. URL: https://trendsresearch.org/insight/islamist-political-groups-in-europe-tools-tactics-and-mechanisms/ (дата обращения: 05.01.2026).

[241] Manea E. Tackling militant islamism means also confronting its non-violent forms // Friends of Europe. 05.05.2015. URL: https://www.friendsofeurope.org/insights/tackling-militantislamism-means-also-confronting-its-non-violent-forms/ (дата обращения: 23.10.2025).

[242] Burr J. M., Ehrenfeld R. Libya – Ali al-Salabi and the re-emerging Muslim Brotherhood // ACDemocracy. 13.10.2014. URL: https://acdemocracy.org/libyaali-al-salabi-and-the-re-emerging-muslim-brotherhood/ (дата обращения: 23.12.2025).

[243] Stott P., Virgili T. Network of Networks: The Muslim Brotherhood in Europe // ECR Group. Oct. 2021. URL: https://ecrgroup.eu/files/MuslimBrotherhood.pdf

Важной особенностью работы сторонников и активистов БМ в странах Европы остаётся навязанная им руководством «братства» установка скрывать участие в политической жизни страны пребывания. Используемый ими внутренний регламент позволяет действовать открыто (демонстрировать собственный флаг и название) только в случае работы в легальных организациях, преследующих формальную цель добиться равноправия мусульман в общественной жизни или противодействовать исламофобии. Например, широкий резонанс и возмущение значительной части французов вызвало письмо, направленное в начале марта 2021 г. в адрес председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен Международной коалицией против исламофобии. В нём выражен протест против «чрезмерно острой реакции государства» на убийство (обезглавливание) исламистским террористом учителя Самуэля Пати в октябре 2020 г. и содержались обвинения французских властей в исламофобии. «Исламофобскими» были названы практически все законы страны, затрагивавшие религиозную тематику. На самом деле они утверждали приоритет республиканских (светских) ценностей. Спецслужбы установили, что большинство подписавших это протестное воззвание оказались активистами или посредниками группировок БМ[244]. В результате власти расценили обращение как попытку «братьев» подорвать общенациональный консенсус в крайне чувствительных вопросах сочетания религиозных и светских ценностей во Франции.

Приведённый выше инцидент – пример воздействия на власти и настроения в стране через каналы гражданского общества. Однако в последние годы выявляется всё больше попыток внедрения «братьев» непосредственно в политические процессы Франции и других стран ЕС. С этой целью активисты БМ взаимодействуют с партиями, правозащитными и общественными организациями левого толка, чтобы выдвинуться от них кандидатами и получить мандат по результатам выборов в органы власти различных уровней[245].

(дата обращения: 06.01.2026).

[244] Islamist Lawfare against the European Union // European Eye on Radicalization. 12.04.2021. URL: https://eeradicalization.com/islamist-lawfare-against-the-european-union/ (дата обращения: 20.04.2025).

[245] Islam in France: the Brotherhood, terrorism, and treatment // Al-Mesbar Studies

Масштабы и последствия такого альянса беспокоят экспертов и политиков стран Европы. Например, в докладе «Исламизм и левые силы» Джон Дженкинс, известный британский дипломат и эксперт по вопросам экстремистских идеологий в арабских странах, пишет: «Необходимо провести дебаты с целью максимально прояснить природу отношений исламистов и левых критиков существующего во Франции порядка. Этот альянс значительно окреп за последние два десятилетия, подпитываемый смешением дискурсов, которые по любому нормальному стандарту должны быть объективно несовместимыми: с левыми это произошло, скорее всего, по недомыслию; со стороны же исламистов это был тайный умысел»[246].

По мнению экспертов и правительственных чиновников ряда стран ЕС, в наиболее явном виде взаимодействие исламистов с левыми (исламо-гошизм[247]) обнаруживается в академических кругах, т.к. в большинстве ведущих стран Запада в этой среде, прежде всего среди профессорско-преподавательского состава, заметно доминируют левацкие взгляды и позиции. Озабоченность французского правительства данным феноменом высказала в феврале 2021 г. Фредерик Видаль, министр по делам высшего образования, исследований и инноваций. В частности, она призвала провести расследование с целью прояснить феномен исламо-гошизма во французских университетах и очертить границу «между академическими исследованиями и общественной активностью (студентов и преподавателей – А.Ш.) в выражении своих мнений и позиций»[248].

Министр указала на то, что во многих вузах страны в последние годы были сформированы факультеты и департаменты с целью углублённого изучения проблем стран Арабского Востока и Турции. Они, как правило, финансируются правительст-

---

& Research Center. 05.03.2019. URL: https://mesbar.org/islam-in-france-the-brotherhood-terrorism-and-treatment/ (дата обращения: 22.08.2025).

[246] Jenkins S. Islamism and the Left. An essay in two parts. London: Policy Exchange, 2021. P. 71.

[247] Фр. *Islamo-Gauchisme*, *gauche* – левый.

[248] Darmanin J. French minister wants inquiry into so-called Islamo-leftist bias in academia // Politico. 17.02.2021. URL: https://www.politico.eu/article/french-minister-wants-inquiryinto-socalled-islamo-leftist-bias-in-academia/ (дата обращения: 05.01.2026).

вами ряда арабских стран, но главным образом Катаром, Турцией и Саудовской Аравией. Если Доха и Анкара воспринимаются в странах ЕС как спонсоры структур, связанных с «Братьями-мусульманами», то Эр-Рияд утверждает, что осуществляет свою образовательную и просветительскую деятельность в университетах Европы с целью нейтрализовать влияние своих региональных соперников – Катара и Турции – в академической среде Старого Света[249].

Например, финансируемый Саудовской Аравией аналитический центр «Эль-Месбар»[250] продвигает концепцию невмешательства мусульман в политическую жизнь страны пребывания. Его руководство пытается оперировать принятыми во Франции понятиями и терминами и рассматривает связанную с БМ проблематику с учётом вопросов безопасности для граждан ЕС. Так, в изданной в марте 2019 г. экспертами «Эль-Месбара» монографии отмечается, что «существование во Франции организационных структур исламистских движений создаёт прямую угрозу национальной безопасности страны… На протяжении десятилетий они стремились создать твёрдую базу поддержки, игнорируя уникальный характер других обществ, их естественную траекторию развития»[251].

Подчёркнем, что противодействие арабских монархий «Братьям-мусульманам» в Европе объясняется их особой трактовкой идей салафизма, обосновывающих необходимость сохранения статус-кво, прежде всего, в самих монархиях для обеспечения устойчивости правящих режимов. По удачной формулировке И. Манеа, в отличие от революционной доктрины «братьев» салафиты воплощают концепцию «исламизма общества» (или «исламизма для общества» – *Societal Islamism*). Она фокусируется на требовании к последователям тщательно соблюдать религиозные нормы в повседневной жизни, а также отстаивает/навязывает установку на их неучастие в общественной и особенно политической жизни страны пребывания[252].

---

[249] Шумилин А.И. Франция: Республика против «политического ислама». Ч. 2. Указ. соч.
[250] Англ. *Al-Mesbar Studies & Research Center*.
[251] Darmanin J. French minister wants inquiry into so-called Islamo-leftist… Op. cit.
[252] Manea E. Tackling Militant Islamism means also confronting… Op. cit.

Более точное понимание существующего на протяжении двух с лишним веков соотношения государства и религии в Саудовской Аравии предлагает один из крупнейших в Европе экспертов по исламизму Жиль Кепель. В частности, он делает акцент на абсолютном праве толковать нормы ислама в королевстве группой «учёных улемов», что исключает легальность и приемлемость любых других интерпретаций религиозных догм – особенно всякого рода представителями «народного ислама», групп на низовом локальном уровне. В своей фундаментальной работе под названием «Джихад: экспансия и закат исламизма», изданной в России в 2004 г., Ж. Кепель пишет следующее: «Саудовская монархия видит свои корни и причины своего процветания в союзе, заключённом в 1745 г. между эмиром Мухаммадом Ибн Саудом и пуританским реформатором Мухаммадом Ибн Абд эль-Ваххабом (1703–1792) – борцом с «суевериями», повинными в искажении первоначального ислама. В результате этого союза возникла *ваххабитская идеология*, знакомство с которой имеет первостепенное значение для понимания сути современного суннитского исламизма, выросшего из идей Аль-Кутба и Маудуди (индо-пакистанский исламовед, 1903–1979 гг. – А.Ш.), поскольку с ним она имеет важные общие доктринальные положения. Среди них – установка на возврат к основам ислама, исключение любых толкований догмы (кроме как «учёными улемами» – А.Ш.), строгое соблюдение всех установлений и запретов в областях права, морали, частной жизни и т.д. Она (идеология ваххабизма – А.Ш.) является носительницей исключительного социального консерватизма, в то время как исламизм может выступать знаменем как революционных, так и консервативных социальных групп»[253].

Опасения Саудовской Аравии и ОАЭ применительно к деятельности группировок БМ в странах Европы понять не трудно, поскольку там они остаются наиболее сплочёнными сообществами в мусульманской среде. Часть европейских политиков, не общаясь напрямую и открыто с представителями «братства», тем не менее иногда ориентируются на их позицию. Фактор ра-

[253] Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: НИЦ «Ладомир». 2004. С. 55.

стущего влияния БМ во внутренней политике стран ЕС начинает оказывать воздействие и на формирование их внешнеполитических установок. Это заметно на примере выстраивания европейским истеблишментом отношений с Турцией. Можно выделить, например, такую закономерность: чем больше сложностей между какой-либо страной Евросоюза и Турцией, тем больше вероятность повышения напряжённости в ЕС в социальной и политической областях. Многие европейские правительства стараются избегать осложнений в отношениях с турецкими общинами, за которыми порой явственно просматривается тень их заступника – Р. Т. Эрдогана.

Эксперты утверждают, что деятельность БМ вплетена в большинство важных сфер европейских обществ. Дэмон Л. Перри, автор доклада под названием «Исламское движение в Великобритании», опубликованного в конце 2020 г. Международным центром по изучению проблем радикализации и насилия, делает вывод: «Доха инвестирует огромные суммы по каналам благотворительности в проекты, ассоциированные со структурами “Братьев-мусульман”. Анализ этих усилий показывает не только глубину проникновения Катара в мусульманские общины Британии и других стран Европы, но также вскрывает глубину взаимного переплетения и взаимодействия британских, европейских и катарских организаций. То же самое наблюдается и со стороны Турции»[254].

Исследователи исламского радикализма Л. Видино и Серджио Алтуна следующим образом определяют угрозы, исходящие от идеологии и практики БМ для Европы: «Первое: сети БМ постоянно вовлекаются в различные сферы (европейских обществ – А.Ш.) – как финансовые, так и политические… Второе: есть немало примеров помощи и поддержки, которую оказывают “братья” в Европе своим соратникам в Палестине (ХАМАС), Сирии и Ливии, практикующим насилие. Третье: активисты БМ навязывают мусульманам в Европе нарратив, согласно которому те якобы становятся жертвами несправедливой политики местных властей. Тем самым они работают на разрушение ткани

[254] Perry D. L. The Islamic Movement in Britain. ICSR. London: King’s College London, 2020. 100 p.

общественной солидарности. Исламисты разделяют общество на “своих” и “чужих”»[255].

На фоне религиозно-политической активности исламских организаций европейский континент всё очевиднее становится пространством противостояния двух групп ближневосточных государств-соперников внутри суннитской ветви ислама. «Водоразделом» является их отношение к организации БМ. В первую группу входят Саудовская Аравия и другие арабские монархии (кроме Кувейта и Катара), а также Египет, Иордания, Ирак и страны Северной Африки; во вторую – Турция и Катар[256]. Их соперничество включает борьбу за общественное мнение в Европе. Активисты обоих лагерей стремятся укрепить свои позиции на континенте: одни (сторонники Турции и Катара) – через поддержку структур БМ[257], а другие наоборот – через разоблачение широкого спектра угроз со стороны деятельности «братства» для настоящего и будущего европейцев.

Осознание «родства» исламистов разных типов, судя по всему, начинает в последние годы брать верх в истеблишменте большинства стран ЕС. На протяжении 2021 г. власти Франции непосредственно сталкивались со структурами БМ и связанными с ними организациями, а в Австрии эта проблема в полном формате проявилась после теракта в конце 2020 г. В политических кругах стран ЕС заметно вырос запрос на экспертные оценки деятельности группировок, руководствующихся идеями «ненасильственного исламизма», в первую очередь – БМ.

В конце 2021 г. во многих странах европейского сообщества получили широкое распространение несколько аналитиче-

---

[255] Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood’s pan-European structure. Vienna: Austrian fund for the cocumentation of religiously motivated extremism, 2021. 279 p.; Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood in Germany and Austria // Vienna: Austrian fund for the documentation of religiously motivated extremism, 2022. 55 p.

[256] Шумилин А.И. Франция: Республика против «политического ислама». Ч. 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 54–61. DOI: 10.15211/vestnikieran120215461

[257] McElroy D. Qatari and Turkish support for Muslim Brotherhood networks exposed in 100-page report // The National. 30.09.2020. URL: https://www.thenationalnews.com/world/qatari-and-turkish-support-for-muslim-brotherhood-networks-exposed-in-100-page-report1.1086230 (дата обращения: 05.01.2026).

ских докладов на эту тему. Если суммировать, то в них авторы, как правило, утверждают два главных тезиса: *первый* – группировки и структуры «Братьев-мусульман» и салафитов, несмотря на официально заявленный «мирный» характер их деятельности, пользуются инструментами и условиями демократии для достижения собственных целей, которые предполагают разрушение демократических систем; *второй* – эти силы не могут и не должны считаться приоритетными представителями мусульманских общин, на роль которых «братья» претендуют на протяжении последнего полувека в Европе.

Ниже мы сфокусируем внимание на положениях и выводах двух наиболее, по нашему мнению, качественных и резонансных докладов экспертов-аналитиков, изданных в октябре 2021 г.: в Австрии под названием «Общеевропейские структуры “Братьев-мусульман”»[258] и группы ЕКР[259] Европарламента – «Сеть сетей: “Братья-мусульмане” в Европе»[260]. Во многом благодаря этим фундаментальным исследованиям сегодня появилась возможность получить целостную картину того, что представляют собой БМ в странах Европы. Выясняется, что, по сути, это та же система, сочетающая организации официальные и скрытые, де-факто подпольные и полуподпольные группировки, которая была выстроена «братьями» сначала в Египте (после выхода из подполья в 1952 г.), а затем в Сирии и Ираке. Сказывается, разумеется, их способность к адаптации конкретно к европейской среде и с учётом фактора технологического прогресса.

Описание составных частей, да и всей системы БМ на пространстве Евросоюза в упомянутых докладах практически совпадает:

– отдельные мусульмане или их группы, которые *открыто заявляют о своей принадлежности к БМ*;

---

[258] Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood’s Pan-European Structure. Op. cit.

[259] ЕКР – созданная в 2009 г. Группа европейских консерваторов и реформистов из числа депутатов-правоцентристов, провозглашающих целью проведение реформ в ЕС на базе Пражской декларации от 03.06.2008 г. См. Prague Declaration on European Conscience and Communism // Senate of the Parliament of the Czech Republic. Prague. 03.06.2008. URL: https://praguedeclaration.eu/ (дата обращения 05.01.2025).

[260] Stott P., Virgili T. Network of networks:… Op. cit.

– мусульмане, которые *не афишируют своей принадлежности к БМ*, но регулярно посещают собрания «братьев» «в частном порядке»;

– *члены организаций*, созданных БМ или находящихся под их контролем и влиянием.

Такова основа повседневного *modus operandi* «Братьев-мусульман» в Европе. Авторы обоих докладов описывают сложившуюся систему отношений через термин «среда» – *le milieu*. Она достаточно замкнута – посторонние туда не допускаются без особого разрешения «куратора». Перечисленное выше можно отнести к опорным точкам «среды», но сама система, отмечают авторы докладов, значительно шире: она задействует скрытых соратников БМ, занимающих посты в самых разных государственных структурах и общественных организациях. Примечательно, что современные поклонники Х. аль-Банны и сегодня ссылаются на его указания и рекомендации касательно организационных аспектов деятельности БМ. В частности, они упоминают «Письмо к молодёжи», в котором «Учитель» изложил свои представления об особенностях функционирования БМ.

Основной акцент он делал на идее «пирамидальной структуры», которая начинается с опоры на отдельного индивида, а заканчивается «исламизацией всего мира» (скорее, речь о «перевёрнутой пирамиде»). Привлечение отдельного человека невозможно без его «индивидуальной индоктринации». Тот, в свою очередь, вовлечёт в орбиту свою семью и родственников – тем самым будет создана основа для «исламизации общества», которое со временем возьмёт под контроль государственные структуры. Затем последует объединение исламской «уммы», что приведёт к преодолению границ между государствами, сопровождаемое «возвращением мусульманам земель, которые когда-то им принадлежали, но были завоёваны Западом»[261].

В современной версии А. Саллаби, подчёркивают авторы доклада ЕКР, следующим образом «освежает» рекомендации «Учителя», подразделяя стратегическую линию на фазы реализации: 1) *презентация* (пропаганда) ислама среди широкой аудитории; 2) *отбор* индивидов, которые с учётом их «духовной

[261] Ibid.

зрелости» и физических данных в состоянии выполнять специфические акции, включая в случае необходимости самопожертвование; 3) *выявление ошибок* и просчётов руководства БМ; 4) *создание* исламистского государства[262].

Если авторы обоих докладов совпадают в изложении структуры БМ и специфики деятельности «братьев» в целом, то в документе ЕКР заметны акценты на положениях, которые могут повысить градус враждебности читателей по отношению не только к активистам БМ, но и мусульманскому сообществу в Европе в целом. Подчеркнём, что в упомянутых докладах обосновывается новый политический подход, способный привести европейский истеблишмент к отказу впредь воспринимать структуры БМ как «умеренные». Тем самым есть достаточно оснований говорить о завершении более чем полувекового периода «мирных взаимоотношений» между политическими кругами ЕС и группировками БМ на европейском пространстве.

Усилившиеся репрессии властей в большинстве арабских стран в отношении «Братьев-мусульман» там вновь, как и полвека назад, вынудили их сторонников перемещаться прежде всего в страны Европы, а также в Турцию. Если в Турции для них создаются благоприятные условия, поскольку правящие круги этой страны продолжают делать ставку на исламизм данного типа, то политический класс в Европе всё заметнее расстаётся с прежней толерантностью к «братьям», начиная сознавать масштаб угрозы, которую те представляют для европейских обществ. Об этом свидетельствует серия докладов авторитетных экспертно-аналитических центров, а также государственных органов в ЕС. Степень сопротивляемости европейцев перед лицом нарастания полуподпольной деятельности БМ явно повышается. Всё чаще группировки исламистов определяются как экстремистские и угрожающие безопасности стран Старого Света. Противодействие им нарастает со стороны правоцентристов, в то время как организации левого и левацкого толков склонны сотрудничать с экстремистами, которых они представляют в роли «борцов за равноправие мусульман». Между тем справедлива,

[262] Fourest C. Brother Tariq: the Doublespeak of Tariq Ramadan // New York: Encounter Books, 2008. 150 p.

на наш взгляд, оценка, согласно которой группировки БМ стали не только фактором внутренней политики в странах Европы, но и начинают оказывать воздействие на процесс формирования внешней политики там. Это особенно заметно в том, что касается отношений ЕС с такими странами, как Турция и Катар, активно поддерживающими БМ в регионе и на европейском пространстве.

3.3. «Хезболла» (шииты) в Европе: флаг Ливана, орудие Ирана

Усиление роли и голосов радикалов наблюдается в последнее время и в шиитских общинах стран Европы. Для оценки этого феномена следует принимать во внимание два обстоятельства: 1) шииты составляют не более 15% мусульманских сообществ в Европе, что во многом объясняет их компактное проживание и более высокую степень консолидации, чем это наблюдается среди суннитов – выходцев из различных стран часто с явными культурными различиями; 2) если традиционная основа суннитских общин «рабочая и семейная иммиграция» (без особых политических пристрастий), то шииты (а они в своём большинстве иранцы) перебирались в Европу главным образом под влиянием политико-идеологических факторов, а именно – как оппоненты и противники теократического режима в Тегеране.

Исторически одно из важных отличий шиитской иммиграции в странах Европы от суннитской состоит в следующем: с появлением внушительных доходов от начавшихся в 1950-е гг. разработки и экспорта нефти и газа правительства при шахе Реза Пехлеви в большом количестве направляли иранских студентов на обучение в американские и европейские университеты в рамках программы социально-экономической модернизации страны (по сути её «вестернизации»). К началу исламской революции 1979 г. таковых в странах Европы насчитывалось порядка 65 тыс. человек (плюс ещё около 40 тыс. в США и Канаде), подавляющее большинство которых после смены власти в Тегеране остались в стране пребывания (Великобритания, Западная Германия, Франция, Австрия и Италия). К ним в последовавшие за революцией месяцы присоединялись родственники.

Ряд исследователей склонен считать именно данный фено́-

мен «студенческой иммиграции» первой волной беженцев из Ирана[263], а начавшийся вскоре после неё массовый отток иранцев за границу – второй волной. Её составляли главным образом чиновники шахской администрации и их семьи, бизнесмены, приверженцы социалистических и либеральных взглядов. Стремилось эмигрировать немало семей с молодыми людьми (в попытке избежать призыва на военную службу в ходе начавшейся в 1980 г. войны Ирана с Ираком), а также девушки и молодые женщин, которые становились объектом дискриминации по гендерному признаку. Исследователь данной проблемы Ширин Хакимзаде (Иран) подчёркивает следующее: «Наличие дочери становилось определяющим фактором при принятии семьёй решения бежать из страны, поскольку постреволюционные власти обязывали женщин носить хиджаб, ограничивали в получении образования и принуждали к покорности в отношениях с мужчинами»[264]. В целом эта волна эмиграции из Ирана состояла в основном из квалифицированных специалистов, предпринимателей, учёных – словом, олицетворяла «утечку мозгов».

Помимо прямых и отдалённых по времени последствий Исламской революции аналитики считают одной из причин наблюдавшейся на протяжении 1980-х гг. эмиграции из Ирана затяжные боевые действия между ним и Ираком (развязанная Багдадом война длилась с 1980 по 1988 г.). По сути, речь идёт о комбинации факторов, выталкивавших многих иранцев из страны: политика аятолл в процессе консолидации режима вызывала протесты и отторжение со стороны части дееспособного населения (особенно людей с либеральными, проевропейскими взглядами, распространявшимися при шахе) – этих людей режим стремился в первую очередь мобилизовывать и отправлять на фронт под лозунгом «защиты родины и ислама». Неудивительно, что в данных условиях многие граждане предпочли покинуть страну.

Примечательна и такая причина следующей достаточно впе-

[263] Hakimzadeh S. Iran: a vast diaspora abroad and millions of refugees at home // Migration Policy Institute. 01.09.2006. URL: https://www.migrationpolicy.org/article/iran-vast-diaspora-abroad-and-millions-refugees-home (дата обращения: 06.01.2026).
[264] Ibid.

чатляющей волны оттока иранцев из страны, как вторжение международной коалиции во главе с США в соседний Ирак в 2003 г. Тогда мотивация беженцев сводилась главным образом к опасениям, что после свержения С. Хусейна Вашингтон и его союзники попытаются избавиться и от режима аятолл в Тегеране, что привело бы к новой кровопролитной войне. Реальных оснований для подобного поворота событий было немного, но формально на протяжении 1990-х гг. и вплоть до вторжения в Ирак в 2003 г. Вашингтон проводил в регионе политику «двойного сдерживания» – Ирака и Ирана одновременно, которая сопровождалась соответствующими нарративами в медиапространстве[265].

В отличие от описанных волн беженцев, связанных преимущественно с идеологическими соображениями, миграционные потоки в XXI в. в большей степени объяснялись стремлением людей улучшить своё материальное положение (в условиях международных санкций в отношении Ирана), обеспечить «достойное будущее детям». Но сказывалось и желание немалой части эмигрантов избавиться от тиранического режима на родине, т.е. потребность в атмосфере свободы на фоне усиливавшихся репрессий в стране[266]. Именно это сочетание мотивационных факторов, считают авторы доклада «Кто рискует, тот побеждает. Мотивации принятия решений мигрантами из Ирана» (2016 г.) международного аналитического центра *SeeFar*, лежат в основе «всплеска» (*surge*), мощной миграционной волны иранских беженцев в направлении Европы в 2015 г. «В последнем квартале 2015 г. иранцы входили в первую пятёрку национальностей среди беженцев, запросивших убежище в десяти странах – членах

[265] Шумилин А.И. США–ИРАН: между «максимальным давлением» и «героической гибкостью» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 7. С. 69–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-69-79

[266] Значимой причиной этой волны эмиграции стало подавление властями т.н. «Зелёной революции» в 2009 г. и развернувшиеся в стране репрессии. Многие участники антиправительственных выступлений впоследствии не скрывали своего разочарования политикой администрации Б. Обамы, отказавшей в помощи протестовавшим. Однако Белый дом тогда не ставил своей целью свержение режима в Тегеране, а наоборот – налаживал контакты с ним в контексте подготовки «ядерной сделки», заключённой в 2015 г. (см. Lake E. Why Obama let Iran's Green Revolution fail // Bloomberg. 24.08.2016. URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2016-08-24/why-obama-let-iran-s-green-revolution-fail (дата обращения: 06.01.2026).

Евросоюза. С мая по октябрь 2015 г. количество иранских просителей убежища увеличилось более чем в четыре раза. В тот период первичные инстанции по предоставлению убежища в большинстве стран ЕС признали иранцев категорией мигрантов "нуждающихся в защите", – подчёркивается в докладе *SeeFar*[267].

Таким образом, в отличие от мусульманских общин суннитов в Европе, которые в своём большинстве сформировались на базе т.н. «трудовой миграции» 1950–1970-х гг., шиитские общины в немалой степени складывались на идеологической основе в атмосфере критики и отторжения теократического режима в Иране. Тем не менее соответствующие государственные структуры в Тегеране и контролируемые ими организации в странах Ближнего Востока (например, «Хезболла» в Ливане) заметно активизировали в середине 2000-х гг. усилия по расширению своего влияния на иранскую и в целом шиитскую диаспору в странах Европы. Главным инструментом мобилизации европейских шиитов эмиссарами Тегерана становилась концепция их радикализации – хомейнизм.

В первые послереволюционные десятилетия шиитские общины в Европе оставались неблагоприятными объектами для работы с ними иранских властей даже с помощью «мягкой силы» (апелляция к «славной истории Персии», её культуре и т.д.). Со временем, однако, ситуация менялась: новые поколения иранцев, рождённые в странах Старого Света, в поиске своей идентичности оказались перед дилеммой: либо стремиться к максимальной европеизации, предполагающей отказ в значительной степени от своих национальных корней, либо пытаться выстраивать идентичность посредством баланса между сохранением этих корней (в той или иной мере) и принятием принципов и образа жизни европейцев.

Пошедшие вторым путём объективно влились в потоки движений всех мусульманских диаспор за сохранение своей идентичности, выдвигая европейским властям требования «уважать особенности и традиции последователей пророка Мухаммеда,

[267] Who Dares Wins Understanding the decision-making of irregular migrants from Iran // SeeFar. 07.2016. URL: https://seefar.org/wp-content/uploads/Seefar-Who-Dares-Wins-Iranian-Refugees-Irregular-Migration-to-EU.pdf (дата обращения: 06.01.2026).

почитать ислам, отказаться от дискриминации мусульман в повседневной и политической жизни европейских обществ». Одновременно «европеизированные иранцы» смягчали критическое отношение к политике властей в Тегеране – хотя бы потому, что они не испытывали на себе тяжесть репрессий, которой когда-то подвергались их родители, а сегодня от неё страдают многие граждане в этой стране.

Обращаться к своим религиозным корням подталкивала европейских шиитов и обстановка на Ближнем Востоке, которая на протяжении последних десятилетий – и особенно после свержения режима С. Хусейна в Ираке в 2003 г. – всё больше характеризовалась нарастанием противостояния между ведущими суннитскими (арабскими) странами и шиитским Ираном[268]. А начиная с 2015 г. важнейшим пунктом повестки дня отношений Евросоюза с Ираном была и остаётся вышеупомянутая «ядерная сделка» (СВПД). Иными словами, «большая политика» – ближневосточная или европейская – вынуждала шиитские общины занимать позиции, высказываться и постепенно вовлекаться в политические процессы в странах пребывания.

Со временем часть шиитских общин смягчила и свою критику главной политико-идеологической концепции Тегерана – хомейнизма[269]. Большинство идей основоположника Исламской Республики аятоллы Рухоллы Хомейни, сформировавших в итоге вполне органичную мировоззренческую основу «обновлённого шиизма», ориентированы на шиитские сообщества, и прежде всего на население самого Ирана (тотальная исламизация общества и страны в целом). Но есть в этой концепции и внешнеполитические аспекты, которые ряд аналитиков склонен называть опорами «стратегической культуры» Исламской республики, создающей идеологические рамки для внешней политики Ирана. В целом, заключают они, эта культура носит ревизионистский характер, поскольку нацелена на разрушение существу-

[268] Подчеркнём, что именно совместное понимание необходимости противостоять «экспансии Ирана» в регионе в последние годы привело к достижению примирения между ведущими суннитскими монархиями и Израилем («Авраамовы соглашения»).

[269] Имаков Т., Семедов С. Хомейнизм – идеология политического ислама // Россия и мусульманский мир. 2011. № 5. С. 123–135.

ющего миропорядка, став, по сути, манифестом отрицания либеральных ценностей и основ демократии западного образца[270].

Западной цивилизации Хомейни противопоставил «культуру сопротивления», одним из важнейших элементов которой является шиитский принцип *mazloumiat*. Чаще всего его интерпретируют как *обязанность угнетённого (человека или народа/нации) восстать против угнетателя и несправедливости*[271]. К категории подлежащих свержению угнетателей Хомейни относил и правящие кланы в арабских монархиях, которых аятолла определял как «коррумпированных лакеев Запада»[272].

«Если верить риторике представителей иранских властей, то первейшей целью (“обновлённого шиизма” – А.Ш.) является восстановление достоинства и высокого статуса Исламского мира путём создания условий, благоприятствующих “мусульманскому пробуждению”», – пишет Али Парчами, автор упомянутого аналитического доклада под названием «Восприятие мира Ираном: стратегическая культура Исламской республики». Заметим, что именно словосочетанием «мусульманское пробуждение» характеризовало иранское руководство политические потрясения т.н. «арабской весны» 2010–2015 гг.

Небезосновательно принято считать, что главными выгодоприобретателями событий первых лет «арабской весны» стали группировки и организации «Братьев-мусульман». Напомним также, что иранское руководство активно поддерживало восставших против диктаторов и коррумпированных властей в арабских странах. А свой первый зарубежный визит М. Мурси, тесно связанный с БМ и избранный на «весенней» волне президентом Египта, совершил в Тегеран. Его пребывание в Иране стало одним из самых ярких свидетельств связей между БМ и руководством шиитской державы.

Об истории тесных отношений между «братьями» и шиитами написано немало серьёзных материалов. Особенно впечатляют такие эпизоды, как посещение в 1938 г. молодым Хомейни

---

[270] Parchami A. An Iranian worldview: the strategic culture of the Islamic Republic // Journal of Advanced Military Studies. 2022. № 13. С. 9–23.
[271] Ibid.
[272] Khomeini R. Islamic Government: Governance of the Jurist // Tehran: TICPIKW, 2002. 94 p.

(ему было 36 лет) Х. аль-Банны (напомним, основателя египетской и впоследствии международной ассоциации «Братья-мусульмане»). Другой эпизод: организаторы убийства египетского президента Анвара Садата в ноябре 1981 г. не просто находились под впечатлением исламской революции в Иране (1979 г.), но и рассчитывали повторить её в Египте, а именно – посредством насильственной ликвидации главы Страны Пирамид побудить египтян выйти с протестом на улицы городов[273]. Этой цели террористы не достигли, но именем их казнённого лидера Халида Ахмеда Шауки аль-Исламбули названа улица в Тегеране.

Несмотря на различия в интерпретации некоторых исламских догм, членов БМ и религиозных фундаменталистов в Иране всегда объединяло немало общих целей. В первую очередь, это установка на восстание против диктаторов, узурпаторов и коррупционеров во власти. Но не менее важно второе утверждение фундаменталистов: на место свергнутых правителей-коррупционеров должны прийти правители «с чистыми руками», конечно, из числа религиозных деятелей, ибо – и это, можно сказать, главный принцип и лозунг обоих партнёров – «Ислам – это решение». Опыт постреволюционного Ирана, как и кратковременное нахождение у власти в арабских странах представителей БМ (в частности, в Египте и Тунисе), показывают, что данный тип исламских фундаменталистов суннитского или шиитского свойства предлагает сторонникам и населению своих стран вполне конкретные решения насущных проблем, копируя образцы времён «зари ислама». Чаще всего это справедливо называть мракобесием.

Сторонников такого рода «решений» в шиитских, как и в суннитских, общинах в странах Европы сравнительно немного, но питательная среда для них имеет тенденцию расширяться. Прежде всего, это связано с нарастающей напряжённостью между политическими элитами в странах Евросоюза, твёрдо придерживающимися принципа светскости общественной жизни, и исламскими радикалами внутри общин. Последние, явно спекулируя «правом мусульман» в любом месте придерживаться поведенческих стандартов, прописанных в Коране, только про-

[273] Parchami A. An Iranian Worldview:… Op. cit.

воцируют и подогревают данный конфликт. Как правило, радикалы делают это не только осознанно, но и под контролем своих покровителей – в случае с шиитами это государственные структуры Ирана и ливанской группировки «Хезболла».

Распространение идей и установок хомейнизма в странах Европы осуществляется через официальные структуры образовательно-просветительского профиля, главная из них – Университет Аль-Мустафа в Иране, филиалы которого функционируют в ряде стран Евросоюза. Вторая важная площадка – Всемирная ассамблея «Ахль аль-Бейт», неправительственная организация, развернувшаяся во множестве стран мира с целью объединения усилий шиитских клерикалов и установления контактов между шиитскими общинами. На организационно-оперативном уровне в странах Европы действуют представители «Хезболлы», признанной террористической в ряде стран Евросоюза и США, направленные туда её т.н. Отделом внешних сношений. По утверждениям представителей разведок стран ЕС, эмиссары Отдела замечены в причастности как к криминальной (наркотрафик, контрабанда), так и к террористической деятельности[274]. Данни Ситринович, сотрудник Института международной дипломатии в Израиле, автор доклада «Радикализация на службе революции: Иран, “Хезболла” и шиитское население в Европе», так определяет суть работы иранских структур в Старом Свете: «Цель приобщения шиитских общин к хомейнизму состоит в том, чтобы использовать их тремя способами. Лояльные Ирану шииты могут оказывать политическое давление на европейские правительства, прибегая к манипулированию демократическими механизмами. Второе: эта часть шиитских общин может быть использована для поддержки “Хезболлы” посредством сбора финансовых средств и направления рекрутов. Наконец, она может рассматриваться Корпусом стражей исламской революции и другими государственными организациями Ирана как логистическая инфраструктура для криминальных и террористических действий»[275].

[274] Citrinowicz D. Radicalization in the service of the revolution: Iran, Hezbollah, and the Shi’ite population in Europe // European eye on radicalization. Report № 19. December 2020. URL: https://www.abbaeban.runi.ac.il/post/radicalizati on-in-the-service-of-the-revolution (дата обращения: 10.01.2026).
[275] Ibid.

В борьбе за общественное мнение в странах Европы одной из важнейших задач внешней политики Тегерана было и остаётся формирование в шиитских общинах благоприятных для себя настроений и позиций. С этой целью он использует как инструменты «мягкой силы» (апелляция к «славной истории Персии», её культуре и т.д.), так и распространение весьма радикальных идей и установок современных иранских идеологов и стратегов. Последнее делается в Европе «под чужим флагом», а именно – ливанской организации «Хезболла». За последние два десятилетия она смогла развернуть на этом континенте масштабную сеть, несмотря на запрет данной организации в большинстве стран ЕС как террористической.

Проблема, однако, в том, что в 2013 г. (после теракта в Болгарии, совершённого агентами «Хезболлы») на уровне ЕС было решено запретить только её военное крыло, а политические структуры и подконтрольные им «культурные» учреждения сохраняли свободу действий в Европе. Брюссель тогда опасался, что полный запрет «Хезболлы», играющей весомую роль во внутренней политике Ливана, дезавуирует усилия европейской дипломатии по урегулированию кризиса в этой стране[276]. Примечательно, что призывы к полному запрету данной радикальной группировки заметно активизировались в Европе только в 2020 г., а именно – после серии исламистских терактов во Франции и Австрии. Тогда же усилилось давление на правительство Франции и президента Макрона с целью отказаться от контактов с представителями «Хезболлы»[277]. Но Париж упорствует в своей позиции, заявляя о несогласии последовать примеру Берлина, полностью запретившего эту ливанскую группировку. На уровне ЕС продолжаются дискуссии относительно правомерности разделения «Хезболлы» на военное и политическое крылья.

[276] Newton D. EU decision to ban the military wing of Hezbollah risks closing avenues for dialogue and further destabilising Lebanon's precarious peace // Conciliation Resources Australia. July 2013. URL: https://www.c-r.org/news-and-views/comment/eu-decision-ban-military-wing-hezbollah-risksclosing-avenues-dialogue-and (дата обращения: 06.01.2026).

[277] French figures call on Macron to back EU efforts to ban Hezbollah // The Arab Weekly. 01.09.2020. URL: https://thearabweekly.com/french-figures-call-macron-back-eu-efforts-banhezbollah (дата обращения: 27.01.2026).

Это происходит на фоне публичного признания самими руководителями этой организации её главной цели – «сопротивления Западу и арабским режимам». Так, например, Наим Кассем, заместитель генерального секретаря «Хезболлы» заявил следующее: «У нас нет военного или политического крыла. Каждый элемент в системе нашей партии – от командиров до рядовых членов – находится на службе идеям сопротивления»[278].

Как правило, посланцы «Хезболлы» представлены в странах ЕС по линии Департамента внешних сношений (ДВС) в Бейруте. «Так называемые “дипломаты” от ДВС создают на месте пребывания “общинные центры”, чтобы заполучить поддержку своей организации со стороны проживающих там шиитов… Они собирают фонды, работают с потенциальными рекрутами, служат пунктом коммуникации и связи между своими сторонниками в стране пребывания и руководством в Ливане, а также между оперативными сотрудниками “Хезболлы” в разных странах», – так описывает работу «диппредставительств» этой радикальной группировки в Европе Д. Ситринович[279].

Неудивительно, что наиболее радикальную пропаганду и практические действия в её духе власти Ирана, как правило, поручают именно офисам «Хезболлы». На официальном уровне они имитируют стремление дистанцироваться от этой якобы «ливанской организации», поскольку открытое взаимодействие с ней (т.е. фактическое покровительство ей) заметно противоречит официальной политике Тегерана, направленной на расширение взаимопонимания и его сотрудничества с европейскими странами. Попытки Тегерана распространить своё влияние на бóльшую часть шиитских общин в Европе пока не достигают желаемого иранским властям результата, поскольку в них заметно преобладание более лояльного к европейским реалиям отношения, что объясняется историей и социальным составов этих сообществ. Подчеркнём, что они формировались на протяжении 1980–1990-х гг. как общины, оппонирующие режиму аятолл. Однако, как отмечалось выше, со сменой поколений аналитики

[278] Rejak S. The Central European case for an EU Hezbollah Ban // The AJC Transatlantic Institute. 2022. URL: https://transatlanticinstitute.org/analysis/ central-european-case-eu-hezbollah-ban (дата обращения: 12.12.2025).
[279] Citrinowicz D. Radicalization in the service of the revolution:… Op. cit.

фиксируют некоторое изменение настроений среди родившихся в Европе иранских шиитов – они менее критичны в отношении режима в Тегеране, чем были и остаются их родители. Этим пытаются воспользоваться госструктуры и спецслужбы Исламской Республики, чтобы оказывать давление на европейскую политику, манипулируя демократическими механизмами. Появляющаяся прослойка шиитских радикалов, в отличие от суннитских сообществ в Европе, формируется под воздействием экстремистских группировок типа «Хезболла» и спецслужб Ирана. Следовательно, эта радикальная составляющая на европейском пространстве может представлять не меньшую угрозу, чем отвергнутые большинством суннитов такие экстремистские группы, как «Аль-Каида» и «Исламское государство».

Отношения между властями стран Европы и мусульманскими общинами там, судя по всему, вступают в новую стадию, характеризующуюся нарастанием озабоченности обеих сторон усилением радикальных элементов в данных общинах. Подавляющее большинство суннитов и шиитов в Европе отторгают навязываемый им исламскими радикалами конфронтационный нарратив в отношении окружающей их социально-политической среды. Мало у кого вызывает сомнение тот факт, что генератором радикальных настроений среди мусульман выступают внешние факторы, в частности, обосновавшиеся в Европе региональные филиалы суннитской ассоциации «Братья-мусульмане» и шиитской «Хезболлы». Как ни парадоксально, но достаточно остро конфликтующие между собой на Ближнем Востоке приверженцы двух основных течений в исламе – суннизма и шиизма – переходят к сотрудничеству в Европе в радикальном сегменте. Это происходит в основном на базе их во многом совпадающих концепций противостояния внешней угрозе (в лице государственного аппарата и общественных настроений в европейских обществах), а также общей для идеологий обоих течений «культуры сопротивления угнетателям».

Исламистские радикалы стремятся максимально использовать существовавшее в странах Европы «окно возможностей» для своей деятельности. Речь не только о довольно толерантном на протяжении десятилетий отношении властей к упомянутым

организациям, но и об их попытках регламентировать отношения между религиозными и светскими нормами жизни в ряде стран Евросоюза. Признание повсюду в ЕС светских законов приоритетными над религиозными традициями неизбежно ведёт к ограничению сферы религии, переводу последней в разряд частных прав и свобод граждан. С особой остротой на это негативно реагируют фундаменталистки настроенные приверженцы учения пророка Мухаммеда. Их недовольством и пытаются воспользоваться активисты радикальных течений и организаций в европейском исламе, связанные с БМ и «Хезболлой».

Повышенное внимание истеблишмента и экспертного сообщества в ЕС к этим проблемам следует, на наш взгляд, расценивать как осознание ими того факта, что отношения с мусульманскими общинами продолжают осложняться и могут достичь точки невозврата к тому достаточно благополучному состоянию, в котором они пребывали ещё пару десятилетий назад. А потому уже в самой близкой перспективе оправданно ожидать полного запрета европейскими властями организаций – генераторов радикализма среди мусульман – «Братьев-мусульман» и «Хезболлы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На момент написания данной работы можно утверждать, что начавшийся с «арабской весной» в январе 2011 г. период глубоких потрясений в арабском сегменте Ближнего Востока в основном завершён. Судя по всему, конечной точкой существенной геополитической трансформации в регионе стало падение режима Б. Асада в Сирии в декабре 2024 г. и обозначившаяся уже с января 2025 г. волна широкого международного признания новой власти в Дамаске. К концу 2025 г. этот режим доказал свою жизнеспособность. Тем самым Сирия стала единственной арабской страной с радикальной сменой само́й природы режима – от светской семейно-клановой к умеренно-исламистской, по ряду признаков приближенной к турецкой модели. В Тунисе и Ливии на данный момент при значительном усилении политической роли религиозных (исламистских) акторов правящий класс в ос-

новном сохраняет светскую идентичность[280]. В Египте же «довесенняя» (светская) природа режима восстановлена ещё в 2013 г. – после недолгого эксперимента нахождения у власти представителя движения «Братья-мусульмане» М. Мурси (2012–2013 гг.). Таково положение в отдельных арабских странах.

Преобразования в регионе в целом, следует признать, во многом связаны с политикой двух президентских каденций Д. Трампа. Предыдущий и нынешний его сроки отмечены существенными переменами на Ближнем Востоке, поскольку команды 45-го и 47-го президента США (они формировались Трампом как из официальных, так и неофициальных, но особо доверенных лиц) пересекали устоявшиеся для политики евроатлантистов «красные линии» – в отличие от его предшественников-демократов в Белом доме (Б. Обамы и Дж. Байдена), которые проводили вполне традиционную для США линию в этом регионе. Среди упомянутых действий команд Трампа наиболее значимы следующие: признание Иерусалима столицей государства Израиль и перенос туда американского посольства из Тель-Авива (2017 г.), выход США из СВПД (2018 г.), подписание «Авраамовых соглашений», создавших площадку и рамки для сближения ведущих арабских стран с Израилем (2020–2021 гг.), ликвидация высокопоставленного иранского генерала И. Сулеймани (2020 г.), нанесение ракетно-бомбовых ударов по ядерным объектам в Иране (2025–2026 гг.).

Для Евросоюза «ближневосточный трампизм» обернулся двойным эффектом: с одной стороны он, обеспечив преобладание США в регионе, заметно отодвинул роль Европы на второй план, а с другой – дал достаточно импульсов для переосмысления и мобилизации европейских стратегии и политики на этом направлении для становления ЕС как «самостоятельной глобальной силы». В ситуации фактического отсутствия альтернативы Евросоюз был вынужден активизировать мероприятия по наращиванию собственного политического, экономического и военного присутствия практически на всём пространстве БВСА

[280] Высочина Е.С. Радикальный ислам в Ливии // Гуманитарный акцент. 2018. № 4. С. 73–81. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/text/gumaccent/gumaccent-01-2018.pdf#page=73 (дата обращения: 16.01.2026).

– в Ливии, Сирии, Ливане, Палестине, в Восточном Средиземноморье, а также осуществить масштабные военно-морские миссии в Красном море и Персидском заливе.

Заметнее других стран ЕС активизировалась Франция, правительство которой укрепило свои военные базы и опорные пункты в Персидском заливе (главная авиабаза расположена в ОАЭ), а также нарастило военное присутствие в зоне периодически возобновляющегося противостояния между членами НАТО – Турцией, с одной стороны, и Грецией и Республикой Кипр, с другой. Особенно заметной стала активность президента Э. Макрона на палестино-израильском направлении в 2025 г. (организация им широкой международной кампании по признанию «независимого палестинского государства»), а также в Закавказье в период острого военно-политического противостояния Азербайджана и Армении вокруг Нагорного Карабаха в 2020 г. Там он выступил и продолжает действовать на стороне Еревана против Баку, очерняя при этом роль Москвы[281].

По мере обозначившегося снижения давления на европейский политикум ближневосточного миграционного фактора (например, часть сирийских беженцев начинает постепенно возвращаться на родину) заметно усиливается противостояние между властями большинства стран ЕС и исламскими радикалами, стремящимися расширить своё влияние в мусульманских общинах. Конфликт между умеренными мусульманами и их радикально настроенными единоверцами уже выплескивается за рамки общин, становясь составляющей общественно-политический жизни в европейских странах. Особенно отчётливо он проявляется во Франции в виде раскола среди крупнейших религиозных и правозащитных объединений мусульман, а также в заметном усилении влияния радикальных группировок, тайно и явно связанных с ассоциацией «Братья-мусульмане».

Напряжённость в мусульманских сообществах стран ЕС и особенно во Франции подпитывается влиянием ряда арабских государств и Турции. Более того, мусульманское пространство

[281] МИД счёл вопиющими слова Макрона о роли Москвы в конфликте Баку и Еревана // РБК. 13.10.2022. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63481d069a7947f49167c089 (дата обращения: 27.12.2025).

в Евросоюзе всё заметнее становится полем противоборства между такими ближневосточными соперниками, как Турция и Катар, с одной стороны, и Саудовская Аравия и ОАЭ, с другой. Если Анкара и Доха в основном покровительствуют радикальным элементам, связанным с «Братьями-мусульманами», то Эр-Рияд и Абу-Даби стараются укреплять позиции умеренных групп единоверцев, иногда откровенно подчёркивая совпадение своих интересов с внутриполитическими установками властей тех стран ЕС, правительства которых дистанцируются от крайне правых сил. Париж стремится ограничить любое иностранное влияние на французских мусульман, рассматривая их на официальном уровне как равных всем остальным гражданам.

Между тем следует констатировать, что «исламский фактор» стал в последние годы ещё более значимым как для внутренней, так и для внешней политики, в частности Франции. Этим можно объяснить и усиление «проарабского крена» в подходе Парижа к большинству проблемных узлов в регионе Ближнего Востока, что заметно отличает его позицию от линии Вашингтона при Д. Трампе. Речь идёт об оценке ситуации и её перспектив в секторе Газа, о французской кампании по признанию «независимого палестинского государства», да и о повышении остроты критики ЕС в адрес Ирана при весьма сдержанных оценках европейцами силового подхода Белого дома к происходящему вокруг этой страны.

Не менее важно и другое: политика, например, Франции, как наиболее активной страны ЕС на ближневосточном направлении, не в полной мере соответствует позиции Евросоюза. По ряду важнейших вопросов, заметим, Берлин отнюдь не разделяет подход Парижа. Так, канцлер Ф. Мерц, касаясь ситуации в Газе, подчёркивает приоритет права Израиля на самооборону, а также не спешит с признанием «суверенного палестинского государства». Такой же позиции придерживается и правительство Дж. Мелони в Италии. В целом в ЕС сохраняются разногласия по ситуации вокруг палестино-израильского противостояния, которые в немалой степени объективно подогреваются политикой Кабинета Д. Трампа.

«Размагничивающиеся» практически во всех областях отно-

шения между США и Евросоюзом при 45-м и 47-м американском президенте отчётливо проецируются и на Ближневосточный регион. Команда Трампа предпочитает действовать в одностороннем порядке, консультируясь в основном с региональными партнёрами (Израилем и арабскими монархиями Персидского залива), по сути, игнорируя европейских союзников по Североатлантическому альянсу. «Разлад» между Вашингтоном и Брюсселем отчётливо проявился в контексте контролировавшегося Трампом процесса урегулирования в секторе Газа летом-осенью 2025 г., а именно – в ходе подписания плана урегулирования на саммите в Шарм-эль-Шейхе 13 октября 2025 г. и последовавшего за ним создания т.н. «Совета мира» под руководством лично Д. Трампа в январе 2026 г. В первом случае европейским лидерам Трамп отвёл роль сторонних наблюдателей, а во втором – сами европейцы в своём большинстве отказались от участия в этом «сомнительном» органе (из стран ЕС в него вошли только лидеры Венгрии и Болгарии).

В завершение оправданно, на наш взгляд, сделать вывод о том, что как минимум до конца второго президентского срока Д. Трампа ближневосточная политика Евросоюза продолжит выстраиваться по модели «двух уровней» – национального (выражающего интересы конкретного государства) и наднационального (уровень согласования ближневосточной политики с принципиальными установками ЕС как «глобального игрока»). Скорее всего, это будет политика «демонстрации мускул» и наращивания силового компонента при попытке сохранить накопленный в регионе потенциал «мягкой силы». В условиях минимальной и средней турбулентности в регионе (без взрывных кризисов) наиболее вероятно, что европейская стратегия будет осуществляться по параллельному с американской политикой направлению. Впрочем, как показали события февраля – марта 2026 г. (масштабная бомбардировка Ирана), даже столь мощные потрясения не спровоцировали существенного углубление расхождений между Вашингтоном и Брюсселем применительно к БВСА. Со сменой хозяина Белого дома в 2028 г. взаимодействие между двумя берегами Атлантики имеет шанс вернуться к прежнему уровню.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов В.М. Роль «Братьев-мусульман» в сирийском восстании // Обострение международных отношений в Азии и Африке и позиция России / отв. ред. У.З Шарипов. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 53–67.

2. Гришин Я.Я., Исламов Д.Р. Внешняя политика Турции в Европе: фактор «мягкой силы» // Современная Европа. 2023. № 6. С. 96–109. DOI: 10.31857/S0201708323060098

3. Имаков Т., Семедов С. Хомейнизм – идеология политического ислама // Россия и мусульманский мир. 2011. № 5. С. 123–135.

4. Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М.: НИЦ «Ладомир». 2004. 468 с.

5. Михалева А.В. Федеральные выборы в Германии 2025 г.: политические партии о палестино-израильском конфликте // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 5. С. 20–31. DOI: 10.15211/vestnikieran520252031

6. Оганисян Л.Д. Политика Европейского Союза на Ближнем Востоке // Внерегиональные акторы на Ближнем Востоке / под ред. С.М. Гавриловой, И.А. Бочарова, А.П. Корзун, Д.О. Растегаева. М.: НП РСМД. 2024. 75 с.

7. Потемкина О.Ю. Сирийские беженцы в Европе // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 3. С. 48–49. DOI: 10.15211/vestnikieran320194853

8. Потемкина О.Ю. «Европейская повестка дня по миграции»: итоги и выполнения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 6. С. 80–85. DOI: 10.15211/vestnikieran620198085

9. Царегородцева И.А. «Политико-правовые концепции идеологов египетского движения «Братья-мусульмане» // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. С. 98–110.

10. Шумилин А.И. Евросоюз и проблема признания «палестинского государства» // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 5. С. 7–19. DOI: 10.15211/vestnikieran52025719

11. Шумилин А.И. Ближневосточная политика Евросоюза: в поисках эффективной стратегии // Научно-аналитический вест-

ник ИЕ РАН. 2024. № 2. С. 7–14. DOI: 10.15211/vestnikieran22024714

12. Шумилин А.И. Красноморская миссия Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 1. С. 17–24. DOI: 10.15211/vestnikieran120241724

13. Шумилин А.И. Евросоюз и ближневосточный кризис – 2023: между ценностями и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 5. С. 7–17. DOI: 10.15211/vestnikieran52023717

14. Шумилин А.И. «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 2. С. 140–148. DOI: 10.15211/vestnikieran22022140148

15. Шумилин А.И. «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 6. С. 147–154. DOI: 10.15211/vestnikieran62021147154

16. Шумилин А.И. Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 1. С. 50–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60

17. Шумилин А.И. Турция и НАТО: фактор Байдена. Ч. 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 3. С. 24–32. DOI: 10.15211/vestnikieran320212432

18. Шумилин А.И. Франция: Республика против «политического ислама». Ч. 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 117–124. DOI: 10.15211/vestnikieran22021117124

19. Шумилин А.И. Франция: Республика против «политического ислама». Ч. 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 54–61. DOI: 10.15211/vestnikieran120215461

20. Шумилин А.И. США–Иран: между «максимальным давлением» и «героической гибкостью» // МЭиМО. 2020. Т. 64, № 7. С. 69–79. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-69-79

21. Шумилин А.И. Евросоюз и Турция: конфликтное партнёрство // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 5. С. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran52020715

22. Шумилин А.И. Вызовы европейской безопасности-2020:

между Мюнхеном и Идлибом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 1. С. 4–10. DOI: 10.15211/vestnikieran12020410

23. Шумилин А.И. Евросоюз и Турция: различия в «ценностях» и трактовке суверенитета // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 3. С. 76–81. DOI: 10.15211/vestnikieran320197681

24. Шумилин А.И. США–Иран: битва за Европу // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3. С. 135–141.

25. Шумилина И.В. Антииранская стратегия Д. Трампа: внутриполитический фундамент // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 9. С. 79–91.

26. Шумилина И.В. О парадоксе интеграции мигрантов: рассуждения без софизма // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 5. С. 112–122. DOI: 10.31857/S268667302205008X

27. Al-Ketbi E. Turkey: The Future of Model and Role. Abu Dhabi: EPC, 2014. 55 p.

28. Aydıntaşbaş A. The Turkish sonderweg: Erdoğan's New Turkey and its role in the global order. Istanbul Policy Center, Sabancı University – Stiftung Mercator Initiative. 16 p.

29. Baydemir R. US Middle East policy: a comparison of the Trump and Biden eras. Proceeding book of 3rd International conference on trends in advanced research ICTAR 2025, 04–05 April 2025: Konya, Turkey. P. 57–66. Ed. by All Sciences Academy.

30. Cagartay S. The New Turkey and U.S. policy. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2013. 22 p.

31. Gauvain R. Salafi ritual purity: in the rresence of God. New York: Routledge, 2013. 392 p.

32. Hinnebusch R. The Sectarian Revolution in the Middle East // Revolutions: Global Trends & Regional Issues. 2016. Vol. 4, № 1. P. 120–152.

33. Huber D. A New Venice Declaration from a «Coalition of the Lead Donors» on Israel/Palestine // Istituto Affari Internazionali. 19–30 april 2019.

36. Fourest C. Brother Tariq: The Doublespeak of Tariq Ramadan. New York: Encounter Books, 2008. 150 p.

37. Khomeini R. Islamic government: governance of the Jurist.

Tehran: TICPIKW. 2002. 94 p.

38. Knudsen A. Political Islam in the Middle East. Bergen: Chr. Michelsen Institute, 2003. 32 p.

39. Kondral A. The Muslim Brotherhood in Europe: organisational and ideological trans formation // Journal of the Belarusian State University. 2020. № 4. C. 80–90. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-4-80-90

40. McDermott A. Egypt from Nasser to Mubarak: a flawed revolution. New York: Routledge, 1988.

41. Montemayor J. Historiographical perspectives of the Third Reich: Nazi policies towards the Arab World and European Muslims // NETSOL New Trends is Social and Liberal Sciences. 2017. Vol. 2, Is. 2. P. 16–30. DOI: 10.24819/netsol2017.07

42. Parchami A. An Iranian worldview: the strategic culture of the Islamic Republic // Journal of Advanced Military Studies. 2022. № 13. P. 9–23.

43. Perry D.L. The Islamic Movement in Britain. London: King's College London, 2020. 100 p.

44. Pierini M. Turkey's labyrinthine relationship with the West: seeking a way forward // ELIAMEP. Policy paper. 2020. № 38. 12 p.

45. Seufert G. Turkey shifts the focus of its foreign policy // SWP Comment. 2020. № 6. DOI: 10.18449/2020C06

46. Schmid A.P. Moderate Muslims and Islamist terrorism: between denial and resistance // The International Centre for Counter-Terrorism. 2017. The Hague 8. № 9. 28 p. DOI: 10.19165/2017.1.09

47. Vidino L. Programme on extremism. The Muslim Brotherhood in Austria. Washington: George Washington University, 2017.

48. Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood's Pan-European structure. Vienna: Austrian Fund for the Documentation of Religiously Motivated Extremism, 2021. 279 p.

49. Vidino L., Altuna S. The Muslim Brotherhood in Germany and Austria // Austrian Fund for the Documentation of Religiously Motivated Extremism, Vienna, Austria. 2022. 55 p.

ОБ АВТОРЕ

Шумилин Александр Иванович – д.полит.н., г.н.с., руководитель Центра «Европа Ближний Восток» Отдела европейской безопасности ИЕ РАН, главный редактор журнала «Научно-аналитический вестник ИЕ РАН». В разные годы: редактор радиостанции «Мир и Прогресс» Гостелерадио СССР; сотрудник Отдела изучения Израиля Института востоковедения АН СССР; сотрудник Посольства СССР в Тунисе; заведующий сектором Ближнего Востока журнала «За рубежом»; обозреватель Отдела международной жизни, заведующий бюро в странах Ближнего Востока и Северной Африки газеты «Комсомольская правда»; международный обозреватель газеты «Коммерсантъ», журнала «Эксперт», газеты «Известия»; руководитель Центра анализа ближневосточных конфликтов ИСК РАН. Автор 5 монографий и более 100 статей в рейтинговых российских и зарубежных научных изданиях.

ABOUT THE AUTHOR

Shumilin Alexander Ivanovich, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Head of the Center «Europe-Middle East» of the European Security Division of the IE RAS; editor-in-chief of the journal «Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences». Labor activity: editor of the «Mir and Progress» radiostation of the USSR State Radio and Television; Researcher, Israeli Studies Department, Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences; employee of the Embassy of the USSR in Tunisia; Head of the Middle East Sector, «Overseas Magazine»; senior correspondent of the Department of International Affairs of the newspaper Komsomolskaya Pravda; Head of the KP Bureau in the Middle East and North Africa; international observer of the Kommersant newspaper, Expert magazine, Izvestia newspaper; Head of the Center for Analysis of Middle East Conflicts, ISK RAS.Author of 5 monographs and more than 100 articles in Russian and foreign scientific journals.

В 2024–2026 гг. были выпущены следующие доклады Института Европы

412. Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество. Отв. ред. Е.С.Алексеенкова. ДИЕ РАН №412. М., 2024 г.

413. Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе. Отв. ред. Л.О.Бабынина. ДИЕ РАН №413. М., 2024 г.

414. А.А.Синдеев. Подходы европейских политологов к будущим системам безопасности. ДИЕ РАН №414. М., 2024 г.

415. Д.Ю.Базаркина. Коммуникационное обеспечение антитеррористической деятельности Европейского союза в XXI веке. ДИЕ РАН №415. М., 2024 г.

416. В.П.Журавель. Комплексный анализ арктических проблем в период подготовки и председательства России в Арктическом совете. ДИЕ РАН №416. М., 2024 г.

417. Выборы в Европейский парламент 2024 г.: этап эволюции партийной системы Старого Света. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН №417. М., 2024 г.

418. Германия. 2024. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №418. М., 2025 г.

419. В.В.Водопьянова. Европейское студенчество. ДИЕ РАН №419. М., 2025 г.

420. Европейская стратегическая автономия: оценки и вызовы. Отв. ред. А.В.Котов, К.А.Годованюк. ДИЕ РАН №420. М., 2025 г.

421. Е.С.Чимирис. Глобальная конкуренция в области микроэлектроники, политические и экономические стратегии развития ведущих стран отрасли. ДИЕ РАН №421. М., 2025 г.

422. П.А.Шариков. Отношения США и ЕС в начале XXI века. ДИЕ РАН №422. М., 2025 г.

423. Первый год правительства К. Стармера. Отв. ред. О.В.Охошин, Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН №423. М., 2025 г.

424. Партийно-политические системы стран Балтийско-Скандинавского макрорегиона в первой четверти XXI столетия. Отв. ред. Б.П.Гуселетов. ДИЕ РАН №424. М., 2025 г.

425. Северная Европа: политика безопасности вчера и сегодня. Отв. ред. Н.С.Плевако, И.Р.Скрипка. ДИЕ РАН №425. М., 2025 г.

426. В.П.Журавель. Арктические регионы Северо-Запада России: политика развития в условиях санкций и ограничений. ДИЕ РАН №426. М., 2026 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2024–2025

412. Italy in the turbulent world: politics, economy and society. Ed. by E.S.Alekseenkova. Reports of the IE RAS, №412. M., 2024.

413. Ethnicity, migration and electoral processes in contemporary Europe. Ed. by L.O.Babynina. Reports of the IE RAS, №413. M., 2024.

414. A.A.Sindeev. Approaches of European political scientists to future security systems. Reports of the IE RAS, №414. M., 2024.

415. D.Yu.Bazarkina. Communication provision of antiterrorist activities of the European Union in the 21st century. Reports of the IE RAS, №415. M., 2024.

416. V.P.Zhuravel. Comprehensive analysis of problems in the Arctic region during Russia's preparation and chairmanship in the Arctic Council. Reports of the IE RAS, №416. M., 2024.

417. European Parliament Elections 2024: a stage in the evolution of the Old Continent party system. Ed. by V.J.Schweitzer. Reports of the IE RAS, №417. M., 2024.

418. Germany. 2024. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №418. M., 2025.

419. E.V.Vodopianova. European students. Reports of the IE RAS, №419. M., 2025.

40. European strategic autonomy: assessments and challenges. Ed. by A.V.Kotov, K.A.Godovanyuk. Reports of the IE RAS, №420. M., 2025.

421. E.S. Chimiris. Global competition in microelectronics, political and economic development strategies of leading countries in the industry. Reports of the IE RAS, №421. M., 2025.

422. P.A.Sharikov. U.S.-EU relations in XXIst century. Reports of the IE RAS, №422. M., 2025.

423. The first year of K. Starmer's government. Ed. by O.V.Okhoshin, E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, №423. M., 2025.

424. The party and political systems of the Baltic-Scandinavian macroregion in the first quarter of the XXIst century. Ed. by B.P.Guseletov. Reports of the IE RAS, №424. M., 2025.

425. Northern Europe: security policy yesterday and today. Ed. by N.S.Plevako, I.R.Skripka. Reports of the IE RAS, №425. M., 2025.

426. V.P.Zhuravel. Arctic regions of North-West Russia: development policy in the context of sanctions and restrictions. Reports of the IE RAS, №426. M., 2026.

Научное издание

А.И. Шумилин

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА: ФАКТОР Д. ТРАМПА

Монография

Доклады Института Европы
№ 427

Подписано в печать 28.02.2026. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,75
Тираж 500 экз. Заказ № 4481

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: http://www.instituteofeurope.ru

Дизайн обложки Шумаковой О.А.
Отпечатано
Типография «Строки»
(ИП Волков А.Е., ИНН 366229355787)
г. Воронеж, ул. Любы Шевцовой, 34
+7 (995) 49-48-47-7
www.strokivrn.ru
strokivrn@mail.ru